

Союз театральных деятелей России

Сюжеты

издается с 1990 года

Содержание

Олег Лукошин БИОРОБОТ	3
Айрат Гайнуллин МАКСИМ УШЕЛ, МАКСИМ ПРИШЕЛ	69
Даниил Лебедев ДЕЛО ДЕНИСОВА	145
Мария Малухина ЗАМЫКАНИЕ	210
Виктория Скибина ОДИНОЧКИ	255
Павел Соколов ПОМИНКИ ПО ФИЛУ	292

УДК 821.161.1-2
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-6
С98

Серия «Сюжеты» – это сборники пьес молодых современных авторов, адресованные как профессионалам и поклонникам театра, так и широкому кругу любителей русской словесности.

Предлагаемый вниманию очередной сборник серии (№ 35) включает шесть пьес:

«Максим ушёл, Максим пришёл» Айрата Гайнуллина (г. Тюмень), «Дело Денисова» Даниила Лебедева (г. Париж, Франция); «Биоробот» Олега Лукошина (г. Нижнекамск, Респ. Татарстан); «Замыкание» Марии Малухиной (г. Москва); «Одиночки» Виктории Скибиной (Санкт-Петербург); «Поминки по Филу» Павла Соколова (г. Москва).

Это молодые талантливые авторы. Новые имена. Кто-то из них в начале пути, кто-то уже «засветился» в театральном пространстве. Пьесы очень разные по жанру и манере письма, но если их что-то и объединяет, то личная задетость, эмоциональная насыщенность и жажда откровенного высказывания.

Все названные пьесы отобраны через всероссийский конкурс, постоянно действующий в рамках Союза театральных деятелей России, и прошли сценическую апробацию на сцене Челябинского академического театра драмы имени Наума Орлова, где летом 2018 года прошел очередной Всероссийский семинар драматургов «Авторская сцена». (Семинар СТД РФ.)

При перепечатке ссылка на «Сюжеты» обязательна.

Все материалы печатаются на правах рукописи..

ISBN 978-5-6040301-2-7

© Составление, оформление.
Союз театральных деятелей РФ (ВТО),
2018 г.

Олег Лукошин
БИОРОБОТ

Действующие лица:

ХОЗЯИН КАБИНЕТА – то ли следователь, то ли чиновник.

АЛЕКСАНДР ХАРЛАМОВ – индивидуальный предприниматель.

ГОЛОС.

ГОЛОС ОТЦА.

Скромного убранства кабинет. Стол с открытым ноутбуком, кипа бумаг на одном краю, старомодный телефон – на другом. Практически пустой шкаф для деловых бумаг, в котором красуется несколько разноцветных корешков папок. Два стула – один за столом, для Хозяина кабинета, другой – для посетителей чуть поодаль. По кабинету прохаживается интеллигентного вида задумчивый человек. Он одет в деловой костюм с галстуком, костюм явно недорогой, повседневный. В руках у человека карандаш и точилка. Неторопливо, сосредоточенно он затачивает карандаш, а когда карандашной стружки в точилке накапливается слишком много, то подходит к столу и стряхивает её на лист бумаги формата А4. Судя по всему, он успел заточить уже несколько карандашей: на столе стоит стакан с ними, а на листке образовалась небольшая кучка из стружки и сточенного карандашного грифеля.

Звонит телефон. Человек некоторое время смотрит на него, раздумывая, отвечать или нет. Затем, словно смирившись с неизбежным, кладёт на стол точилку, ставит карандаш в стакан, поднимает трубку и подносит её к уху.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да, готов. Уже поднимается? Хорошо. Быть жёстким, если понадобится. Понимаю. Уверяю вас, никаких сбоев не будет. Не в первый раз... Не считаться со временем, ясно. Добиться результата... Можете быть уверены, я не подведу.

Разговор окончен. Хозяин кабинета кладёт трубку на рычаг. Затем сминает листок с карандаш-

ными стружками и выбрасывает его в корзину для мусора, садится, кладёт руки на стол и сцепляет пальцы в замок. Он явно волнуется, но пытается казаться спокойным. Через некоторое время в дверь раздаётся стук.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да, войдите!

Дверь открывается, в проёме показывается Харламов, мужчина средних лет. У него слегка взъерошены волосы и выглядит он несколько раздосадованным, будто выполняет неприятную, но обязательную процедуру.

ХАРЛАМОВ. Можно?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да-да, заходите!

Харламов держит в руках какую-то бумагу, что-то вроде повестки. Он одет в мешковатые брюки, серый непритязательный свитер, поверх которого накинута лёгкая куртка. Помимо бумаги он держит в руках чёрную барсетку.

ХАРЛАМОВ (*протягивая бумагу*). Вот это к вам, не к вам – не пойму что-то. Кабинет вроде тот.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*берёт, бегом просматривает бумагу и утвердительно кивает*). К нам. Не ошиблись. Присаживайтесь.

ХАРЛАМОВ (*усаживаясь на стул*). А в чём дело-то, собственно? Я вроде ничего не нарушал... Законопослушный гражданин. Работы полно, а тут на вас приходится отвлекаться.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*жестко*). Да уж, придётся отвлечься.

ХАРЛАМОВ. Да не, я ничё. Если надо, то надо. Дел просто много. Но если надо, я всегда готов.

Хозяин кабинета берёт в руки папку, что лежит сверху на кипе бумаг. Открывает её, делает вид, что просматривает информацию, хотя по нему видно, что он знает её наизусть.

А можно поинтересоваться... Вы к ФСБ относитесь, да? Или как? Что-то не слышал о такой организации раньше.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*немного подумав*). Да, не будет ошибкой так сказать. Мы тоже занимаемся национальной безопасностью.

ХАРЛАМОВ. Наверное, путаница какая-то. Чем я интересен национальной безопасности? Я же простой человек, ни в какие дела не влезаю. На митинги не хожу. Семью кормлю.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. У нас ошибок не бывает. Но вы не волнуйтесь, много времени это не займёт. Я просто задам вам несколько вопросов.

ХАРЛАМОВ. На какую тему?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Сейчас всё узнаете.

ХАРЛАМОВ. А ничего, что я машину поставил прямо у здания? Там парковки так-то нет, даже табличка висит: «Не парковаться». Но больше некуда. И, главное дело, машин больше нет. Ничего?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ничего.

ХАРЛАМОВ. А то выйду сейчас, а машины нет. Или покоцает кто.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, не думаю.

ХАРЛАМОВ. Ну, ладно. А то мне без колёс никак. Полгода назад на старой тачке в аварию попал. Ремонт не подлежит, но сам отделался легко – две царапины. Взял недавно новую. Вот волнуюсь, как бы чего не так... Кстати, это не насчёт аварии вы меня вызвали? Там вина не моя, это в ГИБДД чётко отметили. Хорошо разобрались парни, молодцы. Так что я там вообще не при делах.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Мы вас не вызвали, мы вас пригласили на беседу.

ХАРЛАМОВ. А-а, вот как! Но я же говорю, я не при делах. Там, собственно, мне в зад впечатались, я практически на месте стоял. Молодой какой-то парень, лет девятнадцать, первый месяц за рулём. Он, кстати, до сих пор мне страховые выплаты не сделал.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, мы не по поводу аварии.

ХАРЛАМОВ. Да?.. Ну, ладно. А по какому вопросу?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Давайте начнём, так сказать, с протокольной части. Я задам вам несколько вопросов о вас и вашей жизнедеятельности. Отвечайте просто и максимально точно.

ХАРЛАМОВ. Хорошо. Но меня же не в терроризме подозревают, правильно? Я ведь ни с какими подозрительными личностями не контактирую. На Кавказе один раз в жизни был, ещё студентом.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Предмет нашего разговора несколько иной, но информацию вы озвучили интересную. Мы её учтём.

ХАРЛАМОВ. Что-то лишнее сказал, да? Я же говорю – всё по правилам было. Чисто отдых, никакого

хулиганства. О терроризме вообще речи не шло. Я же простой человек. За Россию. За президента. На Донбасс однодневную зарплату перечислял. И ещё могу, если понадобится. Я же понимаю, что сейчас нельзя поддаваться всякому там влиянию.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Итак, назовите ваше имя, отчество и фамилию.

ХАРЛАМОВ. Так вы же знаете. Я вижу, у вас бумага с моей фотографией и имя полностью написано. Получается, что на меня уже давно дело завели, так что ли? Вы знайте, если что, – я всегда готов сотрудничать с органами.

Хозяин кабинета усмехается, откидывается на спинку кресла, смотрит на Харламова прищурившись и как-то приободряется. По нему видно, что скованность и внутреннее волнение, которые смущали его, улетучиваются. Он понимает, что имеет над Харламовым власть и может его контролировать.

8

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. К терроризму наш разговор отношения не имеет. Не волнуйтесь и отвечайте на вопросы.

ХАРЛАМОВ. Хорошо. Как скажете.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Итак, фамилия, имя, отчество.

ХАРЛАМОВ. Харламов Александр Евгеньевич.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Харламов – как хоккеист?

ХАРЛАМОВ. Совершенно верно. Но мы не родственники. Я того Харламова вообще не помню, он же

Сюжеты

в семидесятые выступал. Вы, наверное, тоже. А вообще хоккей я очень уважаю. При случае всегда смотрю.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Род занятий?

ХАРЛАМОВ. В каком смысле?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Кто вы по профессии?

ХАРЛАМОВ. По профессии я инженер холодильного оборудования, но по специальности работал лишь два года. Там свои нюансы были... Сейчас занимаюсь предпринимательством. "ИП Харламов". Всё официально, по закону.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. В какой сфере занимаетесь предпринимательством?

ХАРЛАМОВ. Торговля. У меня два магазина. Очень небольших. Один на городском рынке, может знаете, – «Тысяча мелочей». Всё для дома – от шурупа до ножовки. Другой на улице Севастьянова, там продукты питания. Стандартный набор. Хлебобулочные изделия, сыры, колбасы, сладости... Ну, пиво... Водка... Но всё по лицензии, левым алкоголем, казахским там или каким другим, не торгую. Все документы в порядке, могу показать. Правда, не все у меня на руках.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Образование?

ХАРЛАМОВ. Высшее. Я же сказал – инженер холодильного оборудования. Вы не записали, да? А, всё записано! Ладно, ладно... Наш местный политех закончил. В Москву вообще-то хотел ехать, там у меня тётка, сестра отца, но как-то не роднились мы с ней, старые обиды у них друг на друга. Я имею в виду, у отца с его сестрой. Так и не поехал. Но ничего, не жа-

лююсь. У нас здесь тоже хорошее образование получить можно, вопросов нет. А до института техникум закончил. Тоже политехнический. Я как-то по этой части, по практической – с техникой там, с оборудованием.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Семейное положение?

ХАРЛАМОВ. Женат. Женат, само собой. Имя жены надо?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, не обязательно.

ХАРЛАМОВ. Харламова Люция Рашидовна. По образованию – воспитатель детского сада. Сейчас домохозяйка. Просто последнее время доходы у меня, слава богу, стабильные, постучать надо, чтобы не сглазить, *(с неловкой улыбкой осторожно стучит по столу хозяина кабинета)* так что зачем ей работать, правильно? Пусть за детьми смотрит. Растит новое поколение защитников, так ведь?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА *(задумчиво)*. Люция Рашидовна.

ХАРЛАМОВ. Ну да... Татарка по национальности. А что, тут проблема какая-то?

Хозяин кабинета на вопрос не реагирует.

Не, ну вообще-то я не слышал, чтобы татары террором там целенаправленно занимались или чем-то другим. Не чеченцы же, в конце концов. А так она всю жизнь в России живёт. В смысле, в русской России, а не там, в Татарии. У неё там какие-то дальние родственники только. В Бугульме, вроде. Или в Буинске. Есть же такой город, Буинск, да? Вот... А так-то она там давно не была, в Татарстане. А может, и вообще не была,

я даже как-то не интересовался. Знаете, я вообще не в курсе, знает ли она татарский. Спрошу сегодня. *(Хмыкает, но как-то натужно.)* Мы же как бы на советской закваске формировались, к межнациональным бракам никаких вопросов не было. Даже поощрялось это. А так в жизни у меня с ней никаких проблем нет. Очень ответственная, искренняя женщина... Помощница... Друг.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Дети есть?

ХАРЛАМОВ. Обязательно! Двое детей. И третьего хотим, но не знаю, позволит ли возраст. Всё-таки мне уже за сорок. Жена, конечно, моложе, ей тридцать пять, но уже опасается рожать. Отклонения могут возникнуть, ну да, вы знаете. Дауны, и всё такое. Я, конечно, в это не верю, на здоровье никогда не жаловался, но насчёт третьего ей инициативу отдал. Как будет готова – даст знать. *(Ещё одна неловкая и корявая улыбка.)*

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Взрослые дети?

ХАРЛАМОВ. Нет, маленькие. Старшая в четвёртый класс ходит, младший – ещё в детский сад. Тоже имена надо?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, не обязательно.

ХАРЛАМОВ. Я ничего не скрываю, могу назвать. Старшая – Марина. Марина Александровна. Младший – Кирилл. Кирилл Александрович. Хотя у вас, вроде, в бумаге всё записано...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Маленькие, значит?

ХАРЛАМОВ *(некоторое время молчит и почему-то начинает ёрзать на стуле)*. Ну да, маленькие...

Не, тут дело в том, что это не первый мой брак. Я по молодости женат был. Но не сложилось, жили вместе мало. Года два всего. Может, чуть больше. От того брака у меня тоже ребёнок есть, Максим зовут, но я его уже лет пятнадцать не видел. Он сейчас школу заканчивает. Подождите, а не в институте ли уже? Блин, не помню, вот честное слово! Но это знаете почему не помню. Просто с первой женой мы очень плохо расстались, она со своими прибабасами была. Между нами говоря, психически неуравновешенная. Даже на учёте где-то там стояла. Нет, я не хочу сказать, что она сумасшедшая или что-то в этом роде, просто мы с ней, как говорится, не сошлись характерами. Бывает. Она смоталась вместе с грудным ребёнком и с тех пор меня к нему не подпускает. Хотя я помогать никогда не отказывался, алименты, как положено, платил. Плачу, точнее. И впредь готов сына поддерживать. Родная кровь, как-никак... Они в Санкт-Петербурге сейчас. Она ещё потом замуж выходила и снова развелась. Я же говорю, неуравновешенная. Не создана для семейной жизни. Я так-то не интересуюсь её житейным бытием, просто знакомые всякие встречаются, родители мои интересуются – так и приходит информация. Алина Сергеевна её зовут. В девичестве Самодина. А какая фамилия сейчас, даже не знаю... Кстати, вы не из-за Максима меня вызвали? Влип, что ли, куда?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, не из-за него.

ХАРЛАМОВ. А-а, ну ладно. Слава богу. А то с такой матерью запросто. Знаете, я ведь даже не знаю, как он сейчас выглядит. Стыдно, конечно, сын родной, и повидать его хочется, но никаких попыток не предпринимаю. Чтобы не навредить. А то залезешь в

чужой монастырь со своим котелком, ещё хуже будет, правильно?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Увлечения, хобби?

ХАРЛАМОВ. Это тоже надо? Не, ну надо так надо. Традиционные увлечения: огород, рыбалка. Лодка у меня есть. Выхожу иногда с друзьями. Но редко. Вот сын уж подрастёт, тогда почаще будем. Я его обязательно к природе приобщить хочу. Это же важно – чтобы настоящим человеком вырос, патриотом России. Правильно?.. Ну, а в остальном всё как обычно: футбол там, хоккей... Биатлон! Да, биатлон люблю! Губерниев очень здорово комментирует, втягивает. Зажигательный комментатор. Вы смотрите, нет?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*пролистывая бумагу*). У меня сказано, что вы имеете первый разряд по стендовой стрельбе.

ХАРЛАМОВ (*начинает ещё сильнее ёрзать на стуле*). А да, это... Ну, это я по молодости занимался, последние годы вообще не стрелял ни разу. Да какие последние, лет десять уже! Да и потом, первый разряд ерунда, даже не кандидат в мастера. У нас в секции первый всем подряд давали. Вы не подумайте, что я где-то там в инцидентах мог принимать участие или в горячих точках. Моя биография по часам расписана, жена всё подтвердит. Или коллеги. Да и вообще это не в моём характере. Не моя стезя, так сказать, чтобы лезть во что-то сомнительное, создавать проблемы, делать кому-то больно.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. То есть, стендовая стрельба в число ваших увлечений сейчас не входит?

ХАРЛАМОВ. Нет-нет, что вы! Говорю же, лет пятнадцать не стрелял. Если не больше... И никакого оружия у меня дома нет. На это прошу обратить особое внимание. Даже газового. И пневматического тоже.

Хозяин кабинета рассеянно кивает головой и продолжает листать страницы личного дела. Харламов настороженно смотрит на него, затем достаёт из кармана брюк носовой платок и вытирает выступившую на лбу испарину. Происходящее начинает угнетать и злить его.

(Наконец-то решившись.) Так, а скажите, пожалуйста, это нормально, что мы беседуем без адвоката? Говорим-говорим, а через минуту вы заявите, что я подозреваемый в преступлении? Всё, я отказываюсь отвечать на ваши вопросы и требую адвоката! Ни в какой стрельбе я участия не принимал, заявляю официально!

Хозяин кабинета с некоторым удивлением взирает на Харламова. Его реакция слегка насторожила, но в целом большой тревоги у него не вызвала.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Александр Евгеньевич, вы совершенно неправильно поняли предмет нашего разговора. Никто и ни в чём вас не обвиняет. Я не следователь, и пригласили мы вас сюда вовсе не для каких-то процессуальных действий.

ХАРЛАМОВ. А для чего?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. До этого мы дойдём. Практически дошли. Но, прежде чем объяснить вам при-

чину нашей встречи, мне хотелось разобраться в том, какой вы... человек. Чем живёте, чем интересуетесь. Чем дышите, так сказать. Я задаю вопросы не для того, чтобы обвинить вас в чём-то, а чтобы подготовить к главному известию. К той информации, которая у меня имеется и которая может вас несколько удивить.

ХАРЛАМОВ (*нервничая*). Ещё раз, как называется ваша организация?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. На вашем приглашении всё написано.

ХАРЛАМОВ. Я читал, да, но про такую контору никогда не слышал. Я вообще не понимаю, зачем вы меня позвали и чего хотите.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Мы приблизились к этому вплотную. Буквально через пару минут вы всё узнаете.

Харламов глубоко вздыхает и немного успокаивается. Хотя по-прежнему взирает на Хозяина кабинета настороженно и с большим недоверием.

Видя ваше недоумение, больше не смею отвлекать вас посторонними вопросами. Но один я всё-таки должен задать. Обязан. Вопрос очень простой: почему вы сюда пришли?

ХАРЛАМОВ (*выражая крайнюю степень недоумения*). То есть, как почему?.. Мне прислали повестку.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это не повестка.

ХАРЛАМОВ. Ну, приглашение.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Разве там написано, что это приглашение? В той бумаге, что вы получили, сказа-

но лишь то, что вас ждут в такое-то время в таком-то месте. Это всё.

ХАРЛАМОВ. Ну вот, меня ждут. Значит, надо.

Хозяин кабинета смотрит на него пристально, не отводя глаз.

Подождите, так что, можно было не приходить?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это хорошо, что вы пришли. Лично я чрезвычайно рад этому. Просто мне хочется понять, что побудило вас сделать это. Чувство долга или чувство страха? А, быть может, какие-то другие эмоции? Почему вы решили в выходной день приехать в неизвестное вам место, а не отправиться на футбол или на рыбалку?

ХАРЛАМОВ (*смотрит на него с недоумением*). Нет, я не пойму, так надо или не надо было приходить?

Хозяин кабинета не отвечает.

16

(*После паузы.*) Ну, долг, конечно... Да, чувство долга, как иначе. Просто время сейчас беспокойное, много всяких сил, которые против нас. Вообще против личности человека. Раз меня приглашают в какое-то солидное ведомство, я решил, что не могу увильнуть от этого.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*кивает, пытается скрыть лёгкую усмешку, затем открывает ящик стола, достаёт оттуда пухлую папку, протягивает её Харламову*). Ознакомьтесь, пожалуйста, с этой технической документацией.

Сюжет

ХАРЛАМОВ. Документацией? Да я вообще-то не спец.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. У вас техническое образование. Вы инженер.

ХАРЛАМОВ. Ну, инженер, да, только я же не по специальности работаю. Потом, чтобы в технической документации шарить, надо вообще докой быть. И вообще, из какой сферы производства эти документы?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Робототехника.

ХАРЛАМОВ. О, это не ко мне! Робототехника. В этом я профан. *(С некоторым облегчением.)* Так вы что, в качестве эксперта меня вызвали?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Не совсем, но в некотором роде можно сказать и так.

ХАРЛАМОВ. Не, это вы ошиблись! Я сейчас и в чертежах холодильника с трудом разберусь, а вы мне ещё сложнее... Вот у меня знакомый есть, он кружок робототехники ведёт. В доме пионеров. Или как он там сейчас называется? Я его плохо знаю, но если вам так надо, могу раздобыть телефон.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Александр Евгеньевич, всё-таки посмотрите. Может быть, кое-что будет вам понятно.

ХАРЛАМОВ *(нехотя берёт папку и начинает листать)*. У-у, да это какой-то человекоподобный робот! Не, в этом я точно не рублю. И технические характеристики *(он вглядывается в одну из страниц)* совершенно непонятные. Так, по-моему, спецификацию вообще не записывают. Тут в основном химические формулы. Не, это точно не по моей части! *(Вдруг его*

взгляд останавливается на одной из страниц. Нахмурившись, он вглядывается в неё и с каждой секундой всё больше и больше приходит в недоумение.) Это что такое?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Что именно?

ХАРЛАМОВ. Фотография.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это фотоизображение модели, о которой в документации идёт речь.

ХАРЛАМОВ. Но это моя фотография! Причём в голом виде! Кто сделал её, откуда она здесь появилась?! *(Встаёт на ноги и начинает оглядываться по сторонам. Повышая голос.)* Это что вообще такое происходит!? Что за провокация!? Кто вам дал право фотографировать меня голым!? Я сейчас же пишу заявление в прокуратуру! Я это дело так не оставлю! Это что у вас, шуточки такие или что? Кто вам дал право вторгаться в мою личную жизнь?!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Присаживайтесь, Александр Евгеньевич! Присаживайтесь, не волнуйтесь. Ничего страшного здесь нет. Там много фотографий – в разные годы вашей жизни. Они необходимы для фактического подтверждения технических данных.

ХАРЛАМОВ *(продолжает злиться, но всё-таки присаживается на стул)*. Каких к чёртовой матери данных?! Я не позволю, чтобы меня втягивали в какую-то порнографию! Кто здесь главный?

Харламов ненароком открывает ещё несколько страниц с фотографиями, продолжая бурно реагировать. Хозяин кабинета терпеливо ждёт, когда он успокоится и перестанет кричать.

ХАРЛАМОВ (*швыряя папку на стол и пронзительно глядя на Хозяина кабинета*). Что это такое, мать вашу?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*строго, официально*). Харламов Александр Евгеньевич! Я уполномочен сообщить вам, что вы являетесь биологическим роботом, произведённым тридцать лет назад в рамках секретной программы «Биожизнь плюс». Ваша модель имеет техническое наименование BL-74537289. К сожалению, программа подлежит полному сворачиванию, а все модели, произведённые в её рамках, признаны устаревшими и подлежат скорейшей утилизации. Мне очень жаль, но я обязан оповестить вас об этом и провести процедуру отключения. К сожалению, увидеть жену и детей вам не разрешено. Уверяю вас, что все озвученные мной решения приняты, в первую очередь, в ваших интересах, потому что биологические процессы в вашем искусственном организме приняли необратимый характер и приведут вас к разрушению. Это принесёт вам невероятные физические страдания. Мы же отключим вас быстро и безболезненно.

Харламов некоторое время пристально смотрит на Хозяина кабинета, а затем начинает смеяться. Смех напряжённый и надрывный. Затем он нервно откашливается...

Вам воды? У меня была где-то...

ХАРЛАМОВ (*надтреснутым голосом*). Это розыгрыш, да? Здесь скрытые камеры? Вы в интернет всё это выложите?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Я понимаю, что вам необходимо время, чтобы принять эту неожиданную дан-

ность и смириться с ней. Чем я могу вам помочь? Есть валокордин. У вас всё в порядке с сердцем?

ХАРЛАМОВ. С сердцем всё в порядке. Это у вас с головой полный бедлам. Вы из цирка, да? Или просто массовик-затейник?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Я бы не советовал вам переходить на грубость, потому что мы можем применить и более жёсткие меры.

ХАРЛАМОВ. Это какие?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Самые разнообразные. Лучше вам о них не знать.

ХАРЛАМОВ (*поднимаясь на ноги*). Да на одном месте я вертел ваши меры, понятно! Нашли идиота. Им развлечения, а я для них подопытный кролик. Вы меня ещё не знаете! Я найду на вас управу... Козлы вонючие! Гэбэшники грёбанные! Думаете, раз всю Россию раком поставили, значит над людьми измываться можно?! (*Хватает барсетку и решительно направляется к двери.*)

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Александр Евгеньевич, не уходите! Последствия будут самые печальные!

ХАРЛАМОВ. В рот я тебя имел, понял! Гнида!

Харламов выходит из кабинета и громко хлопает за собой дверью.

Хозяин кабинета выглядит угрюмым и подавленным, хотя пытается бодриться и успокаивать себя.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ничего, ничего... Он сейчас вернётся.

Телефон начинает пронзительно звенеть.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*торопливо снимает трубку, извиняющимся голосом*). Да, ушёл. Я считаю, что всё проходило по сценарию. Ничего не потеряно. Я предполагал подобное развитие событий, да и вы тоже, насколько помню. Он вернётся. Обязательно вернётся. Я в этом уверен. Да, готов понести всю ответственность за провал. (*Дрожащими руками кладёт трубку. Шёпотом.*) Сейчас-сейчас. Надо взять паузу. Считаю до пятнадцати. Он обязан вернуться. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать.

Дверь открывается и в проёме появляется робкое лицо Харламова.

ХАРЛАМОВ. Я извиняюсь. Можно?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*разом приободряется и расправляет плечи*). Да-да, заходите!

ХАРЛАМОВ (*проходя в кабинет*). Я извиняюсь. Наговорил тут лишнего. Нельзя так было, наверное. Но вы должны меня понять. Не каждый день такие известия сообщают.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Я прекрасно вас понимаю. Присаживайтесь.

ХАРЛАМОВ (*смущённо усаживается на стул*). Просто разобраться хочу... Я понимаю, что вы серьёзная структура и у вас много работы, но это же не может быть правдой, да? Вы, наверное, что-то другое в виду имели? Не то, что я понял.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Александр Евгеньевич, я выразился предельно ясно. Вы – биологический робот,

который подлежит утилизации. С этой мыслью надо смириться и принять её.

ХАРЛАМОВ. Но как же такое возможно? Это же чистая фантастика. Таких технологий не существует. И потом, я прекрасно знаю, кто я такой. Я себя чувствую и осознаю. У меня есть мысли, есть эмоции... Я просто не понимаю, зачем так грубо надо мной шутить. Кому я сделал плохо, скажите? Кому перешёл дорогу? Почему надо мной так издеваются?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Александр Евгеньевич. Я к вам по человеческому имени обращаюсь, хотя правильнее было бы называть вас цифровой комбинацией. Поверьте мне, никто над вами не издевается и даже не думает шутить. Технологии, в которые вы отказываетесь верить, существуют, и уже давно. Тот факт, что их не показывают по Первому каналу, не говорит о том, что их нет в принципе. Я всё прекрасно понимаю, вы не просто робот, у вас есть подобие души, вы считаете, что думаете и чувствуете, поэтому вам трудно принять эту истину. Но хотите вы того или нет, вам придётся смириться с мыслью, что вы – искусственное создание. Иначе нельзя. Иначе нам придётся отключать вас силой.

ХАРЛАМОВ (*криво усмехаясь*). Электрошоком долбанёте?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. В этом нет необходимости. Мы можем отключить вас дистанционно. Вы даже не поймёте, что всё закончилось. Просто...

ХАРЛАМОВ. Просто что?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Просто не хотелось бы обращаться с вами как с бездушным роботом. В конце

концов, вы способны мыслить. Мы решили, что будет лучше, если вы придёте к пониманию своей участи осмысленно. Что уясните всё сами. Да, мы могли бы просто нажать на кнопку и бросить ваше бездыханное тело в крематорий, но мы решили в научных целях откнуться перед вами. Понаблюдать за вашей реакцией. Замерить параметры ваших эмоций... Вы должны понять нас, в первую очередь, мы учёные. Мы осознаём, что причиняем вам моральную боль, точнее, ставим в серьёзный тупик ту программу, что заложена в вас. Но согласитесь, никто из учёных не откажется понаблюдать за тем, как программа будет справляться с невиданным для неё откровением, находить из него выход.

ХАРЛАМОВ (*растирая пальцами виски*). Я пока только одного понять не могу. Почему именно я влип во всё это? Почему не другой? Я же обычный человек, со мной за всю жизнь ничего ненормального не случилось. А тут такое... Что за чудовищный поворот? Чем я провинился?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Не казните себя! Все мы заложники своей судьбы. Ваша заключается в том, чтобы в один прекрасный момент узнать правду о себе. Вам можно только позавидовать! Люди проживают целую жизнь и не понимают, кто они такие и зачем пришли в этот мир. Проживают тупо и бездушно, как обыкновенный скот, а вам представилась возможность осознать, кто вы такой на самом деле. Осознать, как вы устроены, кто ваши создатели и чем всё для вас закончится. Это ли не счастье? Впрочем, для искусственного сознания эта категория может выглядеть слишком абстрактной.

ХАРЛАМОВ. Нет, я знаю, что такое счастье. Оно было у меня. Я любил женщин, у меня есть дети.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну вот видите, в таком случае вам вовсе не придётся себя жалеть!

ХАРЛАМОВ (*приободряется*). Вы мне тут много чего можете на уши повесить, но я требую доказательств! Как? Как может быть такое, чтобы живой и нормальный человек оказался вдруг биороботом? Покажите мне, что это действительно так! Покажите на мне кнопки, которые можно нажать, и я стану плясать или кукарекать. Покажите мне кнопку, которой меня можно отключить! Вскройте мне грудную клетку – я разрешаю, я стерплю – и вытащите оттуда плату с транзисторами и проводами!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Спокойнее, спокойнее! Я же внятно вам объяснил: вы би-о-ло-ги-чес-кий робот. В вас нет никаких кнопок и плат с проводами. Вы созданы из искусственных биологических материалов, которые сведены в единое тело и запущены к жизни. Да, в вас есть посторонние небιологические детали, но они выглядят совсем не как транзисторы. Скорее, их можно назвать кристаллами.

ХАРЛАМОВ. Достаньте из меня хотя бы один такой кристалл!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Боюсь, он не произведёт на вас никакого впечатления. Он выглядит как обыкновенный участок кости. Или как хрящ.

ХАРЛАМОВ. Я вам не верю!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Верите вы мне или нет, это ничего не меняет. Вы биоробот, и мы обязаны вас отключить.

ХАРЛАМОВ. Но я гражданин России! У меня есть паспорт, я плачу налоги... Это будет преступление, убийство! Вас за это накажут!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну что же, этот вопрос тоже требует разъяснения. *(Достаёт из стола файл с бумагами. Вытаскивает одну из них и передаёт Харламову.)* Вот секретное постановление правительства о полном сворачивании программы «Биожизнь плюс» и утилизации всех произведённых в её рамках субъектов. *(Протягивает другую.)* Вот документ из прокуратуры, в котором говорится, что она ввиду особой ситуации, связанной с вашим появлением на свет, не возражает против вашего отключения. *(Протягивает ещё одну.)* Вот постановление Конституционного суда, в котором решение правительства признано законным. Также там говорится, что утилизация искусственных созданий не противоречит Конституции и международным законам, так как речь идёт не о людях, а о биологических механизмах. *(Протягивает ещё.)* А вот документ от Уполномоченного по правам человека, который подтверждает, что никакие законы озвученными выше решениями не нарушаются. Об ущемлении прав личности речи не идёт, так как личностью искусственные биологические создания не являются. *(И ещё одну.)* И, наконец, документ из Министерства внутренних дел. В нём говорится о том, что присуждение гражданства биологическому роботу такому-то, то есть вам, являлось частью секретного научного эксперимента. В связи со сворачиванием программы, лишение вас гражданства и физическая ликвидация не являются нарушением закона и не ущемляют ничьих гражданских прав, ввиду отсутствия таковых у искус-

ственных созданий. Так что, дорогой мой друг, с точки зрения закона все наши мероприятия безупречны.

ХАРЛАМОВ (*рассеянно просматривая бумаги и затем возвращая их Хозяину кабинета*). Но так нельзя!.. Это неправильно! Я живое существо!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы не живое существо. Вы – искусственное создание. Творение рук человеческих.

ХАРЛАМОВ (*с потерянными видом сидит на стуле*). Ну хорошо. Даже если это так. Даже если я... то самое, о чём вы говорите. Какая необходимость в том, чтобы отключать меня, ликвидировать? Я никому не сделал ничего плохого. Я законопослушный гражданин, у меня нет ни одной судимости, я детей люблю... Оставьте меня в покое – и всё. Я никому ничего не скажу, обещаю!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Не всё так просто. Вы, может быть, прослушали ту часть, где я говорил о причинах принятого нами решения свернуть эту крайне важную программу.

26

ХАРЛАМОВ. Вы что-то говорили об этом?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Говорил, говорил. По крайней мере, я точно сказал вам о том, что начался процесс разрушения того биологического материала, из которого вы сделаны. В самое ближайшее время вы разрушитесь, попросту говоря, сгниёте, и это принесёт вам чудовищные страдания. Решение отключить вас – это акт милосердия.

ХАРЛАМОВ. Подождите, а где же тогда заключение о том, что я разрушаюсь? Научное заключение, заверенное подписями и печатями?

Сюжет

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*улыбаясь*). Есть, есть такое заключение. (*Снова открывает один из ящичков стола и вынимает оттуда листок бумаги.*) Вот, пожалуйста! Заключение специальной научной комиссии, созданной для вынесения вопроса по обоснованию закрытия программы «Биожизнь плюс». Обратите внимание, здесь пять подписей. Все – светила отечественной и мировой науки. Даже лауреат Нобелевской премии есть. Вывод их однозначен: разрушение биологического материала неизбежно. Программа подлежит сворачиванию, а субъекты ликвидации.

ХАРЛАМОВ. Но я готов рискнуть! Потерпеть. Пусть всё само собой происходит, зачем меня убивать?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы не представляете, о чём говорите. Боль будет настолько сильной, что вы станете кидаться на стены.

ХАРЛАМОВ. А давайте проверим! И потом, вы же можете её уменьшить, правильно? Раз я искусственный, значит, можно отключить какие-то функции. Снизить болевой порог и так далее.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*смувшись, но тут же найдя ответ*). Не всё так просто... Дело не только в боли. Дело в том, что при распаде тот биологический материал, из которого вы созданы, становится токсичным и радиоактивным. Вы превратитесь в ходячую заразу, угрозу для окружающих. Мы не можем рисковать людьми.

ХАРЛАМОВ. А что с ними произойдёт?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Они заразятся от вас. У них стремительно начнут развиваться болезни, в первую

очередь, рак. Неужели вы хотите, чтобы ваша жена или дети заболели? Ведь нет?

ХАРЛАМОВ. Ну, можно, я хотя бы жене позвоню. И детям.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нельзя.

ХАРЛАМОВ. Я ничего ей не скажу! Я просто хочу услышать её голос... Напоследок.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это глупые и никчемные эмоции, поверьте мне. Ну, хорошо. Но только жене. И очень коротко. Никаких упоминаний о нашем разговоре и о биологической программе. Никаких намёков на то, что вы будете ликвидированы. Короткий, ни к чему не обязывающий разговор, понятно?

ХАРЛАМОВ. Понятно. *(Достаёт из кармана брюк сотовый телефон и набирает номер. Слышит ответ.)* Люся, привет! Привет, любимая! Как ты? В каком смысле? Нет, обыкновенный. Трезвый. Так просто, решил звякнуть. Узнать, как дела. Не, что ты, я всегда тебя любимой называл. Где я? Да так, по делам мотаюсь. В одном заведении. Ты сама-то как? Нормально? Ну ладно. Слушай-ка, я вот что сказать хочу... *(Вскакивает вдруг на ноги и начинает кричать в трубку.)* Меня приняли, слышишь? Приняли меня конкретно! Какая-то непонятная контора, несут полную чушь. Говорят, кирдык мне будет... Ты это, знаешь что, свяжись с Налединым! Адвокатом Налединым, который помогал тебе, помнишь. Свяжись сейчас же, скажи – меня повязали. Я на проспекте Строителей, дом...

Харламов получает удар в горло от вскочившего на ноги Хозяина кабинета. Он падает на пол и

выпускает из рук телефон. Харламов катается по полу, а Хозяин кабинета топчет его телефон. Затем достаёт из ящичка стола чистый лист бумаги и аккуратно сметает на него всё, что осталось от телефона. Комок бумаги выбрасывает в мусорное ведро под столом.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну что же, BL-74537289. Мы с вами по-хорошему, а вы нам в благодарность вот такое вытворяете, да? Ладно, будем действовать иначе. Я, признаться, доверился вам, решил, что вы понятливый робот. А вы робот-бунтарь, робот-дебил.

ХАРЛАМОВ (*хрипя*). Вы за всё ответите. Жена свяжется с адвокатом. Он поднимет шум в прессе. Будет скандал на всю страну.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*усаживаясь на стул и саркастично морщась*). Адвокат. Да вы не просто робот-дебил, вы ещё и робот, заражённый идеалистическими вирусами. Скандал в прессе. Весь мир следит за событиями в здании суда. Прения сторон. Пламенная речь главного героя. Аплодисменты толпы. Титры под песню Боба Дилана. Вы мне лучше вот что скажите: почему ваша матушка плакала всякий раз в день вашего рождения?

ХАРЛАМОВ (*перемещаясь в сидячее положение*). Что?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Господи помилуй! Да вы ещё и робот-инвалид ко всему прочему! Ничего не слышите? Повторяю: почему ваша мать всякий раз плакала в день вашего рождения?

ХАРЛАМОВ (*несколько изумлённо*). Разве она плакала?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вспоминайте, вспоминайте... Дарит вам подарок – и слёзы смахивает, было такое?

ХАРЛАМОВ (*потирая горло*). Я давно не отмечаю дни рождения. Она от счастья, от наплыва эмоций...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. От счастья, ну конечно!.. Почему она вас постоянно шпыняла, словно не родного? Говорила какие-то обидные слова. Например: «Ты не мой, ты чужой... Тебя на помойке нашли...» И прочее в том же духе.

ХАРЛАМОВ (*поднимается на ноги и усаживает-ся на стул. Удивлённо*). Собственно говоря, откуда вы всё это знаете?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Я тут вам битый час вдалбливаю простую истину, а вы никак принять её не желаете: вы искусственное существо! Вы появились в лаборатории в форме двенадцатилетнего подростка и введены в простую советскую семью, специально подобранную для этой цели. Мы наблюдаем за вами с момента создания и знаем о вашей жизни всё. Абсолютно всё! Ваш отец (*роется в бумагах и находит нужную*) Харламов Евгений Спиридонович, кадровый офицер Советской Армии, привлечён к этому проекту как человек ответственный и исполнительный, заслуживший доверие и положительные отзывы в предыдущие годы службы. Выбран из более чем тысячи претендентов по результатам многочисленных тестов. Он справлялся с обязанностями отца чрезвычайно достойно и ни одного нарекания у нас не вызвал. Тесты не обманули, он относился к своим обязанностям по-военному чётко и самое главное – любил вас. А вот с

вашей матерью время от времени возникали проблемы. Харламова, в девичестве Кольцова, Тамара Вениаминовна, бухгалтер, нередко позволяла себе неадекватность в поведении и недопустимые высказывания в адрес предложенного ей на воспитание биологического создания, то есть вас, а также в адрес мужа. В общем и целом, её эмоциональные срывы были нам понятны. Она была вполне здоровой женщиной и могла иметь своих собственных детей, но после того, как вместе с мужем согласилась вступить в проект, рожать ей запрещалось. Разработчики программы считали, что это может навредить делу. Вы никогда не задумывались, почему вы у родителей единственный ребёнок? И это при том, что негласный советский семейный стандарт подразумевал иметь как минимум двух. Несколько первых лет она относилась к обязанностям матери вполне приемлемо, но потом начались сбои, эмоциональная неустойчивость. Упрёки, претензии и даже откровенная ненависть к вам. Верно говорю? Кто бы сомневался!

ХАРЛАМОВ. Родители всегда хотели завести второго ребёнка. Но у них не получалось.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. С вами получилось, а со вторым нет, так что ли? Помилуйте!.. При этом Тамара Вениаминовна была хорошей женщиной и искренне вас жалела. Поэтому и впадала иногда в слёзные истерики, чаще всего в ваш, так называемый, день рождения.

ХАРЛАМОВ. У родителей были свои проблемы. Они плохо жили, да, часто ссорились, но такое происходит в каждой второй семье. Если не в первой. Это обычная вещь.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Бросьте! Вы отлично понимаете, что я прав! Мать вас не любила, вы чувствовали это всё время. И даже испытали определённое облегчение, когда она умерла.

ХАРЛАМОВ. Это неправда!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да правда, правда... Я всегда удивлялся, для чего в матрицу вашего сознания необходимо было вводить всю эту сложную и широкую гамму чувств. Для биоробота хватило бы трёх-четырёх эмоций. Но программа подразумевала создание не просто биологических роботов, а нового искусственного человека, поэтому вас сделали максимально приближенным к Homo Sapiens. О, эти наивные советские учёные-максималисты со своими иллюзиями о гармоничном человеке! Человеке-звезде, человеке-вселенной. Ну вот какая вы звезда, какая Вселенная?.. Обыкновенное быдло. Рыночный торгаш. Полное разочарование, полный провал.

ХАРЛАМОВ. Так меня хотят уничтожить потому, что я рылом не вышел? Не нужны вам такие, да? А кто вас кормить будет, кто туалеты чистить?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да бросьте, кормилец хренов! Что вы за свою никчемную искусственную жизнь сделали полезного? Трикошки покупали в Москве на китайском рынке и перепродавали здесь втридорога – вот и все ваши достижения.

ХАРЛАМОВ *(собираясь с мыслями)*. Всё равно ничего не сходится... Меня поместили в семью, как вы тут лепите, в двенадцатилетнем возрасте. Это значит, что я не должен помнить своего детства. Но я прекрасно помню его!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну, внедрили вам в сознание кое-какие воспоминания. Стандартный набор. Я могу его перечислить. Вот вы на карусели катаетесь, вам будто бы лет пять, а папа с мамой машут рукой из-за заборчика, правильно? Правильно, правильно, ещё бы! А вот вы идёте в первый класс с огромным букетом цветов и дарите его учительнице. А она по щеке вас треплет, правильно? И это в яблочко! А вот вы на море отдыхаете – в Крыму, верно? Ливадия, Ласточкино гнездо, Гурзуф. Правильно? Ну, конечно, как можно промахнуться – ведь все воспоминания искусственные.

ХАРЛАМОВ. Это не так!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да так, так... Если вы трезво оцените свои воспоминания, то поймёте, что наиболее яркими и плотными они становятся именно с двенадцатилетнего возраста. А до этого так себе – блёклые и зыбкие образы, в которых всё типично и ничего оригинального.

ХАРЛАМОВ. Я помню, как сломал ногу в шесть лет!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. А, ну да! В деревне это было, верно? Якобы в деревне... Для полного ощущения жизненной правды в вас необходимо было внедрить и толику отрицательных впечатлений. Переломы, ушибы, ссадины... А ещё сексуальные переживания, куда без них. Первое приходится будто бы тоже на деревню, я не ошибаюсь? Где-то в семилетнем возрасте, не так ли? Вы с местной девчонкой – глупой такой, страшненькой, веснушчатой – лежите в поле и трогаете друг друга за причинные места. И так это

здорово, так возбуждающе, так волнительно – девочка тербит вам пипиську. Рискну предположить, что это одно из ключевых воспоминаний вашей жизни, вокруг которого происходило формирование вашей искусственной личности.

ХАРЛАМОВ (*глухо и подавленно*). Это не в поле было, а в огороде за домом.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну вот видите, локацию спутал... Зато в сюжете не ошибся. И не мог ошибиться, потому что вся ваша жизнь, явная и внедрённая, расписана по часам и хранится в нашем архиве. А вот скажите, почему это вдруг ваши родители аккурат в то самое время, когда вам исполнилось двенадцать, переехали в другой город? Не странное ли совпадение? Где вы до этого жили? Ну, как бы жили.

ХАРЛАМОВ. В Минске.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. И вдруг из Минска, большого и красивого города-миллионника, где все удобства и возможности, вы перебираетесь в какую-то российскую глушь, городок в двести тысяч жителей, где даже театра и трамвая нет. С чего бы это?

ХАРЛАМОВ. Отца перевели, он же военный. Точнее, не перевели. Он уволился из Вооружённых Сил. Пришлось перебираться сюда, квартира в Минске была у нас ведомственная.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Причина увольнения?

ХАРЛАМОВ. Я точно не знаю. Он в подробности не вдавался. Какая-то неприятная история. Вроде бы в растрате его обвинили. Чтобы не судить, предложили уйти со службы.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну что же, ваш отец, точнее, тот человек, который выполнял родительские функции, придумал вполне правдоподобную версию.

ХАРЛАМОВ. Тогда перестройка была в разгаре. Страна распадалась. А мы русские. Не хотелось оставаться за границей.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну, Белоруссия – не такая уж и заграница. Ничего страшного там не происходило. Она, насколько помню, не больно-то и стремилась отделяться. Но версия принимается, принимается. Вот только ненастоящая она. Родители ваши уехали из Минска, чтобы начать жизнь заново. На новом месте, с чистого листа. Потому что ни одному знакомому не объяснить, откуда вдруг в семье появился двенадцатилетний ребёнок.

ХАРЛАМОВ. Ну а почему меня двенадцатилетним сделали? Как-то не убедительно это. Могли бы сказать, что слепили в грудном возрасте.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вот это как раз абсолютно убедительно и объяснимо. Биологический материал, из которого вы созданы, имеет свойства регенерации и роста, но в определённых пределах. То есть, грубо говоря, вырастить из двенадцатилетнего ребёнка взрослого человека можно, а из грудного младенца – нет. Бьюсь об заклад, вы даже не помните переезд, правильно? Были в Минске, и вдруг оказались здесь, да? Вот так запросто, волшебным образом?

ХАРЛАМОВ. Ну, как уж не помню... Помню кое-что.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет-нет, ничего не помните!

ХАРЛАМОВ. Но этому есть объяснения. Должны быть. Наверное, я просто не придавал этому никакого значения, я был ребёнком.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну, а почему тогда ваши родители не общались ни с кем, кого знали в Минске? Никаких звонков, писем, телеграмм... И в Минск вы ни разу потом не приезжали, верно? Словно отрезало.

ХАРЛАМОВ. Ну я же говорил – там у отца проблемы были. Он просто не хотел беречь прошлое.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да ведь мама ваша тоже ни с кем не связывалась! Более того, вы ни разу не видели ни бабушку, ни дедушку, я прав? Ни отцовских родителей, ни материнских.

ХАРЛАМОВ. В раннем детстве видел.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. А после двенадцати лет – ни разу?

ХАРЛАМОВ. Они умерли к тому времени.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. У отца и матери разом?

ХАРЛАМОВ. Не разом, постепенно.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Но как раз к вашему двенадцатилетию бабушек и дедушек не осталось?

ХАРЛАМОВ (*после паузы*). Это просто совпадение.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, дорогой вы мой ВЛ-74537289, это никакое не совпадение! Не бывает таких совпадений.

Пауза.

ХАРЛАМОВ (*вдруг приободрившись*). Ну, так мы можем всё узнать у моего отца! Расспросить его...

Если он подчиняется вам, значит, не откажется рассказать мне правду.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*иронично*). Думаете?

ХАРЛАМОВ (*приободряясь ещё больше и словно радуясь тому, что нащупал у соперника слабое место*). Уверен! Дайте мне телефон, и я позвоню ему.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ваш телефон превратился в руины. Благодаря вам, заметьте.

ХАРЛАМОВ. Так дайте мне свой!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. У меня нет сотового.

ХАРЛАМОВ. Как это так? У всех есть сотовый.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. У меня нет.

ХАРЛАМОВ (*после паузы*). Так вот же, городской есть!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*словно в первый раз видит телефон*). Какой в этом смысл, вы всё равно не вспомните его номер.

ХАРЛАМОВ. А вот и нет! Я прекрасно помню его номер! Вы не хотите дать телефон, потому что обманываете меня.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*после некоторого раздумья*). Да берите, звоните. Но только отцу! И по громкой связи.

Харламов склоняется над телефонным аппаратом. Находит кнопку громкой связи, нажимает её и торопливо набирает номер. Идет вызов. Наконец, мужской голос произносит: «Да».

ХАРЛАМОВ. Алло, папа! Это Саша!

ГОЛОС. Кто это?

ХАРЛАМОВ. Это Саша! Са-ша. Ты слышишь меня?

ГОЛОС. Какой Саша?

ХАРЛАМОВ. Саша. Сын.

ГОЛОС (*хмыкая*). А сейчас ты скажешь, что тебя нужно вытаскивать из полиции, да?.. Или где ты там? В ФСБ? Деньги готовить, правильно? Сколько требуется? Тридцать тысяч или пятьдесят?

ХАРЛАМОВ. Папа, это ты? Что-то с голосом у тебя...

ГОЛОС. Когда вы оставите нас в покое, мошенники! Никакого сына Саши у меня нет! Слышишь меня, жулик? Ещё раз звякнешь, я этот номер тут же передаю в органы и тебя вычислят. Всё, отвали!

Связь прерывается.

ХАРЛАМОВ (*со злостью*). Это вы что-то сделали! Чтобы я не мог связаться с отцом!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да бросьте. Больно мне надо.

ХАРЛАМОВ. Чёрт, какой же номер у него? А можно я ещё раз жене звякну? У неё есть в сотовом номер отца, она скажет. Обещаю про адвоката не упоминать.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*открывает одну из папок, находит нужное*). Вот, нашёл я номер вашего отца. Сейчас наберу.

Хозяин кабинета нажимает на аппарате несколько цифр. Харламов ждёт. После короткой

*серии гудков на другом конце провода раздаётся
Голос Отца: «Да».*

ХАРЛАМОВ. Папа?

ГОЛОС ОТЦА. Саша?

ХАРЛАМОВ. Да, пап, это я. Ты как сам?

ГОЛОС ОТЦА. Ты откуда звонишь? Номер у меня не определился.

ХАРЛАМОВ. Я с городского. Из организации тут одной... Заскочил...

ГОЛОС ОТЦА. А чего не со своего?

ХАРЛАМОВ. Сломался мой. Слушай, пап! Я тут в кабинете у... какого-то странного человека. И он несёт полную чушь. Что я искусственное создание. Биологический робот. Что меня сотворили в виде двенадцатилетнего ребёнка и подкинули вам с мамой.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Не подкинули, не надо передёргивать! Они добровольно взяли вас на воспитание.

ХАРЛАМОВ. В общем, полная ахиня! И, короче, он говорит, что секретная программа, по которой меня якобы сделали, она сворачивается, и меня будут уничтожать. Типа я устарел, разрушаюсь и могу быть опасен для окружающих. Пап, скажи ради бога, что это хрень полная! А то у меня уже крыша едет.

Пауза.

ХАРЛАМОВ. Пап, ты слышишь?

ГОЛОС ОТЦА. Да-да, Саша, я слышу.

ХАРЛАМОВ. Ты понял, что я сказал? Мне тут какую-то фантастическую лабуду на уши вешают. Подтверди, что это не так, а!

ГОЛОС ОТЦА. Да, Саша, я всё понял...

Харламов ждёт. Отец молчит.

ХАРЛАМОВ. Алло, пап! Ты чего молчишь?

ГОЛОС ОТЦА. Саша, передай, пожалуйста, трубку тому человеку. Он рядом?

ХАРЛАМОВ (*недоумённо смотрит на Хозяина кабинета*). Зачем?

ГОЛОС ОТЦА. Передай, мне надо с ним побеседовать...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*с лёгкой улыбкой наклоняется к аппарату*). Евгений Спиридонович?

ГОЛОС ОТЦА. Кто это?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это представитель организации, той самой... В Тель-Авиве жарко.

ГОЛОС ОТЦА (*после паузы*). В Сантьяго идёт дождь.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. К сожалению, мы сворачиваем программу «Биожизнь плюс». Все объекты подлежат утилизации, в том числе BL-74537289. Мне очень жаль, вы привязались к нему, но это решение руководства.

ГОЛОС ОТЦА (*снова после паузы*). Я всё понимаю. Мне говорили, что это может произойти.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Объясните, пожалуйста, ситуацию вашему подшефному. Только, пожалуйста,

без эмоций и соплей. Вы же военный. Можете попроситься, но коротко. *(Откидывается на спинку стула.)*

ГОЛОС ОТЦА. Хорошо, я всё понял. Алло, Саша! Слышишь меня?

ХАРЛАМОВ. Да! Что происходит, папа?

ГОЛОС ОТЦА. Дело в том, что всё это правда. Мы действительно взяли тебя на воспитание. Ты на самом деле не человек. Тебя создали в лаборатории. Им надо подчиниться, иначе будет хуже. Ни о чём не жалею, мы все рано или поздно умрём.

ХАРЛАМОВ. Папа, это ты? Ты где находишься? Что у тебя с голосом?

ГОЛОС ОТЦА. Я волнуюсь. Не обращай внимания.

ХАРЛАМОВ. Но как это может быть правдой? Это же полный бред.

ГОЛОС ОТЦА. Извини, это правда. Ничем не могу тебя утешить.

Хозяин кабинета отжимает кнопку громкой связи. Пауза.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну что, убедились?

ХАРЛАМОВ *(тяжело усаживаясь на стул)*. Какой-то голос странный... Вроде бы отец, а вроде бы нет.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ещё вопросы есть?

ХАРЛАМОВ *(тихо)*. Да как же всё это возможно? Как такое может случиться? И что же, меня сейчас не будет? *(Повышает голос.)* Ну, вы хотя бы дайте время, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Месяц. Или хотя бы

неделю. Нельзя же просто так жизнь отнимать... у человека.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. К сожалению, мы не можем терять ни единого дня. Я не сомневаюсь, что вы сильное существо, хоть и искусственно созданное, и достойно примите свой распад...

Харламов молчит. Пауза получается долгой.

ХАРЛАМОВ (*вскидывая голову*). Ну, а как же дети?.. Откуда у меня взялись дети, если я биоробот?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Хороший вопрос. Вы действительно хотите знать ответ?

ХАРЛАМОВ. Конечно!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Просто он вам не понравится.

ХАРЛАМОВ. Говорите!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Дети не ваши.

ХАРЛАМОВ. А чьи же?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Анонимных доноров спермы.

ХАРЛАМОВ. То есть, когда я в жёну кончал, всё это было не на самом деле?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Совершенно верно. В вас заложена функция семявыделения, но само семя, увы, не обладает способностью производить потомство.

ХАРЛАМОВ. И как же в таком случае мои жёны беременели?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. В этом как раз никакой проблемы нет. На обследовании у гинеколога ввести семенную жидкость проще простого.

ХАРЛАМОВ (*начинает плакать, торопливо смахивая слёзы, но не выдерживает и рыдает*). Ну как же это так, а? Даже дети не мои! За что вы так со мной? Я же люблю их! Я же только ради них и жил! Мне жить больше незачем! Поймите, у меня ничего не остаётся без детей!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Плачьте, плачьте, не стесняйтесь. Станет легче. Через несколько минут вы поймёте, что в этой жизни вас ничто не удерживает. И распад сразу перестанет пугать.

Харламов погружает лицо в ладони и какое-то время всхлипывает. Хозяин кабинета сочувственно смотрит на него и терпеливо ждёт.

Поверите – нет, но я вам по-настоящему завидую. Мы, люди, сотканы из воспоминаний, привязанностей, дешёвых эмоций, а вы постепенно от них освобождаетесь. Становитесь свободным. Это ли не самое главное в жизни – стать свободным!?

ХАРЛАМОВ (*постепенно успокаиваясь*). И как же меня убьют?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вас не убьют, вас просто отключат.

ХАРЛАМОВ. Каким образом? В каком месте я отключаюсь?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вас отключат специальным раствором, который вы проглотите. Вот и всё. Раствор имеет форму обыкновенной таблетки. Ничего страшного.

ХАРЛАМОВ. То есть, попросту говоря, отравят.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы биологический работ, значит отключать вас нужно не механическими, а биологическими методами. Всё будет абсолютно безболезненно.

ХАРЛАМОВ. Это вы мне дадите таблетку?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Совершенно верно.

ХАРЛАМОВ. Прямо сейчас?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Чем быстрее мы закончим, тем лучше для всех. Вы уже готовы?

ХАРЛАМОВ. Нет-нет!!! Подождите!.. *(Опускает голову, пытаясь собраться.)* Вы вроде бы говорили, что нас таких много, правильно? Раз это большая государственная программа, то нас должно быть много!?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Совершенно верно. Вы не одни. Ликвидация биороботов проходит в это самое время и в других городах.

ХАРЛАМОВ. А сколько нас? Мне бы хотелось знать.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это секретная информация.

ХАРЛАМОВ. Ну, хотя бы приблизительно? Тысячи, миллионы?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Какие миллионы, что вы! Откуда в бюджете деньги на миллион биороботов? Вас... несколько десятков, скажем так.

ХАРЛАМОВ. А кто они?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. В каком смысле?

ХАРЛАМОВ. Ну, по профессии. Чем занимаются, где работают?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Где придётся. Никаких ограничений в сферах деятельности программа не подразумевала.

ХАРЛАМОВ. Значит, среди них могут быть известные люди?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Я не вправе раскрывать эту информацию.

ХАРЛАМОВ. А какая вам разница? Если меня сегодня ликвидируют. Чего вам бояться?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА *(с улыбкой)*. В ваших словах определённно есть логика. Так и быть, покажу пару фотографий. Хотя искренне не понимаю, какая вам от этого польза? *(Открывает один из ящичков стола и достаёт из него красную папку. Находит фотографию.)* Вот, например, эта миловидная женщина. Жила в Новосибирске. Обыкновенная, ничем не примечательная жизнь. Работала поваром в столовой.

Харламов пристально смотрит на фото и возвращает его Хозяину кабинета.

(Протягивая другое фото.) Вот особь мужского пола. Крайне любопытный экземпляр. Жил в Чеченской республике. Во времена приснопамятного конфликта был участником незаконных вооружённых формирований. Вот такие забавные изгибы. Потом его вынужденное отключение представили как ликвидацию террориста. Ну а что, наука тоже должна помогать спецслужбам.

Харламов глядявается в лицо этого человека и возвращает фото обратно.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. А вот, пожалуй, самый знаменитый из всей вашей колонии. Я сильно рискую, показывая его. Ну, да ладно, всё это между нами. *(Передаёт фотографию Харламову.)*

ХАРЛАМОВ. Как, он тоже?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да, представьте себе!

ХАРЛАМОВ. Даже не верится.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Порой и мне. Но ничего не поделаешь это правда. *(Убирает фотографии в красную папку.)*

ХАРЛАМОВ. А после моей смерти какие объяснения вы дадите?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Не беспокойтесь, с вами проблем не будет. Вы не столь известный персонаж. По телевидению говорить не станут. В газетах не напишут.

ХАРЛАМОВ. Ну, всё-таки.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да какая вам разница! Скажем, что сердце отказало.

ХАРЛАМОВ. Я никогда не жаловался на сердце!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это не значит, что оно не может отказаться.

ХАРЛАМОВ. Жена знает, что я попал в историю. Она не поверит этому.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Дорогой вы наш биоробот! Не слишком ли высоко вы ставите своё никчемное существование?

ХАРЛАМОВ. У меня бойкая жена.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы совершенно зря её расстроили. От этого пользы никакой, ни вам, ни ей. Ну,

поработаем с женой. Немного усложним версию. Скажем, что перед сердечным приступом у вас был нервный срыв. Что вы попали в неврологический диспансер и сделали звонок оттуда.

ХАРЛАМОВ. Она не поверит!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да поверит, поверит... Все всему верят, когда им предлагают разумные аргументы. Мы вашей жене чек на хорошую сумму выпишем. Скажем, у вас на счетах нашлась. И она будет счастлива. Купит новый смартфон и джинсовый костюм. Съездит на Сейшелы. Найдёт другого мужика. Они все такие...

ХАРЛАМОВ (*упрямо*). Не все!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*как бы шутливо*). Биоробот! Переключаемся в другой режим! В вас слишком много романтики.

ХАРЛАМОВ. Я никогда не чувствовал, что отличаюсь чем-то от остальных.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. А быть может, сладкое неведение – черта биороботов?

ХАРЛАМОВ. Неужели я настолько примитивен? Что, продавщица Диана, которая торгует у меня в магазине, чем-то умнее меня?! У неё внутренний мир богаче?! Вы видели продавщицу Диану или нет, ответьте мне?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, мне не доводилось видеть продавщицу Диану. Воочию. Но в вашем досье информация о ней присутствует.

ХАРЛАМОВ. Ну так как, скажите на милость, я могу быть биороботом, а она нет?! Это абсолютно

одноклеточное существо! Уровень мышления как у пятилетнего ребёнка.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы выковыриваете грязь, что скапливается между пальцами ног, ватными палочками?

ХАРЛАМОВ *(в удивлении)*. Что?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА *(терпеливо)*. Вам приходилось выковыривать грязь – знаете ли, она появляется между пальцами ног, если долго не мыться, – специальными гигиеническими приспособлениями, называемыми «ватные палочки». Они относительно недавно появились на российском рынке. Помнится, в пору моего детства мы не знали о подобных штуковинах.

ХАРЛАМОВ. Разумеется, нет. Я регулярно принимаю душ.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Замечательно! А продавщица Диана делает это постоянно!

ХАРЛАМОВ. Охотно верю. Но что с того? Это доказывает, что она умнее меня?

48

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это доказывает, что она человек, а вы – нет.

ХАРЛАМОВ. Что за чушь!? Получается, что человек – это такая хрюкающая свинья, а биоробот – тот, кто соблюдает гигиену?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы выразились несколько вульгарно, но смысл примерно таков. Человек отличается от машины, как бы это пафосно ни звучало, своей человечностью.

ХАРЛАМОВ. И что же тогда, по-вашему, человечность?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Человечность – это некая неправильность. Не то чтобы сбой в программе, но некая индивидуальная черта, которая отличает одного индивида от другого. Диана ковыряется в грязных пальцах, ваш старший сын Максим обожает гладить поверхность стекла.

ХАРЛАМОВ. Стекла?! Я не знал об этом!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да, он уже здоровый парень, но самозабвенно гладит окна. Успокаивается, видимо. Ваша жена Люция...

ХАРЛАМОВ. Не надо про жену!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Отчего же?

ХАРЛАМОВ. Я не желаю слушать пошлости про свою жену!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это не пошлость. Это всего-навсего невинное наблюдение.

ХАРЛАМОВ Не желаю!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да вы знаете об этой неправильности. Она любит изображения с линией прибора. Припоминаете, что у неё за картинка на рабочем столе в компьютере?

ХАРЛАМОВ. Да, какой-то пляж.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Не просто пляж, а линия прибора!

ХАРЛАМОВ. Она любит отдых на море. Но я не понимаю, почему это как-то отличает её от меня?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы не ставите изображения с линией прибора на рабочий стол.

ХАРЛАМОВ. Зато другие ставлю! С Лионелем Месси. С Майком Тайсоном. С Фёдором Емельянен-

ко. Это тоже хобби! Тоже неправильность! Почему же тогда я биоробот?!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*морщится*). Тайсон, Емельяненко. Какая, к чёртовой матери, неправильность! Это просто вопиющая зомбированность. Ни малейшей оригинальности.

ХАРЛАМОВ. Но Месси на рабочий стол ставят миллионы! Они тоже биороботы?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. У них есть другие неправильности. А у вас нет. Вы круглый как шар. Будешь сутки гладить и ни разу не поцарапаешься.

ХАРЛАМОВ. А вот и нет! Я докажу, что это не так!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это ничего не изменит, но попробуйте.

ХАРЛАМОВ. Я мою руки только глицериновым мылом!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. И это неправильность?! Да это убогое приспособление к каким-то сектантским правилам. Жалеете животных, из которых делают обыкновенное мыло?

ХАРЛАМОВ. Представьте себе, жалею! Почему это не подходит под определение человечности?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Не подходит, потому что это не она.

ХАРЛАМОВ. Я бродячим собакам куски хлеба кидаю!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну и где тут человечность, где? Какая-то роботизированная глупость, и не более того.

ХАРЛАМОВ. Ну а почему ковыряться в грязных пальцах – это человечность, а кормить бродячих собак – нет?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Потому что это так. К сожалению, вы цепляетесь за соломинки и сами не понимаете, насколько они тонкие и хрупкие.

ХАРЛАМОВ. Ну хорошо. Тогда я сделаю более интимное признание.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы уверены, что это необходимо?

ХАРЛАМОВ. Да, оно изменит всё. *(Собираясь с духом.)* Я люблю трогать себя за ягодицы!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА *(задумчиво и несколько удивлённо)*. Ну и что?

ХАРЛАМОВ. Это возбуждает меня! Ну, или точнее... умиротворяет. Я засовываю руки в трусы и глажу себя по заднице. Алчно, понимаете! Словно женщину...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы делаете это у всех на виду?

ХАРЛАМОВ. Нет, в одиночестве. В туалете. Или под душем. Это мой бзик, но разве он не показывает мою человеческую сущность?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Теперь я понимаю, почему мне с вами так трудно. Вы трогаете себя за ягодицы вовсе не потому, что в вас зародились сексуальные девиации. Отнюдь! Это в чистом виде машинная реакция. Как затухание экрана у компьютера. Я даже уверен, что она прописана в вашей документации.

ХАРЛАМОВ. Ага, значит, когда вам выгодно, человечность появляется. А когда нет, вы её отрицаете!?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. К сожалению, это не моя прихоть, а научная трактовка.

ХАРЛАМОВ. Так вы отказываетесь считать это проявлением человечности?!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Так и быть, давайте разберём вашу сущность на составные части. И вы поймёте, что в вас нет ни грамма оригинальности. Ваш любимый певец?

ХАРЛАМОВ. Ну...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Сергей Шнуров, правильно?

ХАРЛАМОВ. Не только. Хотя Шнуров тоже нравится.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ваш любимый актёр? Подождите, не отвечайте! Я всё расскажу за вас. В детстве нравился Шварценнегер, а сейчас Вин Дизель, правильно? А ещё этот... Джейсон Стэтхэм, угадал?

ХАРЛАМОВ. Ну, хорошие актёры. Но мне и другие нравятся.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ваш любимый автомобиль? Молчите-молчите, я отвечу за вас. Mazda CX-5, правильно?

Харламов слабо пытается вставить слово.

Ведь правильно, да?

ХАРЛАМОВ. Мне ещё куча других нравится.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Могу перечислить дюжину и ни в одной не ошибусь. Как вы проводите с детьми выходные?

ХАРЛАМОВ. Ходим в городской парк.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы водите их в ресторан «Бургер Кинг», верно? Потому что он недавно открылся в городе и ходить в него круто, а в «Макдональдс» уже как бы не то, а вы, чёрт вас подери, считаете себя продвинутым, прости господи, человеком и цепляетесь за моду, за тренд, за престиж. Милый мой, вы грёбанный биоробот без малейшего проявления человечности!

ХАРЛАМОВ. Но так делают все! Все мои друзья, все мои знакомые! Нас – миллионы! Почему же я искусственный, а они нет?

Пауза.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Это хороший вопрос.

ХАРЛАМОВ. А-а, значит, хороший! Значит, поставил вас в тупик?!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Он хорош не тем, что вы вот так взяли и озвучили его. Нет! Он хорош тем, что я сам задумывался о нём не раз. Задумывался – и не находил ответа.

ХАРЛАМОВ (*почти торжествует*). Вот видите! Видите!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Иногда мне кажется, что помимо программы «Биожизнь плюс», идеям которой я имею честь служить, в мир запущены ещё несколько сотен аналогичных программ. Может же такое быть? Как вам кажется?

ХАРЛАМОВ. О-о, ещё как! Очень даже может быть!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вам не страшно от этой мысли?

ХАРЛАМОВ. Нет. Нисколько!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. А мне страшно. Безумно страшно. Что же мы тогда такое, если нас сварганили в пробирках и выплеснули в этот безумный мир на потеху каким-то бессердечным учёным?!

ХАРЛАМОВ. Да ведь и я о том же! Войдите в моё положение: вы мне сообщили, что я не человек, а искусственное существо.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Какой в таком случае смысл в нашем существовании? Для чего мы явились в этот мир?

ХАРЛАМОВ. И после этого хотите, чтобы я спокойненько смирился с этой мыслью и без сожаления расстался с жизнью...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Всё это наводит на печальные конспирологические выводы. Если есть каста биороботов, значит есть и избранные... Настоящие люди, верховные жрецы...

ХАРЛАМОВ. А вдруг, вы тоже биоробот? Только из другой программы...

54

Хозяин кабинета смотрит на Харламова с лёгкой усмешкой, потом вдруг откидывается на спинку стула. Из его открытого рта начинают доноситься странные гортанные звуки, напоминающие работу неисправного автомобильного двигателя. Всё его тело начинает трясти. Наконец, раздаётся последний, пугающий звук. Харламов смотрит на него с панической тревогой. Хозяин кабинета похож на сломанную и брошенную куклу.

Сюжет

ХАРЛАМОВ. Эй! (Пауза.) Эй, уважаемый! С вами всё в порядке? (Пауза.) Вы живы? Может, доктора позвать?

Пауза.

ХАРЛАМОВ (оглядываясь по сторонам). Чёрт, что же делать! Ещё скажут, что я убил.

Харламов приближается к Хозяину кабинета и пытается разглядеть его ближе, затем берёт его за руку и пытается нащупать пульс. Хозяин кабинета вдруг резко отдёргивает руку и хохоча распрямляется.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ага, попались!

Харламов непроизвольно подаётся назад. После «воскрешения» Хозяина кабинета он выглядит ещё мрачнее и потерянное. Бросив на Хозяина кабинета презрительный взгляд, он молча возвращается на своё место.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Что, в самом деле решили, что я робот?

ХАРЛАМОВ. Ничего я не решил... Подумал, с сердцем что.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет-нет, вы подумали, что ваша мимолётная и такая безумная версия вдруг воплотилась в жизнь! Скажите честно, ведь так?

ХАРЛАМОВ (нахмурившись). Я гляжу, вы очень весёлый человек...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Именно! Очень весёлый. И самое главное – человек! Ну что, вернёмся к нашим баранам?

ХАРЛАМОВ. Как вам угодно.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы готовы, BL-74537289?

ХАРЛАМОВ (*вздрагивая*). К чему?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. К утилизации.

ХАРЛАМОВ. Так мы же... как бы поняли друг друга... Одной волны достигли...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Время идёт, а мы всё лясы точим. Пора бы уже перейти к окончательному решению вопроса.

ХАРЛАМОВ. Прямо сейчас?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да. Пора, мой искусственный друг, пора! Туда, где за тучей белеет гора.

ХАРЛАМОВ. Это из Пушкина?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Понятия не имею.

ХАРЛАМОВ. Точно из Пушкина. Я помню. Из школьной программы...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вполне возможно. Ну что, приступим?

ХАРЛАМОВ (*жёстко, словно решившись на что-то*). Почему вы занимаетесь этим?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Этим – чем?

ХАРЛАМОВ. Вот всем этим. Убийством! Вам это приятно или вас просто заставили?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Я не собираюсь объяснять искусственному созданию свои жизненные мотивы.

ХАРЛАМОВ. А представьте на минуту, что я не искусственное создание. Что я ваш школьный друг, с которым вы вместе по горкам лазили, в речке купа-

лись, впервые пиво попробовали... И вот сейчас вы отправляете его на казнь.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы утюгу объясняли, почему выбросили его на свалку после того, как он сгорел?

ХАРЛАМОВ. Я не утюг! У меня есть интеллект!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ах да, интеллект... Искусственный. Плоский. Одномерный.

ХАРЛАМОВ. За время нашего разговора я не заметил, что он чем-то отличается от вашего.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Почему вы сюда пришли, VL-74537289?

ХАРЛАМОВ. Вы уже задавали этот вопрос.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы ответили на него неправильно.

ХАРЛАМОВ. Пришёл, потому что я ответственный человек, который не может уклониться от официального вызова в серьёзную организацию.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Организацию, о которой до сегодняшнего дня вы ничего не слышали?

ХАРЛАМОВ. Я пришёл, потому что боюсь! Вы это хотели услышать?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы опять отвечаете неправильно. Оттого и не понимаете разницу между нами.

ХАРЛАМОВ. Нет, всё-таки. Напоследок. Пару слов! Чего вам бояться утюга, в конце концов! Когда вы перешли на сторону зла?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*усмехаясь*). Ну, извольте. Пара слов. Общение с вами – всего лишь краткий эпи-

зод в моей трудовой биографии. Я уже четверых биороботов списал в утиль до вас, а после – у меня ещё семеро по плану. Мне предписано быть вежливым, но в целом вы для меня безжизненная говорящая оболочка. Пустая консервная банка.

ХАРЛАМОВ. И все эти биороботы живут в нашем городе?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, моя работа проходит в переездах... *(Смотрит на Харламова с жалостью.)* Почему вас так страшит шаг в правду, в истинное понимание себя и своего места в этом мире? Шаг в очищение! В свободу! К чему вам вся эта ничтожная человечность?

ХАРЛАМОВ. Не, ну люди... это всё-таки единый муравейник... Каждый выполняет свою маленькую миссию для достижения одной большой цели.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Просветите меня, какая у человечества цель? Ради чего мы все по-муравьиному ползаем и тащим на холм свои соломинки?

ХАРЛАМОВ. Их много, этих целей.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Например.

ХАРЛАМОВ. Например, Космос! Заселение планет... Для того, чтобы человечество спаслось после того, как потухнет Солнце.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ого, масштабно! Хорошо, завоевали мы космос. Спаслись от остывающего солнца. Нашли новые планеты для жизни. Дальше что? Снова соломинки на гору таскать?

ХАРЛАМОВ. Дальше – жить! Наслаждаться. Любить.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. А новые звёзды, новые наши солнца – хоп, и снова потухнут!

ХАРЛАМОВ. Значит, будем искать другие.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Другие тоже потухнут. Все звёзды рано или поздно потухнут.

ХАРЛАМОВ. Всё равно искать что-то! В этом и есть смысл. Постоянно стремиться к жизни, к свету. Бороться за себя и своё потомство.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Эк оно как забуравили в вас гуманистические ценности! Узнаю человека советской закваски. Рождённый в СССР! Вперёд и вверх без остановки.

ХАРЛАМОВ. Что же в этом плохого? Я Советский Союз всегда добрым словом вспоминаю.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Сказал частный предприниматель, адепт рыночной экономики.

ХАРЛАМОВ. Ну, не распадись Союз, я бы на заводе работал, инженером. Не от хорошей, можно сказать, жизни в предприниматели пошёл.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну, а что мы будем делать, когда вся Вселенная схлопнется? Планеты ладно – найдём новые. Звёзды потухнут – ерунда! Отыщем другие. А что со всей Вселенной делать, когда она вновь сожмётся до размера атома? Вы же знаете, как устроен наш мир, про теорию большого взрыва слышали. Вселенная однажды возникла – и однажды исчезнет. Вместе с нами, муравьишками. Куда спастись будем, что думает ваше искусственное сознание?

ХАРЛАМОВ. Это теория, а не аксиома. Она не имеет достоверных подтверждений.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Bravo! Искусственное сознание нашло блестящий выход из ситуации. Название ему – самообман! Просто верить в то, что теория большого взрыва – чушь, и спасение обеспечено!

ХАРЛАМОВ. Ну, значит, придумывать что-то... Искать другие вселенные.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Сильный шаг! Я восхищаюсь цельностью ваших искусственных мыслей. Им, в буквальном смысле слова, неведомо сомнение.

ХАРЛАМОВ. Ну, а что вы предлагаете? Ложиться и умирать? Просто от того, что всё равно умирать придётся? Нет, так нельзя. Раз дали тебе семьдесят лет, надо пользоваться этими годами. Дали двадцать – тоже. И жить, жить, жить! Никогда не сдаваться.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Наши потомки, причём далеко не самые дальние, будут смотреть на этот вопрос уже без розового оптимизма. Аккурат когда станет нечего есть.

ХАРЛАМОВ. Нет, я не понимаю, к чему вы клоните! Нельзя отказываться от человека просто так, потому что в нём что-то не нравится. Раз он есть, с человеком надо мириться. Он всегда будет бороться за жизнь, какие бы трудности ни выпадали. Он, как заведённый механизм!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Как-как вы сказали? Заведённый механизм? Блестяще! Потребовалось всего полтора часа стресса, чтобы вы сами, без посторонней помощи, дали человеку определение. Он всего-навсего заведённый механизм.

ХАРЛАМОВ. Я не совсем это имел в виду. Я не хотел сказать, что он искусственное создание. Что он

робот. Просто человек нацелен на жизнь. В этом его предназначение.

Пауза.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вы достаточно прожили. И видели многое. Ничего лучше уже не будет.

ХАРЛАМОВ. Я за границей мало бывал. Всего раз пять. Да и то в самых ходульных странах – Египет, Турция, Таиланд. Быдлоотдых, так все говорили.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. А вам будто бы в Лувр захотелось, да?

ХАРЛАМОВ. Ну а почему бы нет? Кстати, я знаю, что это такое.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да не завидуйте вы другим, биомасса горемычная! Будь я на вашем месте, ни секунды бы не раздумывал. Да-да, не делайте такие круглые глаза!

ХАРЛАМОВ. Вона как гладко стелите! Так, может, поменяемся местами?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Вот вы не поверите, но я бы на самом деле с удовольствием поменялся с вами местами. Вы не представляете, как я устал от жизни. От работы этой проклятой. Адской работы. От вас, бестолочей искусственных, каждого из которых надо готовить к отходу в иной мир.

ХАРЛАМОВ. Что же вас сдерживает? Петлю на шею и давай-до-свидания!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Признаться, порой я самым серьезным образом думаю о таком выходе... Сдерживает чувство долга.

ХАРЛАМОВ. Как будто у меня его нет.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Увы, нет. Вы – искусственное создание!

Харламов хочет что-то возразить, но понимая, что бесполезно, молчит.

Ну что, дорогой вы мой BL-74537289! Ответите, наконец, почему вы сюда пришли?

ХАРЛАМОВ (*нервно, через паузу, произносит неуверенно*). Потому что я биоробот?!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (*удовлетворённо откидывается на спинку стула*). Ну наконец-то! Слава богу, дошло! Родили! Не зря я с вами мучился. (*Машинальным движением руки ослабляет галстук.*) Ну что, приступим к завершающей стадии нашего увлекательного путешествия? Больно не будет, обещаю. Я дам вам не какой-то там человеческий яд, а сертифицированное вещество-аннигилятор. Оно создано специально для биороботов вашей серии. Его разработчик получил за своё изобретение Государственную премию. Разумеется, в закрытом режиме.

ХАРЛАМОВ. А дальше что?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Дальше – всё. Конец.

ХАРЛАМОВ. Я имею в виду, что будет с моим телом. Его похоронят или кремируют? Семье дадут проститься?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, вы слишком ценный биологический материал, чтобы вас выбрасывать или сжигать. В вас вложены миллионы! Вами займется учёные. Возможно, какие-то фрагменты вашего кор-

пуса будут пущены в повторное употребление. Другие пойдут на лабораторные опыты или ещё на что-то. Ничего не пропадёт, не волнуйтесь.

ХАРЛАМОВ. Пусть жене сообщат, что я пропал без вести. Не умер, а пропал без вести. Это хоть какая-то надежда.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Договорились! Поехали?

Хозяин кабинета запускает руку во внутренний карман пиджака, достаёт белую коробочку, напоминающую коробочку для драгоценностей. Кладёт её на стол и открывает крышку. Харламов наклоняется, чтобы рассмотреть лежащую в ней крохотную ампулу.

ХАРЛАМОВ. Она розовая?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да. И что тут такого? Вам не нравится розовый цвет? Или не хотите, чтобы вас считали девчонкой?

ХАРЛАМОВ. И такая крохотная...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Мал золотник, да дорог. Своё дело она знает.

ХАРЛАМОВ. Просто проглотить и всё?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Совершенно верно. Вода понадобится? У меня есть бутылочная. Чистая, качественная. Я, знаете ли, из-под крана давно не пью. *(Достаёт из шкафа пол-литровую пластиковую бутылку воды.)* Вот только стакана нет. Не сообразил. Ну да вы и так, из горлышка запьёте, да? *(Ставит бутылку на стол.)*

ХАРЛАМОВ. Долго я буду умирать?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Не умирать, а отключаться... Не волнуйтесь, совсем не долго. Через пятнадцать секунд всё закончится.

ХАРЛАМОВ. Пятнадцать секунд... «Есть только миг между прошлым и будущим...»

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Да-да. Поэзия – лучший помощник в таких ситуациях. Но петь не надо. Мы и так много времени потеряли.

ХАРЛАМОВ. Могу я узнать ваше имя? Напоследок.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА *(несколько раздражённо)*. В этом нет никакой необходимости.

ХАРЛАМОВ. Ну, всё-таки. Чего вам стесняться? Сейчас-то!

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Нет, знаете ли, я против всех этих любезностей. У меня самое обыкновенное, ничего не говорящее имя.

ХАРЛАМОВ. А разве вы не должны представиться? Вы ведь как бы при исполнении.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Я не военный.

ХАРЛАМОВ. Ну всё же...

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Ну хорошо, меня зовут Иван Петрович Сидоров. Довольны?

ХАРЛАМОВ *(слабо усмехаясь)*. А дети есть у вас?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА *(раздражаясь ещё сильнее)*. Так, дорогой вы мой робот! Не затягивайте, пожалуйста, процедуру! Часы тикают, время бежит, вечность не ждёт.

ХАРЛАМОВ. Хорошо, хорошо! Последний вопрос. А с машиной моей что будет? Она во дворе. Меня не станет, кто её заберёт?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Машина задумалась о машине... Это, безусловно, самый главный вопрос в такой момент.

ХАРЛАМОВ. Это же не булавка. Она больших денег стоит.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Позаботимся мы о вашей машине. Позаботимся. Вернём семье.

ХАРЛАМОВ. А вдруг жене не отдадут?

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Я гарантирую, что с машиной и всей прочей вашей собственностью будет полный порядок. Она перейдёт к жене и детям.

ХАРЛАМОВ. Ладно. Это хорошо. А то заколебаться по кабинетам вашим бегать.

Харламов вздыхает полной грудью и протягивает руку к крохотной розовой ампуле. Хозяин кабинета в последний момент неожиданно кладёт руку ему на плечо.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА. Александр Евгеньевич! Ничего личного. Я всего лишь выполняю свою работу.

ХАРЛАМОВ (с некоторым удивлением). Да-да...

В этот момент телефон начинает звонить. И как-то громче и яростнее, чем обычно.

ХОЗЯИН КАБИНЕТА (вздрагивает и лихорадочно хватается трубку). Алло! Слушаю! (В процессе разговора на его лице появляется недоумение, он бледнеет.) Что значит прекратить? Почему? В чём дело? (Продолжает слушать.) Никаких ошибок! Я категориче-

ски настаиваю: не было никаких ошибок! *(В полном отчаянии, почти плачет.)* Но почему? Что я сделал не так? Это просто дежурные слова... Холодная процедура прощания... *(Едва не задыхаясь.)* Я ничего не понимаю... Я всё делал по правилам. Это какое-то недоразумение. Позвольте объясниться... *(В состоянии едва сдерживаемой истерики.)* Что значит ликвидировать? Меня? Как это понимать? Как можно ликвидировать меня? Я же... Что вы говорите? Что вы такое говорите? Я не могу быть биороботом! Я человек! Живой и настоящий человек! Почему вы так со мной, за что?!

Из трубки раздаётся мертвенно-железный скрежет, который катастрофически влияет на Хозяина кабинета. Он теряет человеческий облик и превращается в безжизненный механизм.

Харламов с ужасом наблюдает за происходящим. Затем машинально поднимает с пола трубку и кладёт её на рычаг. Склоняется над Хозяином кабинета и трясёт его за плечо, в растерянности оглядывается по сторонам. Хватает бутылку с водой, торопливо открывает и жадно принимается глотать жидкость.

Снова звонит телефон. Харламов в страхе отступает, делая шаг к двери, но останавливается. Решившись, поднимает трубку.

ХАРЛАМОВ. Да-да, здравствуйте! Совершенно верно, Харламов Александр Евгеньевич. Как себя чувствую? Неплохо, спасибо. Нет-нет, ничего не беспокоит. Всё в порядке. *(Слушает. Приободряется и*

светлеет.) Розыгрыш? Для телевизионной передачи? Вы серьёзно? *(Через паузу.)* Могу выбрать, будут ли её показывать? Ну, даже не знаю... Не хотелось бы, конечно... Спасибо! Нет-нет, со мной всё в порядке. Медицинская помощь не требуется. Домой? Да, хотелось бы домой... Нет, подвозить не надо. Я на машине. Да-да, всё нормально, доеду сам. Смогу-смогу, не переживайте.

Пауза.

ХАРЛАМОВ. Только... *(Оглядывается на лежащего Хозяина кабинета.)* Тут человек остался, мёртвый... Не человек? А кто? Разумная машина. Так что же, пусть лежит? А, уберёте сами! Ладно-ладно... *(Пауза.)* А таблетка?.. Не настоящая?.. Пустышка... Да-да, понимаю... Очень смешно... А фотографии?.. Те самые, где я голый?.. Фотомонтаж?.. А, ну да, конечно... А отец?.. Он подтвердил, что я... Нанятый актёр... Ясно... Нет-нет, никаких претензий!.. Никому ничего не расскажу, обещаю! Очень хорошо повеселился, спасибо. Классный розыгрыш! Никогда не забуду. Да-да, всего хорошего! И вам того же!..

Разговор окончен. Харламов в изумлении кладёт трубку на рычаг. Присаживается на своё место. Морщась, непроизвольно начинает массировать левую половину груди – там, где сердце. Вдруг видит свою барсетку, торопливо забирает её. Затем решительно направляется к выходу, но вдруг останавливается. Харламов возвращается к столу и молча смотрит на открытую коробочку с ампулой.

ХАРЛАМОВ. Чёрт, но почему же всё-таки я...
(Подцепляет таблетку двумя пальцами и моментально закидывает в рот.)

ХАРЛАМОВ. Один. Два. Три. Четыре. Пять.
Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. Одиннадцать.
Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать.

И полная тьма. Ни движений, ни звуков, ни дуновений.

То ли конец, то ли новое начало.

КОНЕЦ

Айрат Гайнуллин
МАКСИМ УШЕЛ,
МАКСИМ ПРИШЕЛ

Действующие лица:

МАКСИМ – около 30.

ЕВГЕНИЯ – может быть около 30.

КОЗЛОВ – около 30.

МЕРИНОВ – около 30.

МЕРИНОВА – может быть около 30.

ЮЛИЯ – около 30.

МАРУСЯ – 25 максимум.

ТИМУР – от 30 до 35.

ВАЛЕРА – около 30.

ДМИТРИЙ.

ВТОРАЯ.

ПЕРВАЯ.

МУЖИК.

ВТОРОЙ МУЖИК.

БАБУШКА.

ТАКСИСТ.
ВТОРОЙ ТАКСИСТ.
СОТРУДНИК ГОСТИНИЦЫ.
КСЮША.
ПАРЕНЬ.
ГОЛОС.
ГОЛОС МАМЫ.

ПРОЛОГ

У себя в квартире Максим и Евгения стоят друг напротив друга. Оба устали. Евгения ещё и на взводе. Держит в руке ноутбук.

ГОЛОС. Максим и Евгения уже не первый час ссорились. Просто кричали друг на друга. Обычное недопонимание у супругов, раздувшееся за счёт чувств и эмоций. Максим считал, что ссора проходит под контролем, пока Евгения не схватила его ноутбук. Ноутбук был не просто любимым, но ещё и рабочим. В нём было много всего важного. Захотелось ударить Евгению, но Максим был против насилия. Тем более над женщинами.

Максим оглядывается. И берёт в руки свадебную фотографию.

ГОЛОС. Поэтому он схватил свадебную фотографию, которую очень любила Евгения. Максиму казалось, что это должно было помочь...

ГЛАВА I

1

Темно. Хлопают дверью. Слышны голоса.

МАКСИМ. Ты думаешь, я вернусь? А я не вернусь.
Слышишь?

ЕВГЕНИЯ. Не слышу.

- Что?

- Не слышу, говорю.

- Ты вопрос мой услышала. Так что слышишь.

- Вернёшься.

- Что?

- Теперь ты меня не слышишь, что ли?

2

Козлов и Максим сидят в баре. Козлов уже хорошенько выпивший.

КОЗЛОВ. Да всё нормально будет.

МАКСИМ. Не уверен.

- Точно тебе говорю, всё нормально будет.

- Ты так говоришь уверенно.

- Конечно я говорю уверенно, потому что знаю, что всё нормально будет.

- Откуда?

- Да у всех всё одинаково. Побесятся. Потом сходятся. Это же кольцо на пальце и какая-никакая, но ответственность.

- Но мне же жить где-нибудь надо.
- Самый главный мой тебе совет. К родителям нужно идти в последнюю очередь. Просто, если ты женатый придёшь к ним домой и скажешь, можно я у вас немного поживу, гарантирую, всё, ты на всю оставшуюся жизнь для них неудачник. Я – живое тому подтверждение. Так что в последнюю очередь.
- Квартиру сейчас искать тоже не вариант. Ночь же.
- В гостиницу можно, но лучше тоже сразу туда не лезть. Одиноко там и дорого. По бывшим подругам лучше. А ещё лучше по друзьям.
- Хорошо. Тогда давай к тебе.
- Нет, ко мне нельзя.
- У тебя новая баба?
- Нет, я просто занят постоянно.
- И чем же ты занят?
- Ну, я бухаю. Этим в последнее время и занят. Не люблю, когда меня отвлекают.
- Это алкоголизм уже.
- Нет, это не алкоголизм. Это просто маленький запой. У меня месяц отпуска. Две недели я знаю, чем себя занять – поеду в Таиланд. А вот две другие недели «до» я не знаю, чем себя занять.
- По друзьям, значит.

ГЛАВА II

1

Вечером Максим стоит, обнявшись с Мериновым у того на пороге.

ГОЛОС. Как и у любого молодого человека, у Максима были друзья. Но, как и у любого молодого женатого человека, времени видаться с ними почти не было, а с некоторыми и вовсе долгое время уже не получалось общаться. С Мериновым у Максима из всех его друзей было больше всего общего. Они до сих пор оба были женаты.

МЕРИНОВ. Залетай.

Максим берёт сумку. Проходит в квартиру.

Ты догадаешься, где ты будешь спать?

У Максима звонит телефон.

МАКСИМ. Ты разрешишь?

Меринов кивает. И уходит из прихожей.

Это кто?

ЮЛИЯ. Это Юлия.

- Привет.

- Максим, если короче... Может встретимся?
Я знаю о твоей ситуации с женой.

- Это что, где-то на бигбордах написано или в новостях? Если надо, сам наберу, ладно?

- Я не хочу, чтобы меня какая-то опередила.

- Но не настолько же быстро. Ладно?

- Ладно.

МАКСИМ. Я закончил разговаривать. Мы можем с самого начала начать?

Появляется Меринов.

МЕРИНОВ. Хорошо... ммм... Ты догадаешься, где будешь спать? Или мне придётся сказать, где ты будешь спать?

МАКСИМ. На диване.

- Да, на диване в зале.

Максим хочет разуться.

МЕРИНОВ. Нет. У нас в обуви ходят. Протирай только хорошенько.

- Ладно.

Максим трёт обувь о гостевой коврик. Проходит напрямик в зал, где уже стоит Меринов.

Как тебе диван? (Показывает на диван.)

Стоит обычный хороший диван. Ничего космического. Просто диван.

МАКСИМ. Он такой.. он такой.

МЕРИНОВ. Диван?

- Да, он такой диван.

- Ну, тогда располагайся. Он твой.

- Он мой?

- Ну, да, он твой.

- И его двигать можно?

- А зачем тебе двигать?

- Ну, чтобы почувствовать, что он мой. Так его двигать можно?

- Нет, давай только не двигать. По-моему, он хорошо стоит этот твой диван.

- Пожалуй, ты прав. Неплохо. Дизайн и всё такое.
- Жена старалась.
- Ну да. Они такие, всё время с дизайном стараются.
- Может, посидим?
- На моём диване?
- Да. Немного посидим на твоём диване?
- Ну, давай посидим.

Оба садятся на диван.

МЕРИНОВ. Как ты думаешь, нормально будет тебе спать?

- А что такое?

- Ну, мы его как купили, ни разу ещё на нём не спали. Всё время всё гладко в семейных отношениях, понимаешь?

- Нет.

- Пива может попьём? Только, если попьём, то немного. В последнее время я стал от него отказываться и мне уже от двух банок хорошо. А завтра на работу. Так что, не больше двух банок.

- Хорошо. Мне тоже завтра на работу.

- Ты не думай, что я забыл, что тебе тоже нужно на работу. Просто когда смотришь на друга, у которого такая проблема с женой, как-то само из головы вылетает, что ему тоже завтра на работу.

Меринов хлопает по плечу Максима.

МЕРИНОВ. Я схожу на за пивом. *(Выходит из комнаты.)*

Максим оглядывается по сторонам. Рассматривает комнату. Смотрит на диван, а потом на него ложится. Вроде удобно. Слышны голоса Мериновой и Меринова.

МЕРИНОВА. Можно уже?

МЕРИНОВ. Да. Можно.

- Вы поговорили?

- Да, мы поговорили.

В зал входит Меринова. Максим из лежачего положения переходит в сидячее.

МЕРИНОВА. Зачем ты это сделал?

МАКИМ. Ну, неудобно как-то.

- Ваня не сказал, что ли, что теперь это твой диван?

- Сказал, но всё равно как-то неудобно. Я же в гостях.

- Да всё нормально... А почему ты не поздоровался?

- Растерялся немного. Столько всего навалилось.

- Ты её бил?

- Что?

- Она тебя била?

- Да нет.

- Нет, ну тогда...

МЕРИНОВ (*входя с четырьмя банками пива*). Всё нормально?

МЕРИНОВА. А что может быть ненормально?

- Да я без понятия. Просто уточнил, что всё нормально. Не каждый же день у нас ночует мужик.

- Папа мой в гости месяц назад приезжал.
- Я имею в виду, нормального возраста мужик.
- Мой нормального возраста.
- Да. Нормального. Только в таком возрасте мужики уже называются пожилыми мужиками.

К этому моменту Меринов уже протянул банку с пивом Максиму. Тот смотрит на неё и ничего не делает.

МЕРИНОВ. Открывать, что ли не будешь?

МЕРИНОВА. А мне?

- Ты же не пьёшь.

- Я не не пью. Я обычно не пью, потому что обычно нас двое. Но сейчас нас трое. А это уже компания. Так что я вполне себе готова выпить в компании.

- Ну, ладно.

Меринов протягивает Мериновой третью банку.

МАКСИМ. Мы же не будем танцевать?

77

2

Спустя время все трое танцуют.

3

Ночью Максим не спит. Он лежит в постели на диване.

Заходит в ночнушке Меринова.

МЕРИНОВА. Ты не спишь?

МАКСИМ. Лучше не заходи.

- Ну я же не приставать к тебе буду.

- Ладно.

- Ты не спишь.

- Это действительно вопрос был?

- Да, как-то не очень получилось, правда?

МЕРИНОВА (*садится в кресло*). А почему ты не спишь?

- Не спится просто.

- Это из-за того, что ты с женой поссорился?

- И из-за этого, наверное, тоже.

- А из-за чего ещё?

- Я когда потанцую, спать не могу.

- Ты вообще не спал?

- Нет, спал. Немного, а потом, наверное, мозг вспомнил, что я танцевал и ещё вспомнил, что я спать не могу, когда танцую.

- Я тоже не сплю.

- Я бы не догадался.

- Я не сплю, потому что ты, по-моему, не храпишь.

- Да вроде, не храплю.

- Я точно не могу это, конечно, утверждать, ведь ты же почти не спал.

- Жена не говорила мне, что я храплю.

- Значит, всё-таки не храпишь.

- Это плохо?

- А ты разве не слышишь, как Ваня храпит?

Максим прислушивается. Едва слышится храп.

МАКСИМ. Если только немного.

- Но он всё-таки храпит?

- Определённо храпит.

- А ты не храпишь.

- Я не сильно понимаю.

- Я проснулась. Думаю, что-то не то. Ваня храпит.

Прислушалась, а ты вроде нет. Подошла к комнате поближе. Точно не храпишь.

- У меня по-прежнему что-то с пониманием.

- Я к тому, что, ну я привыкла, что ночью тут все храпят, кроме меня. А ты же не храпишь? Я спать из-за этого не могу, начинаю думать всякое.

- Что я что-то сделаю, ты начинаешь думать?

- Нет, что ты, ну, не храпишь, начинаю я думать. И не могу уснуть. Тут все мужики должны храпеть. Таково правило этого дома. Понимаешь?

- Так ничего же не изменилось с того момента, как меня тут не было. Храпел только Ваня.

- Нет. Изменилось. Теперь есть тут ты. А ты не храпишь. Ладно. Я пошла. Попробую уснуть. А ты постарайся, ладно?

- (удивленно). Ладно.

Максим вновь ложится. Понятно же, что разговаривал он с Мериновой, не лёжа. Смотрит в потолок.

Утром Максим в домашней одежде заходит на кухню. Там уже в брюках и рубашке сидит Меринов.

МЕРИНОВ. Залетай. Кофе будешь?

МАКСИМ. Буду.

- А, если у меня только эфиопский кофе?

- А какая разница?

- Да я без понятия. Но моя задача заключается в том, чтобы тебя предупредить, что у меня только эфиопский кофе.

- Буду эфиопский кофе.

- Точно? Ты в этом уверен?

Меринов, не дожидаясь ответа, наливает кофе в кружку. Ставит её перед Максимом.

МЕРИНОВ. Но сахар, сам понимаешь, по своему собственному желанию. Можно больше, но меньше жить. Можно меньше и тогда там уже, как карта ляжет.

- Почему как карта ляжет?

- Ну, куча же всяких других возможностей умереть.

- А где Мила?

- Мила сегодня пораньше уехала.

- Ууу, ответственная.

- Да нет, она не сильно ответственная, когда дело касается работы. Первое её правило – никогда на работе не работай больше, чем положено. Это ведь просто работа.

- Тогда почему она пораньше поехала?

- Не спала она потому что.

- Всю ночь?

- Да, всю ночь... Я проснулся, а она уже одевается. Глаза уставшие. Говорит, не спала. И знаешь, почему не спала?

- Без понятия.

- Ты уверен?

- Не из- за того же, что я не храплю?

- Именно из-за этого.

- Это нечто невероятное.

- Я понимаю. Но её дом, её правила.

- Это же и твой тоже.

- Да и мой тоже. Но у нас общие правила.

- Я исправлюсь, честное слово.

- Как? Начнёшь храпеть?

- Да, с этим тяжело.

- Я просто не хочу, чтобы у меня было, как у тебя. Я берегу семейный очаг. И сейчас тем более. Ты понимаешь, к чему я?

- Это мой последний эфиопский кофе?

- Звучит слишком мрачно. Нет, это твой последний эфиопский кофе с утра и в качестве жильца данной квартиры. Но ничто же не мешает тебе приходить к нам в гости и наслаждаться этим эфиопским кофе.

- Ладно. Всё правильно.

- И вообще, во всём этом есть плюсы. Больше всего обломается, быстрее домой вернёшься.

- Я же не хочу домой.
 - Да мы все много чего в этой жизни не хотим.
- И ты, кстати, босиком ходишь по квартире.
- Да, привычка.
 - А меня это бесит. У нас в обуви ходят.
 - И с утра тоже?
 - Ну, можно же хоть в тапочках.
 - Ты меня на работу подкинешь?
 - Мне же не по пути.
 - Ладно. На маршрутке поеду. А сколько они, кстати, стоят?
 - Да подвезу я. Пошутил. Я же хороший друг. А хорошие друзья, когда выгоняют из квартиры, обязательно подвозят.

5

Меринов ведёт автомобиль. Рядом сидит Максим. Едут на работу.

82

МАКСИМ. У меня наболело. Ты не против, если я немного поговорю об этом.

МЕРИНОВ. Это же семейная жизнь – тяжелая штука. У всех бывает.

- Да я не об этом. Я о кофе.
- Об эфиопском?
- Да. Именно. О нём.
- А почему не о твоей ссоре?
- Да потому что не вернусь я к ней. И это не ссора.

Сюжет

Я просто не определился.

- Ну, смотри. Твое дело.

- Он правда, эфиопский?

- Да. Мила покупала. А она знает толк в кофе.

- И, значит, не может быть никакого исключения, что это не эфиопский кофе?

- Да не думаю. А что вообще случилось?

- Да я всё сижу и думаю, а чем он отличается от не эфиопского кофе?

- Тем, что не эфиопский кофе делали не эфиопы.

- Это понятно. Но должна же быть ещё какая-то причина, почему его называют не просто кофе, а эфиопским?

- Ты знаешь, я такой специалист.

- Да и я тоже. Может быть, толерантность?

- Что ты имеешь ввиду.

- Ну, ты стоишь в магазине, а тебе говорят, у нас есть прекрасный эфиопский кофе. Ты же стоишь в каком-нибудь западном магазине. И ты американец, там, или европеец. И весь такой толерантный и такой, ноу ту, расизм. Ты, может быть и не хочешь этот эфиопский кофе. Потому что, как и все, не сильно-то в кофе разбираешься. Но покупаешь именно его, чтобы, не дай бог, кто-то не подумал, что ты недолюбливаешь эфиопов, как и всех негров в целом.

- Чернокожих.

- У них там на Западе они так пусть их и называются. А у нас в России их все называют неграми. И это бессмысленно скрывать.

- ... Слушай, лучше бы про жену думал, а не про эфиопский кофе. Всё, подъезжаем?

- Ну так-то ещё пара кварталов. Или ты решил из-за того, что я прохладно отношусь к эфиопскому кофе, высадить меня пораньше и наказать?

- Или, может, я понятия не имею, в каком именно здании ты работаешь?

ГЛАВА III

1

Максим сидит в офисе за своим рабочим столом. Ну, как сидит? Ноги на столе. Сам удобно расположился и ничего не делает. Сзади подходит Тимур. Максим тут же убирает ноги. Но, увидев, что это Тимур, кладёт их обратно. Тимур садится рядом. И тоже кладёт ноги на стол.

84

ГОЛОС. Работа у Максима была самая обычная для людей, у которых есть голова на плечах, но которые не особо сильно хотят куда-то дальше развиваться. Он работал в офисе. И был в принципе всем доволен. Хотя, когда лет пять или семь назад, вышла песня группировки «Ленинград» «Менеджер», он постоянно издевался над менеджерами, которые работали в офисе и были не такими, как все. Они работали в офисе. Просто Максим тогда не работал в офисе. Теперь Максиму песня не нравилась и казалась глупой. Тимуру, его начальнику, она тоже казалась глупой. Они часто

Сюжет

сидели вместе, объединённые ненавистью к песне «Менеджер», и ничего не делали.

ТИМУР. Что-то случилось? Ты ноги убрал.

МАКСИМ. Это рефлекс.

- Нет у тебя никакого здесь рефлекса. Пару лет назад ещё был. А теперь точно нет. Так что, что-то случилось?

- Ну да. Как бы, да.

- Жена, что ли?

- Откуда такая уверенность?

- Когда мужик говорит «как бы, да».

- Ты такой всё время проницательный. Я прямо ненавижу.

- Каждый мужчина должен жениться. А потом сразу, прямо немедленно, развестись. Это обряд инициации.

- Это у вас там, у мусульман, обряды инициации типа обрезания. А мы обычно даже не используем само слово «инициация».

- Проехали. Ты что сделал?

- Жене?

- Да, что ты с ней сделал? Закопал, расчленил? Если переживаешь, что труп найдут, нужно ехать, выкапывать и скармливать свиньям.

- Ты каждый раз говоришь про этих свиней.

- Я каждый раз про них говорю, потому что сам не ем свинину. И к ней, даже к живой, не подхожу. Хотя очень практичные животные. Очень. В этом плане очень завидую всем не мусульманам.

- Тогда ты свою смог свиньям скормить?

- Ты чем слушал, когда я говорил, что к ним даже к живым не подхожу? Отдал обратно родственникам. Чтобы дальше сами мучились. Ты можешь, кстати, тоже самое сделать.

- Я только вчера поссорился.

- Так времени уже сколько прошло. Можно позвонить, узнать, может, она уже не думает, что это теперь тянет на ссору.

- Не буду я ей звонить.

- Ладно, понял. Но сразу предупреждаю – жить в офисе нельзя.

- Ты же жил.

- Я жил, потому что я тут начальник.

- Я думаю, об этом и так никто не забывает.

ТИМУР (*смотрит на свою гигантскую фотографию на стене*). Всё-таки я хорошо получился. Фотограф отлично прочувствовал момент и сфотографировал меня до того момента, как я женился.

- У меня друзья есть. Я найду, у кого пожить.

- Так, ко мне давай. Ничего официального. Иногда бывают гости. И я не против компании. Тем более такой, как ты. Ты единственный, кто закидывает ноги на стол, когда всю работу сделал. А это дорогого стоит.

- Ладно.

ТИМУР. Хорошая машина?

МАКСИМ. Нормальная вроде.

- Когда у тебя спрашивают: хорошая машина? Отвечай: хорошая машина. Человек уже тебе дал все подсказки. Он хочет, чтобы она была хорошая.

- Ладно. Хорошая машина.

- Нет, ну теперь понятно, что она не хорошая. По твоему мнению.

- И что мне теперь делать?

- Да, ничего. Сидеть в машине. А она будет и дальше ехать до нашего нового дома.

- Ладно.

3

Максим с сумкой стоит в дверях.

МАКСИМ (*смотрит на коврик*). А обувь снимать?

ТИМУР. Мне послышалось?

- Нет, правда, обувь снимать?

- Мы что, где-то в Монголии живём в чумах там, или в чём они там живут? Только с коня слезли и сразу в дом? Конечно, снимать.

- Я просто не хотел, чтобы было недопонимание.

- А оно как раз и случилось. Ну, надо же такое спросить. Обувь. Я разведённый, а не мужик, который не может за своим жилищем присмотреть. Чувствуешь разницу?

Максим снимает обувь.

ТИМУР. В комнату пройдёшь?

- В мою?

- В какую твою? Просто в ту, в которой ты пока будешь спать.

Проходит вначале Тимур, а потом и Максим.

ТИМУР. Вот.

Тимур показывает на двух обнаженных девушек, стоящих на четвереньках в красивых позах.

МАКСИМ (растерянно). А вы кто?

Первая смеётся.

ВТОРАЯ. Чё ты ржёшь, это, наверное, был риторический вопрос. (Максиму и Тимуру.) Это же был риторический вопрос?

ТИМУР. Конечно риторический. (Максиму.) Да, ведь?

МАКСИМ. Риторический?

88

Первая начинает смеяться сильнее.

ВТОРАЯ. Так, понятно. Тимур нужно было так и сказать, что всё вот так будет. (Максиму.) Мы леди.

МАКСИМ. Леди?

ТИМУР. Ну, не в прямом смысле.

ВТОРАЯ. В смысле, высокооплачиваемые леди.

Первая ещё сильнее смеётся.

ВТОРАЯ. Нет, ну хватит. Мы же леди. А то он не то подумает.

МАКСИМ. Я что-то не хочу.

ПЕРВАЯ (*перестаёт смеяться*). Как не хочешь? У меня же причёска такая.

ВТОРАЯ. Удивил, так удивил. А тебя, Тимур, он удивил?

ТИМУР (*Максиму*). Ты же разводишься.

МАКСИМ. Не развожусь я пока.

ВТОРАЯ. Да нам всё равно. Мы же леди.

ТИМУР. Я же уже оплатил.

ПЕРВАЯ. Да, всё оплачено.

МАКСИМ. Всё равно, пока не хочу.

ТИМУР. Милана, вы можете пока выйти?

ВТОРАЯ. Обращайся просто – леди. Мы же леди. По крайней мере сегодня.

Девушки гольшом на каблуках выходят.

ТИМУР (*тихо*). Это что было сейчас такое? Соберись и не будь тряпкой.

МАКСИМ. Да я не хочу.

- Быть этого не может. Ты же на грани развода.

- Да я пока не на грани развода.

- Ты сказал, что не вернёшься. Это не на грани развода? Макс, она хорошая. И вторая хорошая. Никаких проблем не было. Просто расслабься.

- Я не хочу расслабляться.

- Я позвонил. Оплатил уже всё. У них есть ключ от моей квартиры. Они не поймут, если мы их просто продинамим. Давай тогда хоть что-нибудь с ними поделаем. Они же леди.

- Ладно.

4

Максим, Тимур и две обнажённые девушки танцуют в квартире.

5

Ночью Максим лежит на диване в квартире Тимура. Не спится ему. Смотрит телефон. Там эсмэс от «Своя»: ты где? Максим удаляет эсмэс.

6

Утром Максим сидит на кухне. Вторая стоит обнажённая перед плитой.

ВТОРАЯ. Яичницу будешь?

МАКСИМ. Я утром не особо ем.

- Не хорошо отказываться, когда тебе предлагает леди.

- ...Хорошо.

Вторая берёт в холодильнике яйца. Разбивает. Начинает готовить и сильно-сильно наклоняется вперёд. Крайне аппетитная поза. Максим смотрит на задницу Второй. Заходит сонный Тимур. Видит эту картину.

ТИМУР. О, я наверное, не буду вам мешать.

ВТОРАЯ. Мы тут яйца всего лишь мешаем.

Вторая томно смотрит на Тимура, потом на Максима. Тимур выходит. Кивает многозначительно Максиму.

ВТОРАЯ. Я присяду? Процесс для самой настоящей леди крайне утомительный.

МАКСИМ. Конечно.

Вторая к удивлению Максима садится к нему на колени.

МАКСИМ. Можно, я ненадолго?

- Мне всё равно нужно проверить.

Вторая встаёт. Подходит к сковородке. Трогает яичницу ножом. Нагибается очень и очень беззастенчиво. Максим кидает взгляд. И выходит из кухни быстро. Проходит в комнату, где он спал. Тимур там очень громко смотрит телевизор.

МАКСИМ. Почему она ещё тут?

ТИМУР. Оу, осторожно. Держи от меня дистанцию, дружище. Знаешь, я не любитель близко разговаривать с мужиками, у которых эрекция.

- Так, почему она ещё тут?

- Не она. А они тут.

- И вторая тут?

- Ну, да. У меня в спальне спит. Неудивительно, кстати. Просто ещё не восстановилась.

- Они разве не должны были вчера уехать?

- Я на сутки оплатил. Я же думал, что ты уже жезленно разводишься. Тебе нужно развлечься. Да я даже

на сегодня тебе уже отгул оформил. И себе, между прочим, тоже.

- Я не хочу. Я же говорил.

- Ну вот только не рассказывай, что ты не хочешь. Ты хочешь.

- Ладно, тогда я не могу.

- Слушай, вот сейчас тебе правду скажу. Пока ты её не оттарабанишь, я буду переживать как врач, который выписал верное лекарство, но пациент его не принимает из-за того, что тупой. Так что оттарабань её. Это некультурно. Они вчера весь вечер были голыми. И единственное, что ты сделал, – это потанцевал.

- Не будет этого. Я пока не готов.

- Тут всего два варианта. Ты делаешь с ней яичницу и живёшь тут. Либо ты не делаешь яичницу и не живёшь тут.

- Это какой-то ультиматум.

- Это не ультиматум – это просто я не хочу под одной крышей жить с неудачником. Работать под одной крышей – это да. Но жить.

- Ладно.

Тимур ведёт автомобиль. Он в новой отглаженной одежде. Максим несколько помят. Одежда на нём всё та же.

ТИМУР (*сам себе не верит*). Ну, ты даешь. Мы же на работе оба сидим, ноги на стол закинув. Мы элита.

Мы должны всех тарабанить, особенно если ставят ультиматум.

МАКСИМ. Слушай. Вопрос такой. Может, немного не по теме.

- Ну да. Думаю тебе необходимо несколько сбавить градус моего эмоционального шока.

- А почему у тебя нет эфиопского кофе дома. Ты расист?

- Я? Да я татарин.

- Это тут при чём?

- Да при том, что татарин, живущий в России, ещё и расист. Сам понял, что спросил?

- Да ничего же такого.

- Ещё как такое. Я всё время отстаиваю свои права.

- Какие права?

- А такие. Я татарин. Живу в России и искренне болею за сборную России по футболу. А многие знакомые в это не верят. Говорят, как я, татарин, могу болеть за Россию. А так, что я русский. Я же не виноват, что я родился с тёмными волосами и цветом кожи чуть темнее.

- Значит, ты не расист?

- Конечно, нет. У меня нет на это времени.

- А почему тогда у тебя нет в доме эфиопского кофе?

- А он что, какой-то особенный?

- Он эфиопский.

- То есть, эфиопы его как-то особенно делают?

- Я без понятия.
- А зачем тогда вообще про него спрашиваешь?
- Волнует меня почему-то этот момент.
- Лучше бы момент с женой тебя волновал. Вроде разводишься, а проплаченных леди не использовал. Танцевать с голыми и не засандалить. Может, жене тогда позвонишь?
- Нет. Не буду я.
- Какой-то ты весь в подвешенном состоянии. Не нравится мне это.
- Ты же меня сам выгнал.
- У тебя вообще-то были варианты.

8

Максим сидит в офисе за своим рабочим столом. Ну, как сидит. Ноги на столе. Сам удобно расположился и ничего не делает. Рядом сидит Тимур. Тоже ноги на столе.

94

ТИМУР. Начни что-нибудь делать со своим внешним видом.

МАКСИМ. Я же не дома живу, и ты это знаешь.

- А я сейчас не твой друг, а твой грёбаный начальник. Надо же мне хоть что-то с тобой делать.
- Хорошо, я постараюсь.
- Из Губкинского могут позвонить. Говорят, вчера в молоко, еле попали, когда бурили.
- Я тут не при чём. Считал всё правильно.
- Ладно, тогда я уйду работать.

Тимур закрывает глаза. Максим не знает, чем себя занять. Тоже закрывает глаза. Пока не звонит телефон.

ТИМУР. Нет, ну я же работаю. На вибро, что ли, нельзя?

Максим берёт телефон. Ставит на беззвучный режим. Смотрит на телефон. Звонит «Своя».

ГОЛОС. Внезапно Максим почувствовал, что хочет ответить. В жизни было всё сложно. На работе третий день в одном и том же костюме. Полная загадка с эфипским кофе. И леди в квартире у Тимура. Максиму просто невыносимо захотелось услышать знакомый голос. Поэтому Максим собрался с силами... и позвонил Валере.

ГЛАВА IV

1

Валера и Максим сидят на скамейке возле детской площадки.

95

МАКСИМ. Я думал, мне послышалось.

ВАЛЕРА. А-а-а. Думал, что послышалось. А что ты думал, что послышалось?

- Что мы будем встречаться на детской площадке.

- А что такого? Я хотел просто двух зайцев сразу убить.

- Это каких? Ребёнка какого-нибудь совратить и со мной встретиться?

- Ну и мысли, ну и мысли, Максим. Деткам всё время нужна помощь.

- У всех деток есть родители и бабушки с дедушками. Они всегда под присмотром.

- Это раньше всегда они были под присмотром. Когда мы с тобой росли. А теперь все отвлекаются на свои смартфоны. Неделю назад сидел на детской площадке. Вижу забегает здоровенный злобный ротвейлер. Куча детей. Везде родители. Но одни какие-то спокойные, а другие сидят в телефонах переписываются. Эсэмэются там, ватсапятся, вконтакятся или что они там ещё делают.

- Ты собаку, что ли застрелил?

- Нет. Ну, я же не живодёр.

- Так и что ты сделал?

- Я заорал.

- Ты заорал. Испугал собаку?

- Ну, я же не на собаку орал. Я просто орал. Все отвлекались. Увидели собаку. Подняли панику.

- И давно это у тебя?

- Нет, ну раз своих детей нет, надо хоть за чужими присматривать.

- Не думаю, что это будет продолжаться вечно. Не всё время же будет тебе везти.

- А-а-а, не всё время. В смысле, не всё время?

- Даже не хочу тут ничего объяснять. А то скажешь, что это я сглазил.

- Главное, сейчас детки под надёжным присмотром человека, который не сидит во всех этих обителях зла.

Не отвлекается ни на секунду. Я вот с тобой разговариваю, и то у меня вся детская площадка под контролем.

- Валера, извини конечно, но с тобой всё в порядке?

- Да всё отлично. Да, и я Валера.

- У тебя стиральная машинка есть, Валера?

- Нет, ну ты даёшь. Если я признаю только холостой образ жизни, я что, ещё и не должен иметь дома своей собственной стиральной машинки?

- Да я просто тебя давно не видел.

- И не видел бы. Наверное, если бы с женой не поссорился, да?

- Да нет.

- Друг ещё называется.

- Да времени не было особо.

- Да и у меня теперь не особо. Помимо работы ещё и за детьми теперь на детских площадках присматриваю. Волонтер-вся-страны-мать-твою.

- Может уже поедем домой?

- Нет, ну раз мы тут сидим, давай чуть посидим. Вон, смотри, что эти северные олени делают? Дочка по горке спускается, а он в телефон уставился. Или, может, он думает, что телефон ему подаст сигнал тревоги, если девочка во время скатывания не удержится на ногах и уткнётся своей маленькой неокрепшей головой вперёд? Ты веришь в это?

- Я это... Это.

Подходит крепкая молодая Бабушка с бейсбольной битой.

БАБУШКА (*сурово*). Я так и знала. (*И бьёт битой по голове Валеру.*)

ВАЛЕРА. И его тогда тоже.

Удар был от Бабушки не слабым, но не настолько, чтобы Валера прямо отключился.

МАКСИМ. Да какого... Бабушка, а меня по лицу нельзя бить.

БАБУШКА. Модель, что ли?

- Нет, я в офисе работаю.

- Можно же тогда.

Суровая бабушка одаривает Максима физическим вниманием своей бейсбольной биты.

2

Ведёт свой автомобиль Валера. Максим рядом. Оба с разбитыми лицами.

98

МАКСИМ. Зачем ты ей это сказал?

ВАЛЕРА. А-а-а, сказал. А что сказал?

- Что и меня тоже?

- Мне же обидно было.

- За что тебе обидно было? За то, что ты сидел на детской площадке и пялился на детей?

- Я за ними присматривал.

- Только суровая бабушка с бейсбольной битой на это смотрела под несколько другим углом. Я тебя предупреждал.

- Неблагодарные люди.
- Да время просто такое. Время, когда нужно здоровым мужикам детишек обходить стороной.
- Официально заявляю, что я ненавижу такое время. Это же маленькие детишки. Их нужно спасать.
- Вот суровая бабка и спасла их от нас с помощью посредника – своей бейсбольной биты.

Валера качает головой.

МАКСИМ. Классная машина, хочу я тебе сказать.

ВАЛЕРА. Ну, да. Нормальная.

- И выглядит, как новая. Года три по паспорту, наверное, а пробег тысяч двадцать не больше, да?

- С чего ты решил?

- Ну, знакомый один взял тойотку. С виду вообще новая. Говорит, хозяин просто катался мало. Двадцать тысяч всего. Это по семь тысяч в год.

- Не, моя выглядит как новая, потому что она и есть новая.

- Да ну.

- Да второй месяц только пошёл.

- А я бы не взял автокредит. Переплачиваешь многовато.

- А я и не брал авто.

- Просто наличку в кредит?

- Да при чём тут кредит? Налом.

- Так это же Ауди.

- Ну да. А6. Последняя модификация.

- Налом?
- Я же уже сказал, что налом.
- У тебя зарплата какая?
- Ну, если у тебя ничего не поменялось, то такая же, как у тебя. А у тебя что-нибудь поменялось?
- Нет. У меня стабильно. Да как ты тогда насобирал?
- Ну как. У меня же жены нет. И подруги, слава богу, тоже. Вот и насобирал.
- Ладно.

Максим сам себе кивает с пониманием.

3

Максим стоит в прихожей с сумкой. В обуви. На него смотрит уже вкинутый в тапочки Валера.

МАКСИМ. А с полом что?

ВАЛЕРА. Да ничего.

- Ты в обуви ходишь?
- Да, в тапочках.
- И, наверное, не только в тапочках?
- А в чём еще?
- Ну, с улицы пришёл. Зашёл не разулся. Так по квартире и ходишь.
- Нет, я так не хожу. Но, если тебе хочется, ходи на здоровье.
- Тогда почему у тебя пол похож на...

- Да потому, что я холостяк. Закоренелый. Насколько это подходит для возраста в двадцать девять лет. Мне плевать на пол просто.

- Хорошо. Есть ещё одни тапочки?

Валера уходит в другую комнату. Ищет что-то в шкафу. Возвращается. Кладёт обрезанные валенки, по форме они напоминают галоши.

МАКСИМ (*влезает в галоши*). Ладно. Покажешь, где стиральная машинка.

Валера провожает Максима на кухню. Красивая кухня. Современная. Стиральная машинка встроена.

Ещё и встроенная. А как включить? Мне костюм нужно простирнуть на быстрой.

ВАЛЕРА. Никак.

- Сама всё делает?

- Да вообще никак. Она не работает.

- Ты же сказал, что у тебя есть стиральная машинка.

- Так она и есть. Просто не работает.

- А нельзя было об этом как-то пораньше сказать?

- Я не думал, что это так важно. Зато в ванной есть тазик. Даже два. Ручной труд. Он облагораживает.

- Ладно. Только у меня опыта нет в ручной стирке.

- Я покажу тебе пару приёмов. Есть один мой самый любимый.

- И какой?

- Нужно тщательнее простирывать те места, которые больше всего испачкались.

- Ладно.

4

Максим и Валера сидят в креслах в комнате. Смотрят на костюм, который висит на раскладной сушилке.

МАКСИМ. У тебя телевизор не работает?

ВАЛЕРА. А-а-а, телевизор. А почему не работает?

- Я спрашиваю просто.

- Да нет. Работает.

- Тогда может посмотрим?

- Зачем?

- Ну, занять себя чем-нибудь.

- А я и занимаю.

- Чем? Ты же сидишь просто.

- Нет, я не просто сижу. Я ещё и на твой костюм смотрю. А он не просто висит. Он ещё и сушится.

- А как ты вообще развлекаешься?

- Да никак.

- Это ещё почему?

- Да потому, что в этом нет никакого смысла. На самом деле человеку не особо хочется развлекаться, если он знает, как проводить своё время.

- Вещи же не всё время сушатся.

- Ну тогда можно что-нибудь покрасить и смотреть, как краска сохнет... Ты вообще думал когда-нибудь

о том, зачем ты ходишь в кино или пожрать ходишь в рестораны и кафе?

- Досуг скрашивать.

- Нет, досуг скрашивать можно как угодно. Смотреть, как краска сохнет, например. Ты это делаешь из-за того, что тебе нужно проводить время со своей девушкой. Просто потому, что так положено. И это абсолютно бессмысленное занятие, если ты живёшь один.

- Я тебе сочувствую.

- Нет, я, наоборот, рад. Благодаря этому я трачу время на действительно важные вещи.

Валера опять смотрит на сушилку. Максим следует его примеру.

5

Ночью Максим спит.

ГОЛОС. К своему удивлению, Максим быстро адаптировался. И спал крепко. Скорее всего из-за танцев. Их не было.

Звонит телефон. Он на вибро. Написано: «Своя». Экран гаснет. Максим так и не просыпается.

6

Утром на кухне Максим ищет что-то. За столом сидит Валера. Смотрит на чайник на плите. Тот нагревается.

ВАЛЕРА. А ты что делаешь?

МАКСИМ. Ищу.

- А-а-а, ищешь. А что ищешь?

- Кофе.

- Чай есть.

- Да я вижу, что есть чай. А с кофе что?

- Ну, кофе нет.

- Ты не пьёшь кофе?

Максим садится рядом и смотрит тоже на чайник.

ВАЛЕРА. Да нет, пью.

- Тогда почему у тебя его нет?

- Из-за эфиопского.

- Из-за эфиопского. Не шутишь?

- Нет. Не шучу.

-Из-за кофе эфиопского?

- Да, из-за кофе. А есть ещё что-то эфиопское, что у нас продаётся в стране?

- Я никогда даже не думал о том, что у нас в стране, кроме кофе, ещё может быть что-то эфиопское продаётся.

- А я думал, и мне кажется, что в стране у нас бывает только эфиопский кофе и сами эфиопы.

- Поэтому, когда кто-то говорит об эфиопском, то нужно сразу думать о кофе, верно?

- Ну, я так думаю.

Чайник всё не закипает.

МАКСИМ, Чайник мог бы себе и хороший электрический купить.

- Ааа, купить. А зачем?

- Ну, как зачем? У тебя Ауди А6 купленная с нуля. А ты с этим чайников.

- А где связь?

- Ну, как где?

- Я так и не понял. Где, покажи.

- Да я уже и сам не понял. Просто долговато немного.

- Наблюдать за нагревающимся на плите чайником, разве не прекрасно?

Максим смотрит на чайник. Проникается чувством.

МАКСИМ. Ты сказал из-за эфиопского.

ВАЛЕНА. Да, эфиопского кофе. Мы же выяснили, что, если говоришь эфиопский, то автоматически подразумевается, что это кофе.

- Я имею ввиду, что тебе сделал эфиопский кофе, раз ты теперь его не покупаешь?

- Я не только эфиопский сейчас не покупаю. Я вообще не покупаю кофе.

- Из- за эфиопского?

- Да, из-за эфиопского.

- Смею предположить, что с эфиопским кофе в глобальном смысле что-то не так.

- Да, не так. Куда ни захожу, везде впаривают эфиопский кофе.

- Что-то по шкафу не особо видно, что тебе впаривают эфиопский кофе.

- Потому что я его не покупаю.

- Так в чём вообще проблема?

- В том, что я в один магазин зашёл, во второй, где на развес продают кофе. И они везде делают одно и то же. Спрашиваешь у них: а какой кофе посоветуете? А они начинают перечислять такой-то, такой-то и такой-то. И... эфиопский кофе.

- Пока ничего предосудительного.

- С таким выражением, то это лучший кофе в мире, они говорят «эфиопский», понимаешь?

- Они же разбираются.

- Ну, купил я эфиопский. Прихожу домой. Ну, думаю, стоит в два раза дороже. Но почему бы и нет. Ведь есть за что платить. Это же эфиопский кофе. Я его завариваю. И.. короче...

- Короче, ты не специалист в кофе?

- Да. Я не специалист. Пью его.

- Ну, нормальный же?

- Да, обычный нормальный кофе. Ничего особого. Точно такой же вкус. Ну, или примерно такой же, как у обычного кофе.

- У меня такая же ситуация. Я тоже не гурман. И я пробовал эфиопский. Правда, я по-прежнему, не вижу проблему. Можно же купить в следующий раз другой.

- А-а-а, другой. Нет, конечно же нет. Нельзя купить в следующий раз другой.

- Это слишком странное утверждение.

- А оно так и есть. Эфиопский кофе у меня закончился. После работы заезжаю в магазин. Не с самого начала, конечно. В начале я сижу возле детской площадки. Несу службу, контролирую детей. Потом уже еду в магазин. Говорю, какой посоветуете? А она такая: ну такой-то, такой-то, такой-то. Но особенно рекомендую эфиопский. Я такой: нет, давайте только не эфиопский. Она: не поняла. А я: ну, пил я ваш эфиопский, ничего такого. Она стоит, будто её на кол посадили. С таким же выражением лица. Как, как, она говорит? Кофе и кофе, говорю я. Не стоит переплачивать за него. А как же люди в Африке, которые голодают? Это тут вообще причём, я уже ору. И вам не жалко детей? Спрашивает она и плачет. Конечно, мне жалко детей. Прямо знала, куда надавить. Я короче, накупил этого кофе. Пока он у неё весь не закончился. Килограмм кофе.

- Солидно.

- И вот я его пью и пью. Каждый день этот кофе. Эфиопский. И каждый день матерюсь, потому что, ну кофе и кофе. Обычный.

- Можно же в другой магазин сходить. Их же много в городе.

- Ну, да. Когда закончился, я так и сделал. Заезжаю, вообще, в другой части города. Стоит мужик. Я спрашиваю, какой кофе посоветуете? А он такой: ну, я бы для начала рекомендовал эфиопский. Я выбежал, Максим, понимаешь?

- Так что всё, кроме кофе?

- Да, грёбанный эфиопский кофе.

- Он вообще закипит когда-нибудь?

- Конечно. Он близок к этому.
- Вроде же никаких признаков.
- Ааа, никаких признаков. А зачем мне признаки? Я его уже просто чувствую.
- Ты меня на машине до работы подкинешь?
- Нет. Сам доедешь. Такси же есть.
- А почему нет.
- Потому что машина у меня выглядит как новая. Пусть так и выглядит.
- ...Ладно.

7

Максим с Тимуром сидят в офисе, закинув ноги на стол. Стук в дверь. Входит Дмитрий.

ДМИТРИЙ. Тимур... э-э-э, ты занят?

ТИМУР. А ты как думаешь?

- Тут, в общем, такое дело. Там по скважине...
- Не, ну ты, вообще-то, неправильно думаешь.
- Но ты же, Тимур... э-э, ну, ты ноги...
- В наше время только идиоты думают, что если начальник сидит, закинув ноги на стол, то он ничего не делает.
- Тимур... я всё понимаю, но там по скважине они говорят, что... э-э-э...
- Ладно, давай по-другому. Сегодня я так занят, так занят, что назначил себе заместителя.
- И кто он.. э-э-э, Тимур?

- Максим. Ну, ты даешь.

МАКСИМ. Не, Тимур, я занят.

ТИМУР. Ладно. Максим занят. Тогда Дима, короче, пока я занят и мой зам занят, иди в задний проход.

ДМИТРИЙ. В какой ещё... э-э-э... задний проход?

- В свой собственный, в свой собственный, Дима.

Дима озадаченный стоит. Потом выходит, закрыв за собой дверь.

ТИМУР (*недовольно*). Ну, что за люди?

Максим кивает.

ТИМУР (*через какое-то время*). Помирились?

- С женой.

- Да, со своей второй половинкой.

- Откуда такая информация? Я ничего такого не говорил.

- С одной стороны, в постиранном костюме пришел, а с другой, ссадина на лица. Как будто вы помирились, а жена до последнего на тебя злилась и запускала свои маленькие кулачки в твоё лицо.

- Нет, не помирились.

Тимура это несколько удивляет. Он внимательно рассматривает костюм.

ТИМУР. Ну, так-то, да. Вижу пару следов неаккуратной стирки. Руками что ли стирал?

- Было такое.

- Нет, ну теперь мне тебя вообще жалко. Пока всё не наладится, можешь на работе не работать. Только приходите и сидеть, закинув ноги на стол. А то одному всё-таки скучно. Особенно, когда я ещё и начальник.

- Ладно.

- А где живёшь? В гостинице, что ли?

- У друга.

- Не понял. А чем тот другой лучше (*показывает на себя*) этого?

- Проститутками.

- У него лучше проститутки, чем у меня?

- У него их нет.

- Ладно. Всё, закрыли разговор. А то это невозможно слушать. Мужик жалуется на то, что ему предлагают прекрасных проституток ещё и бесплатно. В спорте это называется неспортивное поведение.

- Ладно.

110

У Максима звонит телефон.

8

Вечером Максим и Валера сидят в комнате. Смотрят на сушилку. На ней сушится какая-то одежда.

МАКСИМ. Всего пару дней прошло. А я уже привык.

ВАЛЕРА. А-а-а, всего пару дней. А чего пару дней?

- Как я у тебя живу. А я уже всё. Привык.
- К чему привык?
- Смотреть, как сушится одежда.
- Спортивный костюм адидас. Мама мне его два года назад подарила. Вначале он на меня не налазил. Но потом всё получилось.
- Ты похудел?
- Нет, я просто всё время тщательно его на себя натягивал.
- Вот оно как. А он после стирки не садится?
- Садится. Немного.
- И как ты?
- Ну как? Мама же подарила. Можно сказать, что мучаюсь, а если с позитивной точки зрения, то можно назвать, что борюсь.
- Ты сегодня на детской площадке опять был?
- Конечно, был. Кто-то же должен это делать.
- А ты не пробовал детей своих собственных завести?
- А ты?
- Только вот я не сижу на детских площадках и не подвергаю свою жизнь опасности.
- Я тоже не подвергаю.
- Бабушка с бейсбольной битой не согласится.
- Нельзя опускать руки, если иногда не всё получается. Прямо как с Ауди.
- А что у тебя с Ауди?
- Ну, я её захотел купить. Денег всех сразу не было. И я решил, что надо копить.

- Точно, трудности.

- Ага.

Сидят молча. У Валеры звонит телефон.

МАКСИМ. Может возьмёшь?

- А-а-а, возьму. А почему возьму?

- Потому что у тебя звонит телефон.

- Да, только, когда у тебя звонит телефон, ты что-то не особо горишь желанием подавать хороший пример и его брать в руки.

- Потому что это моя.

Валера подходит и вглядывается в телефон.

ВАЛЕРА. Ну, так и сейчас это твоя.

- Не отвечай.

- Ну, как же, не отвечай? Она же беспокоится. *(Отвечает на вызов.)* Привет... И я тоже рад тебя слышать. Ну да, вижу его иногда. Да с ним всё в порядке. Нет, не видел ни одного человека рядом с ним с грудью. С женской грудью.

Валера дальше внимательно слушает. Максим несколько переживает, как пройдёт разговор. Звонят в дверь.

ВАЛЕРА. Ладно, я пока дверь пойду открою. А ты пока сама с ним поговори.

Валера кидает телефон Максиму. Тому ничего не остаётся делать, как его ловить. Валера идёт к входной двери. Максим с телефоном.

ЕВГЕНИЯ. Максим, Максим, ты меня слышишь?

МАКСИМ. Нет, не слышу.

- С тобой всё в порядке, Максим?

- Да, всё хорошо.

- Возвращайся домой. Ты слышишь меня?

Возле дверей возня и крики.

МАКСИМ. А ты меня слышишь?

ЕВГЕНИЯ. Слышу.

- Ты мой ноутбук разбила.

- А ты фотографию.

- Полноценный обмен получился, по-твоему, да?

В комнате появляется Мужик.

МУЖИК. Ты тут, что живёшь?

МАКСИМ. Да, живу.

МУЖИК (*кричит Второму Мужику*). Они ещё и вместе живут. Ты понял? Два мужика.

Появляется Второй Мужик, трёт руками лицо, в которое, видимо, прилетело немного кулака.

ЕВГЕНИЯ. Максим, Максим.

Но Максиму уже не до Евгении.

ВТОРОЙ МУЖИК. Ему тоже навалием?

МУЖИК. Да, ему тоже.

МАКСИМ. Ладно.

Максим встаёт в боевую стойку. Не сказать, что Максим прямо специалист в боевых стойках.

9

Максим и Валера лежат с кусками замороженного мяса на лицах. Сушилка стоит на месте. Но на ней нет теперь вещей.

МАКСИМ. Милые парни. Ты их давно знаешь?

ВАЛЕРА. Одного только мельком видел.

- На детской площадке?

- Ну, да. Он, у него сыну лет пять. На качелях качался. Упал. Больно ударился. А этот в телефоне сидит, не реагирует. Ну, я и подбежал.

- И всё? Что-то они себя слишком мило вели для такого маленького эпизода.

- Ну, пожалел мальчика немного.

- Как?

- Погладил его.

- Ты погладил маленького мальчика на детской площадке?

- Мальчику нужна была помощь.

- А, ну теперь всё складывается. А адрес как узнали?

Валера пожимает плечами.

МАКСИМ. Нет, ну таким мелочам, конечно, можно не удивляться сегодня. Ты как?

- Ты знаешь, я думаю, что я готов терпеть такое ради детей.

- Ради своих детей ты, наверное, хотел сказать?

- Нет, я не хочу своих детей.

- А по-моему, приятнее, когда тебя бьют хотя бы за своих детей.

- Я не хочу своих детей, потому что, ну это же тяжело. Надо будет их постоянно на детскую площадку водить и приглядывать за ними. Только за ними. А это тяжеловато.

- Ладно, понял.

Лежат молча.

МАКСИМ. Кофе не хочешь?

- У нас нет кофе.

- Ну, можно же купить.

- Не поеду я никуда за кофе. Тем более, поздно.

- Да до десяти большинство магазинов ещё железно работают.

- Нет, все равно не хочу... А что тебе твоя говорила?

- Спрашивала, как у меня всё. Я сказал, что нормально. Интереснее, конечно, было бы, если бы она попозже позвонила и, например, сейчас бы спросила, как у меня всё. Вот думаю, чтобы я ответил.

- С костюмом нехорошо, конечно, уронили. В грязи весь извалялся. Придётся опять стирать.

- Я думал, ты скажешь, что придётся полы помыть.

- А-а-а, помыть. Зачем помыть?

- Ладно.

Максим за рулём автомобиля Валеры. Звонит телефон. Это Валера.

МАКСИМ. Валера, всё порядке.

ВАЛЕРА. А-а-а, всё в порядке. А что всё в порядке?

- Да всё, всё в порядке.

- И с автомобилем?

- С автомобилем в первую очередь. Ты же из-за этого звонишь?

- Немного и из-за этого тоже. Она же новая. Я с нуля брал.

- Я опытный водитель. И ничего с ней не сделаю.

- Я и не сомневаюсь, что ты опытный. Просто же всякое бывает. Можно быть опытным, например, водителем, но при этом не справляться с другими водителями, менее опытными.

- Я нам обоим кофе еду покупать, Валера.

- Лучше бы, конечно, такси взял.

- И не успел бы тогда к закрытию.

- Таксисты вообще-то быстрые.

- Они быстрые только, когда тебе нужно не быстро.

А когда нужно быстро, они даже подъезжают не через пять минут. А двадцать пять... Ладно, я подъезжаю, Валера.

Максим отключается. Поворачивает, подъезжая к торговому центру.

Маруся стоит за прилавком в магазинчике, специализирующемся на продаже развесного кофе и чая.

МАКСИМ (*глядя на часы*). Пятьдесят восемь минут же всего, а вы работаете до десяти.

МАРУСЯ. А кассу правильно закрыть?

- Это после десяти делается.

- Не делается это после десяти.

- Я сам в торговле работал. И знаю, что это делается после десяти.

- Только платят мне за работу только до десяти. Или, может, вы договоритесь с моим начальством, скажете, она работала и после десяти, пересчитайте ей зарплату, а?

Такое предложение застаёт Максима врасплох.

МАКСИМ. Мне просто срочно надо.

- А с лицом что?

- Да, ничего.

- Ну да, а похоже, что вы уже до этого магазина забегали в другой. Рассказывали, что вам срочно надо. А вам рассказали, что им тоже срочно надо. Так, а?

- Это не ваше дело.

- И покупать у меня в нерабочее время – это тоже не ваше дело?

- Пятьдесят восемь минут всего.

- Ну надо же, а мои часы уже две минуты одиннадцатого показывают. А на табличке что написано? Часы работы с 10 до 10. Вот же незадача.

- Да я машину у друга своего взял под свой страх и риск, чтобы успеть купить этот кофе. Ехал и всё переживал, не дай бог что. Новая же совсем, понимаете?

- Нет. Я на такси езжу. А у таксистов в основном проблема с хорошим отношением даже к собственной машине. Как вам такой ответ, а?

- Ехать больше некуда. Всё до десяти работает.

- А машина хоть какая? Ланос какой-нибудь или Приора?

- Да нет. Ауди А6. Последняя модель.

- Ну так бы и сказали сразу. А то думаю, ездит на Ланосе каком-то или там Дэу Нексии и всем рассказывает про то, как он брал машину у друга и рисковал. А если Ауди А6, то тогда да, тогда рисковал... Что вам?

- Давайте грамм двести эфиопского кофе и ещё пару адекватных сортов.

- Я что-то сейчас вообще не поняла.

- Эфиопский и остальное на ваше усмотрение.

- Кажется, у вас ещё было слово адекватных.

- Да, проскользнуло, думаю.

- Эфиопский, по вашему мнению, неадекватный. Так я понимаю?

- Да, если брать все характеристики то да, немного неадекватный.

- И в чём он неадекватный?

- Вы же говорили, вам закрываться нужно побыстрее.

- Нет, ну вы взяли и наехали на эфиопский кофе. А я, между прочим, тут работаю. Будьте добры объяснить, почему он неадекватный, а?

- Да вы сами знаете.

- И что это я знаю? Между прочим, до вас постоянно брали эфиопский кофе и никогда не говорили, что он неадекватный. Никому даже в голову не приходило его так называть.

- Он стоит в два раза дороже, а по вкусу ну, как все.

- Какой из сортов эфиопского кофе стоит в два раза дороже?

- У него ещё и сорта есть?

- Конечно, есть. Это же не сорт кофе называется «эфиопский» кофе. Это кофе, который выращивают в Эфиопии.

- Понял. Признаю свою ошибку. Давайте двести грамм любого эфиопского кофе и ещё пару сортов по сто грамм, но не эфиопского, на ваше усмотрение.

- То есть, получается, ко всему эфиопскому кофе вы не очень относитесь?

- Да, не очень. А моему другу он вообще жизнь чуть не поломал.

- Тогда зачем вам эфиопский кофе?

- Затем, чтобы вы не смотрели на меня как на рариста.

- Это тут вообще при чём?

- Потому что это эфиопский кофе. И его делают в Эфиопии. А в Эфиопии живут африканцы.

- Вы что, решили меня по географии подтянуть? Я знаю, что там негры живут.

- Стоп, стоп, негры?

- Ну, афроамериканцы. Но кто тут будет афроамериканцев называть афроамериканцами? Короче же негры.

- То есть, вы мне эфиопский кофе бы не впаривали и не обижались бы на меня, если бы я сказал, что это обычный кофе. Как любой другой. И лучше он не становится оттого, что его собирают бережно голодные афроамериканцы в Эфиопии?

12

*Максим и Маруся голые лежат в машине.
Уже темно. Гаражи где-то на окраине города.*

МАРУСЯ. У меня вообще сил нет.

МАКСИМ. Извиняюсь.

- Нет, это хорошо, что у меня сил нет. Ну надо же, эфиопский кофе.

- У меня тоже сил нет.

Звонит телефон Максима. Это Валера, но Максим не берёт трубку.

МАКСИМ. Мне ехать домой надо.

- Жена, что ли?

- Нет, конечно. Друг.

- Ты, не думай, что я на машину твою повелась. (Рукой проводит по салону.) Это кожа?

- Да вроде кожа.

- Мягкая. Но это точно не из-за того, что ты катаешься на новенькой Ауди А6, причём не на своей. Понял, а?

- Да понял.

- Ладно, пойду я.

Маруся начинает одеваться.

МАРУСЯ. Хотя, я не дойду никуда. У меня ноги сводит. Может, к тебе?

- Ну, давай ко мне.

Максим одевается. Заводит двигатель автомобиля. Давит на газ. Но у него сводит ногу. Он ойкает, машина несильно врезается в гараж.

МАРУСЯ. Это что сейчас было?

- У меня тоже ногу свело. Помогите мне.

- Машину же помял. Хотя с другой стороны, тебе крупно повезло, не твоя же машина.

- Да, очень и очень повезло.

Маруся помогает Максиму с ногой.

МАРУСЯ. Наверное, на самом деле, из-за этого мне мама говорила, что не нужно в машине сексом заниматься. А не из-за того, что в ней неудобно.

Сонный Валера стоит возле окна у себя в квартире. То и дело смотрит на Максима и Марусю.

МАРУСЯ. Не поняла. Тебе же сорок лет.

МАКСИМ. Мне не сорок лет.

- А очень похоже.

- Скажи же, что мне не сорок лет.

ВАЛЕРА. Да. Ему не сорок лет. Но, если так разобраться, то время до этого срока пролетит вообще незаметно. Так все сорокалетние говорят.

МАРУСЯ. В любом случае... ты живёшь у друга?

- Да. Он у меня живёт. А с машиной что?

МАКСИМ. Да там немного.

МАРУСЯ. Он с окна увидел, так что не нужно говорить, что там немного.

ВАЛЕРА. Новая же машина. Я же с нуля взял.

- Ну, ничего не поменялось. Расслабься, а, старик. Она по-прежнему новая.

- Новая, но с вмятиной... Так и знал. Так и знал, что что-то произойдёт. За кофе он поехал.

МАКСИМ. Между прочим, я купил кофе.

ВАЛЕРА. Да какая разница мне теперь.

МАРУСЯ. Он и эфиопский, так-то, купил.

- У меня на машине вмятина. На новой.

- Так, я не поняла. Эфиопы старательно своими голодными ручонками собирали этот кофе... Ты что, расист?

- Вы что сговорились все, что ли?

- Он расист?

МАКСИМ. Нет, он не расист.

МАРУСЯ. Тогда какого черта ты не рад тому, что он принёс тебе эфиопский кофе?

ВАЛЕРА. Нет, я рад. Но машина.

- В сорок лет переживать из-за какой-то вмятины?.. Ладно, пошли в твою комнату. У меня ноги уже отошли. Можно ещё попрактиковаться. Завтра на Ауди меня на работу подбросишь. Мне кожа там понравилась. Нежная. Это же настоящая кожа?

ВАЛЕРА. Нет.

МАКСИМ. Не настоящая кожа?

- Нет, я вообще про всё нет.

14

В середине ночи Максиму не спится.

МАКСИМ. Это неправильно.

Тишина.

МАКСИМ. Неправильно, говорю тебе.

Тишина. Максим встаёт. Проходит в комнату Валеры.

Неправильно это.

ВАЛЕРА (*не открывая глаз*). А-а-а, неправильно. А что неправильно?

- Вот так делать. У меня же получается жизнь свою наладить.

- Она тебе эфиопский кофе впарила. Какая личная жизнь?

- Лучше за детьми присматривать и с лицами разбитыми ходить?

- Мне кажется именно про такие ситуации раньше пели: «врагууу не сдаётся наш гоордый варяг»...

- Ладно.

15

Днём Максим сидит за рабочим столом, ноги на столе. Заходит Тимур. Садится рядом, закинув ноги на стол. Друг на друга смотрят. Молчат.

ТИМУР. Один вопрос. Ты сегодня работаешь и ничего не делаешь или не работаешь и ничего не делаешь?

МАКСИМ. Работаю.

- Тогда на тебе штраф в пятёрку.

- А за что?

- Ну, ты избитый ходишь.

- Это же не мешает.

- Ну, да. Рассказывай. В бойцовский клуб, что ли, ходишь?

- Да не хожу я ни в какой бойцовский клуб.

- Да, плевать. Ты всё равно моральный дух ребят подрываешь.

- Каких ребят? Никого же нет.

- Им что, обязательно пялиться на тебя, чтобы морально подрываться? И вообще не спорь. Я же на-

чальник. Я работаю. А то совсем распоясался. Хочет работает, хочет нет!

- Да я же...

- Ну, дай мне хоть немного авторитет свой за счёт тебя поднять. Лучший инженер. Наглый, и я на тебя ору. Плюс десять к уважению от сотрудников. Я тебе гарантирую.

Стучатся. Затем входит Дмитрий.

ДМИТРИЙ. Тимур, тут такое дело... э-э-э...

ТИМУР. Нет, ну прямо с утра.

- Но тут дело.

- У меня есть сегодня зам. И он сегодня работает. Так что обращайся к нему.

МАКСИМ. Я не зам.

ТИМУР. Да просто послушай его.

ДМИТРИЙ. Максим, там... э-э-э... ну жена в общем, твоя.

- Мать твою, а мне тогда зачем про это нужно было рассказывать? Нельзя было сразу к Максиму? Где она?

- Ну там. У входа в офис.

- Ладно, дай нам подумать. Но на всякий случай не говори, что Максим тут.

- Она же... э-э-э... переживать будет, если он не на работе.

- Ничего страшного, может задерживается где-то. Застрял там с проститутками.

- Так и сказать?

- Да, всё кроме того, что он, может, застрял с проститутками.

Дмитрий выходит.

МАКСИМ. Лучше бы ты застрял где-нибудь с проститутками.

ТИМУР. Ты пойдёшь?

- Я растерян.

- Тогда делай что-нибудь, чтобы выглядеть растерянным. А то сидишь, как и сидел, попробуй пойми, что ты растерян... Что делать будешь?

- В теории ничего не буду делать.

- А на практике она начнет истерить или, может, даже мять кого-нибудь?

- Она на людях спокойная.

- Нет, она на людях спокойная, когда с тобой. А сейчас у неё бесплатный абонемент в клуб брошенных жён. Так что придётся тебе идти... Хотя, подожди, может, она Дмитрия помнёт. А то меня бесит, что он такой тупой, а ударить его нельзя. Жалобу ещё какую-нибудь накатает.

- Оштрафуй его.

- За что? За тупизну? Не уверен, что люди правильно поймут, если я буду штрафовать за тупизну. Это же хуже, чем расизм... ладно, выйду я. Ты пока с силами собирайся. Тяжело же это, окунаться обратно в семейный ад.

Тимур встаёт из-за стола. Отходит в сторону, оборачивается.

ТИМУР. Ты сейчас что делаешь?

МАКСИМ. С силами собираюсь.

- А, да я просто подумал, что ты по-прежнему работаешь. Позы же одинаковые.

Тимур выходит из кабинета. Максим сидит какое-то время, закинув ногу на ногу. Встаёт. Рассматривает в зеркало разбитое лицо. Прикрывает ладонью травмированную часть. Стук в дверь. Появляется Евгения. С большой сумкой в руках. Смотрят друг на друга через зеркало. Максим поворачивается, убрал руку с глаза.

ЕВГЕНИЯ. Это ты упал?

МАКСИМ. Да, это я упал.

- Хорошо. Так и оставим. Пусть будет ты упал.

Молчат.

МАКСИМ. Я же сказал, что я не вернусь.

- Я знаю.

- Тогда что?

- Я беспокоюсь за тебя.

- А я за тебя нет.

- А за меня и не надо. Я же дома живу. Это ты кочуешь.. Я тут тебе принесла.

Евгения вытаскивает из сумки ноутбук.

МАКСИМ. Я не любитель нерабочих ноутбуков.

- Вчера только из ремонта забрала. Он как новый.

Евгения протягивает Максиму ноутбук. Тот осторожно его забирает.

МАКСИМ. То, что я у тебя его взял, это ничего не значит.

- Конечно, не значит. Зарядку с мышкой тоже тогда забери... Честно, я не была уверена, что ты сегодня на работе будешь.

- А где я ещё буду?

- Бабы, проститутки. Может же быть, что угодно. Это всё ведь немного отвлекает от работы.

Евгения протягивает мышку и зарядку для ноутбука.

МАКСИМ. Да, такое может и отвлечь. Ты всё?

- Ещё я хотела...

- Ну, что ты ещё хотела?

- Ещё хотела сказать, что ты возвращайся. Я ждать буду.

- Не буду я возвращаться. Мне фразу эту на повтор поставить?

- Если вдруг перебесишься. Если идти уже некуда будет. Я ждать буду.

- Мне кажется, так бы говорила собака своему загулявшему хозяину.

- Только я тебя ещё и люблю. И не так как собака.

Евгения уходит. Максим стоит озадаченный. Заходит Тимур.

ТИМУР. Ну, как ты?

МАКСИМ. Я пока не понял.

- Может поработаем? Работа отвлекает. От мыслей всяких

- Ладно.

Максим и Тимур садятся на рабочие места, закинув ноги на стол.

МАКСИМ. А можно мне пораньше сегодня с работы?

- Если ты пообещаешь подумать над разводом и переходом в лигу успешных холостяков, то можно.

- Ладно.

ГЛАВА V

1

Сотрудник гостиницы с Максимом заходят в номер.

СОТРУДНИК. Кровать. Два стула, телевизор. Шкаф. Есть туалет с ванной.

Проходят в смежный санузел.

СОТРУДНИК (*показывает*). Душ включается вот так. Кран вот так. Унитаз смывается вот так. Туалетная бумага разматывается вот так.

МАКСИМ. Ладно...

Выходят обратно в комнату. Максим смотрит на телевизор.

СОТРУДНИК. У вас какие-то вопросы?

- Да. А с телевизором что?

- Ничего.

- Он работает?

- Да, работает.

- Включается как-то странно, и не как все телевизоры?

- Нет. Как все. Простые кнопки.

- Да я просто забеспокоился. А то вы показали, как всем пользоваться, а как им, не показали.

- Будут вопросы, звоните...

- Только вы не показали, как мне моим телефоном пользоваться. А то как я вам позвоню, если будут вопросы?

Сотрудник сам себе кивает, поняв, про что это Максим. Выходит. Дверь закрывает за собой. Максим оглядывается ещё раз. Кладёт сумку в шкаф, садится на кровать, а потом от всей души ложится. Через некоторое время стучатся в дверь. Максим подходит к двери.

МАКСИМ. Это ко мне?

КСЮША (за дверью). А почему может быть не к вам?

Максим открывает дверь. Стоит Ксюша.

КСЮША. Вы меня озадачили.

- Если так разобраться, то и вы меня тоже. Так вы ко мне?

- Не прямо к вам. А к вам... Я имею ввиду, я же не напрашиваюсь к вам в гости. Это же было бы неприлично.

- Да. Это было бы неприлично.

- А я соседка ваша.

- Скорее, я ваш сосед. Я же позже приехал.

- Да, вы мой сосед... Не хочется в этом признаться, но мне немного скучно. Хотела познакомиться. Думаю, может компанию составите. У меня там карты и хорошее нижнее белье. Ну, в общем, я как бы вот тут.

Ксюша показывает на соседнюю дверь. И несколько смущённо уходит к себе в номер. Максим смотрит на закрывающуюся дверь.

ГОЛОС. Всё-таки, было что-то хорошее в холостяцкой жизни. Но Максим не знал эту девушку, и это его сильно смущало.

Максим заходит к себе в номер. Набирает телефон Маруси.

МАКСИМ. Маруся.

МАРУСЯ. Тихо ты.

- А что случилось?

- Я вообще-то на работе. И тут люди.

- Я ничего не сделал.

- Нет, ты сделал. Ты назвал меня Марусей. А я не хочу, чтобы тут все начинали петь: «Маруся, зачем ты слезы льешь».

- Ладно.

- Что ладно?

- Я не буду тебя называть Марусей.

- Да, даже не говори это имя. Обязательно же кто-нибудь услышит и начнёт эту песню петь. Ты чего хотел?

- Я переехал и живу теперь отдельно. Как взрослый. Приезжай.

- Я работаю до десяти. А если приходят такие, как ты, то до всех десяти пятнадцати.

- Отпросись.

- Тебе легко говорить.

- А что сложного?

- Сложное в том, что я продаю кофе и моя сменщица, собственно, как и я, лишний раз на работу не пойдет. Потому что мы делаем не мир лучше – людей там спасаем или деньги гигантские зарабатываем, мы просто продаём кофе.

- Значит, раньше десяти никак?

- Вообще, никак. Я тебе позвоню.

- Ладно.

Максим отключается. Сидит на кровати, оглядывается по сторонам, словно что-то ищет.

ГОЛОС. Нужно было как-то себя развлечь до десяти. Захотелось с кем-нибудь просто поболтать. Друзьям звонить не хотелось, как и жене тоже. Кажется, у Максима вообще не оставалось вариантов.

Максим берёт телефон.

МАКСИМ. Юля?

2

Максим едет в Такси.

ТАКСИСТ. Всё стало хуже. И это не из-за того, что мне сорок лет и в сорок лет все только и ноют, что всё стало хуже. Всё, действительно, стало хуже. Особенно, если взять это жильё. Ненавижу новое жильё. И кварталы все эти новые ненавижу. Строят и строят. Прямо пачками. А для чего? Население в стране не растёт. Только уменьшается. Вот в Бразилии растёт. Открывал недавно страницу в Википедии. Было сто девяносто миллионов. Сто девяносто миллионов. Больше чем, блин, в России. А теперь там ещё и двести пять миллионов. Вот там нужно новое жильё. Там нужны новые кварталы. А тут для чего их строят? Ну, для чего? Ладно, допустим миграция из деревень в города. Но она уже давно прошла. Нет столько людей, сколько тут жилья понастроили. И вот тебе такая мысль – жильё новое строят, чтобы бабки зарабатывать. Это же строительство. Тут кругом деньги-деньги-деньги. Много квартир. Очень много. И знаешь, почему их постоянно покупают? Потому что люди разводятся. Вот они женились. Вот у них всё хорошо. Вот первые, блин, трудности, и у них есть деньги. И мужик думает, а почему бы себе не купить квартиру. И он её покупает. И живёт в ней, а жена в другой квартире. А потом они разводятся.

Больше жилья, больше одиноких людей... Я тоже так сделал. Живу теперь один, в новой квартире. Уволился с работы. Теперь работаю таксистом. И всё меня устраивает, кроме этих новых кварталов. Строят рестораны модные там. Чтобы люди приезжали и думали, а неплохо бы развестись и прикупить себе квартирку... Ещё и ты едешь в модное местечко в этом новом квартале. Ты же понимаешь, сколько у меня боли. Сколько неприятных воспоминаний?

МАКСИМ. Да, понимаю.

- Обычно проезд сто пятьдесят, но, чисто человечески, тебе придётся мне ещё полтинник закинуть за боль. Понимаешь?

- Ладно.

3

Максим и Юлия сидят за столиком в модном местечке. Максим смотрит меню. Смотрит на Юлию. Та на него.

134

ЮЛИЯ. Вот так встреча. Вот так встреча, да?

МАКСИМ. Да, давно не виделись.

- Надо немного больше позитива. А у тебя голос, как у сухого листа. Раньше мы постоянно трахались. Нам было весело.

- Это было раньше.

- А теперь мы опять такие же. Ты разведённый, я разведённая.

- Я не разведённый.

- Ты в голове уже разведённый, а это, считай, тоже самое.

- Я не разведённый в голове.

Юлия внимательно смотрит.

ЮЛИЯ. Да нет, на лбу прямо так и написано – в голове разведённый.

- Мы просто старые друзья. Давно не виделись.

- И я тебе звонила и звонила и ничего. А сегодня ты такой: ну, давай увидимся. Просто так такое не бывает, понял?

ГОЛОС. Максим про себя подумал, что Юлия, конечно же, права. Он её давно не видел. Она прекрасна выглядела. И кажется, ещё нравилась ему больше, чем Маруся. Её хотя бы можно было называть по имени и никто рядом бы не начинал петь: «Маруся, за чем ты слезы льешь»... Но нужно было с чего-то начать.

ЮЛИЯ. Предлагаю в честь встречи начинать не с еды, а с легкого алкоголя.

- Ладно.

4

Максим стоит в квартире Юлии.

ГОЛОС. Скорее всего поехали мы к ней, думал Максим, не из-за того, что ей так уж не нравились гостиницы, а из-за того, что в гостинице нельзя на полную врубить музыку. Танцевать не хотелось. Максим

думал о том, что потом будет бессонница. Но что-то подсказывало ему, что тогда с Юлей может ничего не получиться.

Орёт на полную музыка. Максим начинает двигаться. Они прыгают вместе с Юлей.

5

Ночью Максим лежит снизу. А Юлия сверху на нём прыгает. Юлия активна, она вся в своих эмоциях. Максим не очень-то и в восторге.

ГОЛОС. Они занимались не классическим сексом. Максим с грустью подумал, что время идёт. И люди меняются. Такой секс теперь Максиму не нравился, но ему стыдно было в этом признаться. К тому же, он не хотел расстраивать Юлию. Всё-таки раньше они были хорошими знакомыми.

136

6

Брезжит рассвет. Максим едет в такси.

ВТОРОЙ ТАКСИСТ. Всё нормально доедем. Я тебе отвечаю. Если буду засыпать. Если я буду засыпать, уж будь добр, толкни меня, чтобы мы не разбились к чертовой матери. Но вообще всё нормально будет, я тебе отвечаю.

Звонит телефон. Максим достаёт его. Это Юлия.

ЮЛИЯ. Всё нормально?

МАКСИМ. Да.

- Но ты уехал.

- Мне на работу надо.

- Если что-то не так. Может ты... мы же не просто так встретились в момент, когда оба разведённые?

- Я пока не разведённый.

- Я не это хотела сказать... Если хочешь, я заеду за тобой, как освободишься.

- Ладно. Я позвоню.

Максим ещё раз смотрит на экран. Там десять пропущенных звонков от Маруси.

7

Утром Максим у себя в гостиничном номере принимает душ. Стучат в дверь. Не сразу Максим выходит в халате.

МАКСИМ. Кто?

КСЮША (за дверью). Вы не спите?

Максим открывает дверь. Там стоит Ксюша в халате.

КСЮША. Вы тоже, смотрю. Не спите. Да. И у меня с этим проблемы. Во-первых, я весь город этот объездила и в нём мне уже нечего делать. Во-вторых, я всё беспокоилась, что вы так и не увидите моё нижнее белье.

Ксюша распахивает халат. Но никакого обещанного белья нет.

МАКСИМ (*оценив*). Здесь же нет никакого нижнего белья. Вообще.

- Я знаю. Это называется женские хитрости.

Максим колеблется.

ГОЛОС. Всё это было неправильно. И так делать было нельзя. У Максима всё ещё была Маруся, которая вчера звонила после десяти вечера. Значит беспокоилась... Но Маруся была далеко и у Максима было ещё немного времени.

МАКСИМ. Ладно.

8

Максим сидит за рабочим столом. Ноги на столе. Рядом Тимур. Максим в хорошем настроении.

138

ТИМУР. Проститутки?

МАКСИМ. Что?

- Ты, всё-таки, перешёл на проституток?

- Я не перешёл на проституток.

- Только ты весь светишься. Сияешь, прям, как если бы у тебя в гостях были проститутки.

- Нет. Никаких проституток.

- Правильно, и всем остальным на работе говори, что это были не проститутки. А то это неправильно

ребятам напомнить, что многие из них не так хорошо живут, чтобы приглашать проституток. Или вообще как я, знать всех поименно... Может, тебя немного оштрафовать ещё разок?

- Я ничего такого не сделал.

- Только на лице у тебя по-прежнему синяк. Ладно... Хорошо, эх, сидим.

Звонит телефон Максима. Он берёт телефон, слышит голос Маруси.

МАРУСЯ. Гори в аду!

МАКСИМ. Что?

- Ад, рай, преисподняя. Так вот, ты гори в аду.

- Я хотел позвонить.

- Если бы ты хотел позвонить, то ты бы не с утра звонил, а как я, ночью. Только вот я не видела никаких звонков с утра. Так что гори в аду, понял? И можешь туда и эфиопский кофе прихватить и эфиопов заодно тоже!

- Маруся, я...

- Нет, ну вот что ты наделал.

Слышно как какой-то мужской голос поёт: «Маруся, зачем ты слезы льешь»... Максим недоумённо всё это слушает.

МАКСИМ (отключается). Ладно.

ТИМУР (деликатно помолчав). Ну, вот теперь у тебя хотя бы такое лицо, что тебе не нужно никому объяснять, что у тебя не было сегодня никаких проституток...

Ближе к вечеру. После работы Максим открывает входную дверь своего номера. Кто-то быстро к Максиму подбегает. Тыкает пистолет в Максима.

ПАРЕНЬ. Проходи.

МАКСИМ. Ладно.

Максим проходит внутрь. Парень закрывает за ним дверь.

ПАРЕНЬ. Разворачивайся.

Максим разворачивается и видит перед собой Парня. Молодой. Невысокий и со смешными усами.

ПАРЕНЬ (*про разбитое лицо*). А это кто тебя так?

МАКСИМ. ...э-э-э.

- Молчать, молчать, молчать. Я здесь говорю!

Максим молчит. Стук в дверь. Парень, направляя пистолет на Максима, открывает дверь. Входит Ксюша.

ПАРЕНЬ. Это он. Я тебя спрашиваю. Это он?

КСЮША. Да, это он.

- Извращенец грёбанный.

МАКСИМ. Я не...

ПАРЕНЬ. Молчать! Тебе сколько лет? Тебе десять лет?

Максим молчит.

ПАРЕНЬ. Я разрешаю тебе отвечать, что тебе не десять лет.

МАКСИМ. Мне не десять лет.

- Так вот, если бы тебе было десять, грёбаный ты придурок, то тогда бы я сказал, ну да, это нормально, когда тебя спрашивает девушка, не хочешь ли ты посмотреть на ее нижнее бельё и ты отвечаешь, что хочешь. Но ты же взрослый мужик.

- Она не говорила, что...

- Что она чья-то девушка?

КСЮША. Я говорила, клянусь.

ПАРЕНЬ. Слышишь, она клянется.

МАКСИМ. Не было...

- Молчать, молчать, молчать... Я работал. На два дня оставил одну. Думал вокруг грамотные люди. Это же гостиница, а не притон какой-то. Совратитель.

КСЮША. Да, он совратитель.

ПАРЕНЬ. Ну вот, ну вот, ну вот. И бить его бесполезно. К лицу и так хорошо приложились. Но надо же как-то наказать.

МАКСИМ. Только и стрелять вы не будете.

ПАРЕНЬ. Да это газовый. Бесполезная херня.

*Парень стреляет в ногу Максиму. Тот падает.
Хватается за ногу. Начинает орать.*

КСЮША. Петя, ты же понимаешь, что я бы сама, я бы никогда никому не показала нижнее бельё. Тем более ему. Я клянусь.

ПАРЕНЬ. А почему тем более?

МАКСИМ. А-а-а.

КСЮША. Потому что у него нет эфиопского кофе.

ПАРЕНЬ. Не понял. Как нет эфиопского кофе?

МАКСИМ. Я его у друга оставил.

КСЮША. Я же говорю, нету.

ПАРЕНЬ. Эфиопский кофе? У друга? А как же бедные эфиопы? Их же поддерживать надо. *(Качает головой.)* Ну ты и человек, ну ты и человек, я тебе скажу. *(Ксюше.)* Пошли, ладно. *(Максиму.)* А ты тихо сиди. Сам виноват. И был виноват ещё до того, как я узнал про кофе.

МАКСИМ. Ладно.

10

Позже с прихрамывающим Максимом Сотрудник гостиницы рассматривает номер. Всё разбито. Даже ноутбук разбит. Был погром.

СОТРУДНИК. То, что осталось от кровати, то, что осталось от двух стульев, разбитый телевизор. Шкаф только внешне похож на шкаф.

Проходят в смежный санузел.

Душ теперь не включается вот так. *(Показывает.)* Кран вот так тоже не включается. Может быть, даже из-за того, что тут теперь нет смесителя. Унитаз теперь не смывается. Туалетную бумагу теперь беспо-

лезно разматывать вот так. Посчитаем сумму. Выставим вам немалый счёт.

- Ладно.

ЭПИЛОГ

Вечером Максим выходит из такси. С сумкой и разбитым ноутбуком. Смотрит на жилую многоэтажку. Берёт телефон. Он разбит, но работает.

ГОЛОС МАМЫ. Максим, неужели.

МАКСИМ. Привет, мама.

- Максим, что-то случилось?

- Да я думал заехать в гости. Давно не был.

- Что-то серьезное, Максим?

- Мам. Да нет, просто в гости. Просто поговорить, а там как получится.

- Конечно, конечно, приезжай. Мы будем рады.

- Я просто не помню номер квартиры.

- Ну, как ты не помнишь номер, Максим? Мы же родители.

- Только вы переехали же недавно. Мама, вот и не помню.

- Шестой этаж. Восемнадцатая квартира. Ты же с Женей приедешь?

- Нет, у Жени не получается. Мама, у неё дела. Но я обязательно ей всё передам.

- Ну, все равно ждем тебя, ты скоро будешь?

- Скоро, мама. Даже не представляешь.

Максим прячет телефон. Проходит в подъезд. Ждёт лифт. Заходит внутрь. Едет на шестой этаж. Выходит. Глазами ищет номер 18. Находит. Подходит к дверному звонку. Тянет руку, чтобы нажать. Замирает.

МАКСИМ (*наконец, сам себе*). Ладно.

ГОЛОС. Максим часто всем говорил слово «ладно». Но лишь сейчас, впервые в жизни, он сказал его сам себе.

Максим убирает руку с дверного звонка.

КОНЕЦ

Даниил Лебедев
ДЕЛО ДЕНИСОВА

Действующие лица:

Сергей Шилович БОДКИН.
Марлен Венайлович КРАПИВКИН.
Зоря Львовна МАЛЫШЕВА.
Марина Анатольевна СЕРГЕЕВА.
Эльвира Анатольевна КУЗИНА.
Азалия Егоровна ОПАРЫШЕВА.
Леонид Германович ГРАНИН.
Марк Сергеевич ГИЛЬДЕРБАНД.
Лампада Ивановна ЛЯЛЬ.
ГОЛУБИНСКИЙ – майор.
ПАПА ДЕНИСОВА.

Сцена первая

Комната завуча. Ляль сидит за столом, перед ней бумаги и открытая коробка конфет. Майор Голубинский стоит, опершись на стол.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну, вы сами понимаете, это самое.

ЛЯЛЬ. Я понимаю это самое. Хотя вообще-то вам бы это к директору.

ГОЛУБИНСКИЙ. Нет времени к директору, тётя. Сами понимаете, это дело простое. Я так думаю, что у вас других случаев не замечалось?

ЛЯЛЬ. Да нет, не дай те бог.

ГОЛУБИНСКИЙ. Если что, вы теперь понимаете, реагируйте уже сами. Договорились?

ЛЯЛЬ *(вздыхает)*. Конфет хотите?

ГОЛУБИНСКИЙ. Кого конфет, на службе я. *(Внимательно смотрит на Ляль.)* Чё эт им на заду-то не сидится, я не пойму. Вроде нормальный пацан. *(Качает головой.)* Стоит чё-то, орёт, сам ни хера не понимает, чё происходит. *(Ухмыляется.)* Жирный ещё, эти мне говорят, заколебались они его в двери пихать. Ладно, ну вы поняли, это самое, собираете своих няnek, дядек, учителей и всё. Раз других случаев не было, значит, школа у вас нормальная, все поймут.

ЛЯЛЬ *(неуверенно)*. Да не знаю...

ГОЛУБИНСКИЙ. Чё такое? Кто не поймет что ли?

ЛЯЛЬ. Да есть один учитель физкультуры, он как бы немного не того.

ГОЛУБИНСКИЙ. Чё не того?

ЛЯЛЬ. Да не знаю. Старая закалка...

ГОЛУБИНСКИЙ *(удивляется)*. Ну так и хорошо, что старая.

ЛЯЛЬ. Да нет, совсем старая...

ГОЛУБИНСКИЙ. А... *(Кивает и садится.)* Понятно. *(Сидит и думает.)* Как зовут?

ЛЯЛЬ. Гильдербранд.

ГОЛУБИНСКИЙ. А, ну ясно всё. *(Закатывает глаза.)* Ну, а чё вы хотели, если у вас Гильденблядь физкультуру толкает. Директор у вас, кажется, без всяких там шлепелей-блепелей?

ЛЯЛЬ *(не понимает)*. Каких таких шлепелей?

ГОЛУБИНСКИЙ *(вставая)*. Ладно, надоело. Значит так. Раз у вас тут такие дела, чем мне потом мозги трахать три недели, лучше давайте зовите меня, когда всех соберёте. Не бойтесь. Я просто посижу и послушаю, авось физкультурник ваш не рпнется.

ЛЯЛЬ. Действительно, так посолидней будет.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну вот, значит, договорились. *(Смотрит на конфеты.)* Давайте конфет, дочке принесу.

ЛЯЛЬ. Да забирайте всю коробку, берите, берите.

Сцена вторая

Классная комната. На задней парте сидит Крапивкин. Это близорукий, хрупкий старик низкого роста. Он дремлет. Через некоторое время классная дверь открывается и входит Сергеева.

СЕРГЕЕВА (*улыбаясь, Крапивкину*). Здравствуйте, Марлен Венайлович.

*Крапивкин открывает глаза, пытается под-
няться.*

СЕРГЕЕВА (*опуская сумку на одну из парт*). Сидите, сидите, ради бога.

КРАПИВКИН (*тихо, улыбаясь*). Добрый вечер, Марина Анатольевна.

СЕРГЕЕВА. Что ж, кажется, никого ещё нет.

КРАПИВКИН. Подойдут.

СЕРГЕЕВА. Да уж, наверное. Что это такое, интересно, за срочность. Я ещё не знаю, Марлен Венайлович, я у вас недавно – часто у вас тут всякие собрания?

КРАПИВКИН (*подумав*). Сейчас чаще.

СЕРГЕЕВА. Марлен Венайлович?

КРАПИВКИН. Да, Марина Анатольевна.

СЕРГЕЕВА. Я всё никак не могу приспособиться что-то. Я уже третью неделю в школе работаю, а всё равно каждый день как-то тревожно сюда идти. Как мне вести себя?

КРАПИВКИН. Да как же вести себя? По-человечески, обыкновенно.

СЕРГЕЕВА. Да? Вроде бы просто выходит. А прихожу в школу, и всё как-то мне странно становится. Неловко.

КРАПИВКИН. Чего же вы? Вы девушка хорошая. Вам бояться нечего.

СЕРГЕЕВА. Да ладно вам...

Крапивкин снова дремлет. Дверь открывается, входят Опарышева и Малышева, разговаривая на ходу.

МАЛЫШЕВА. ...и просидела я там три часа.

ОПАРЫШЕВА. Да ну ты что?

МАЛЫШЕВА. Ну и что ты думаешь? Ни привет, ни ответа. Заявление ваше не получали. Я говорю: «Как не получали? Я семнадцатого, две недели назад отправляла». «Не получали, ничего не знаем».

ОПАРЫШЕВА. Я сама всегда ношу... *(замечая Сергееву)* здрасьте! *(Замечает Крапивкина.)* Тсс... Спит.

МАЛЫШЕВА. Здрасьте, Марина... извините, не запомню никак.

СЕРГЕЕВА *(улыбаясь)*. Марина Анатольевна. Здравствуйте.

МАЛЫШЕВА. Ну, что скажете, как вам на новом месте?

СЕРГЕЕВА. Устаю очень...

МАЛЫШЕВА. Да, вот вы устаете, а мы двадцать лет уже так работаем, правда, Азалия?

ОПАРЫШЕВА. Ну так и ещё бы. Ничего, поустанёт и перестанете. Всё будет нормально.

СЕРГЕЕВА. Да уж наверное. А чего нас всех собрали, вы не знаете?

МАЛЫШЕВА. Как же, знаем. Что-то такое про Денисова из моего класса, вот мне Лампада Ивановна и сказала – будем, значит, говорить про Денисова.

СЕРГЕЕВА. А что про Денисова?

МАЛЫШЕВА. А вот этого не знаю. Я так думаю – приду, мне и скажут, что такое.

ОПАРЫШЕВА. Говорят, там что-то было на площади у ДК. Полиция даже приезжала.

МАЛЫШЕВА. Да ну ты, глупости пороть. Какая полиция.

ОПАРЫШЕВА. Обыкновенная полиция. Мне Света говорила. Она же напротив живёт!

МАЛЫШЕВА. Ну, если полиция, то я не знаю... Вообще, конечно, много чести Денисову, чтобы мы все тут из-за него не ужинали.

ОПАРЫШЕВА. А я поужинала.

МАЛЫШЕВА. Ну, а я не поужинала. Я ж во вторую смену. Только с огня, что называется, и на пароход.

СЕРГЕЕВА. А нам эти часы как-нибудь... оплатят?

ОПАРЫШЕВА. Не понимаю, чего?

МАЛЫШЕВА. За что оплатят?

СЕРГЕЕВА. Ну, это собрание. Мы же на работе получаемся.

МАЛЫШЕВА. Получается на работе, но оплатят-то не оплатят.

ОПАРЫШЕВА. Я чего-то всё равно не понимаю. За что оплатят?

МАЛЫШЕВА. Да нечего тут понимать. За заседания и собрания не платят. Мы учителя, а не заседатели.

СЕРГЕЕВА (*кивая*). Это верно. А в контракте всё-таки...

Открывается дверь и входит Бодкин.

БОДКИН. Здравствуйте, доррогие дамы! Марлен Венайлыч, привет!

Ответные приветствия. Бодкин подходит крепко жмёт руку Крапивкину. Тот снова засыпает.

БОДКИН. Ну чего-йт. Учиться, значит, никто не же-ла-ет! Я им и так, и сяк, и через силу, и через ускорение, а у них всё равно получается чёрт знает что. Говорю – результат действия силы на тело зависит от – раз! – её модуля, – два! – направления, – три! – точки приложения. Это что – не по-русски сказано или чего? Нет, он выходит к доске и говорит: (*передразнивая*) резултээт дээйствия направлээния зависит от тэээчки мэээдуля, направлээния сиилы и так далее по алфавиту! Ухожу к чёртовой матери после этого года!

ОПАРЫШЕВА. Сергей Шилович, вы каждый год так говорите, а всё не уходите!

БОДКИН. Ну, потому что хочется хоть чему-нибудь-то научить засранцев перед уходом. Но ведь они мне не дадут такого удовольствия. Нет, но эта параллель, у меня за тридцать лет карррьеры такого не было! Ну его к чёрту, надоело.

МАЛЫШЕВА. Ну чего вы горячитесь, тоже мне. Как будто другим-то легче. Видеть этих гаонюков уже не могу. Ни дисциплины, ни мозгов. Одни штаны, и те висят где-то на уровне, извините, колен.

Все смеются, кроме спящего Крапивкина.

Ну а что? Он ходит передо мной, трусами хвастаясь своими, а я чего должна? Так что вы не один тут, и не надо этого. Лето пройдёт, вы отдохнете, успокои-

тесь. Там ещё один класс будет в сентябре. И нечего уходить. Если вам уходить, нам чего же – оставаться? Нет, давайте уж и вы оставайтесь.

БОДКИН. Ладно вам, тоже, затараторили! Чего мы тут вообще? Уроков мало что ли? Чего мы это тут того? Я не жрал!

МАЛЫШЕВА. И я не кушала.

ОПАРЫШЕВА. А я кушала.

БОДКИН. Ну это нам, допустим, без интереса, кушали вы или нет, Азалия Егоровна. Я хотел бы знать, чёй-то мы тут делаем и кого, это самое, ожидаемся?

МАЛЫШЕВА. Мой подопечный чего-то начудил. Денисов.

БОДКИН. Ну так и чего? Тут из-за каждого, кто начудил если собираться, так с голоду померьшь!

ОПАРЫШЕВА. Да, видно, чего-то серьёзное, если всех собирают.

БОДКИН. Знаю я ваше серьёзное! Лишь бы бумаги наизводить на три бумажных фабрики, вместо того, чтобы науку делать.

МАЛЫШЕВА. Ну, науку, допустим, и вы не делаете.

БОДКИН. Я другого чего делаю, хотя и сил моих больше нет! *(Встаёт.)* Нет, если сейчас же эта женщина не войдёт, я ухожу!

Открывается дверь и входит Гранин.

ГРАНИН. Чего вы кричите? Я, положим, не женщина, но вас с того конца коридора слышу. Вы взрослые люди или homo clamans?

БОДКИН. Хомо чего?

ГРАНИН. Ното slamans – человек кричащий.

БОДКИН. Я не человек кричащий, я Бодкин Сергей Шилыч.

ГРАНИН. Это я знаю. *(Протягивает Боткину руку.)* Здрасьте.

Гранин общим поклоном здоровается с остальными педагогами и они с ним в ответ.

ГРАНИН. Профессор спит? Ну, ладно, не будем тревожить... *(ухмыляясь)* послеобеденный сон фавна!

ОПАРЫШЕВА. А вы кушали уже?

ГРАНИН. Нет, ещё не пришлось.

БОДКИН. Да вот и нам тоже!

ОПАРЫШЕВА *(в сторону)*. Ну, кому не пришлось, а кому пришлось...

СЕРГЕЕВА *(подходя к Гранину)*. Я недавно в школе. Мы, кажется, ещё не знакомы. Марина Анатольевна.

ГРАНИН *(жмёт руку)*. Да, я вынужден был взять отпуск, мы поэтому и не пересеклись. Леонид Германович Гранин, учитель биологии. Вы что преподаёте?

СЕРГЕЕВА. Историю в девятых классах.

ГРАНИН. А, так это вас на место Сергея Николаевича взяли, конечно. У него были там какие-то разногласия, кажется, с директором.

МАЛЫШЕВА. Из-за спецкурса...

ГРАНИН. Вот точно. Он придумал вести спецкурс про введение... куда там?

МАЛЫШЕВА. В политическую философию...

ГРАНИН. Вот именно. И надо сказать, пользовался большой популярностью! Так что вам нужно быть на уровне, Марина Анатольевна.

СЕРГЕЕВА. Как на уровне... Его же выгнали...

ГРАНИН. А, ну да, действительно.

БОДКИН. А по мне так хороший мужик был, и всё!

ГРАНИН. Мужик-то хороший, да мужичество не профессия. Что он там не так преподавал, я не знаю. Но за что-то же выгнали?

БОДКИН. А чего тут знать! Преподавать любой преподаватель может. А он был мужик хороший!

ГРАНИН. Ну вы, друг, засели за своё, ей богу, когда не об том речь. Мужик, мужик.

БОДКИН. Я не хуже вас знаю, об чём речь!

МАЛЫШЕВА (*Сергеевой, тихо*). Выпивали они вместе.

БОДКИН. Пусть и выпивали! Но мы не только выпивали! (*Указывая на Сергееву, Малышевой.*) А вообще вы меня в каком виде выставляете перед новой коллегой! (*Сергеевой.*) Вы не подумайте. Я его не очень знал, но он и выручить мог, а не одно только выпить.

Дверь открывается. Входит Гильдербранд.

БОДКИН. Вот! Марк, ты скажи?

ГИЛЬДЕРБРАНД. Привет. Чего скажи? (*Быстро кивает по сторонам.*)

БОДКИН. Скажи, Малинин хороший был мужик или нет?

ГРАНИН. Речь, если угодно, не о том...

БОДКИН. Об чём речь тут – не важно! И не перебивайте.

ГИЛЬДЕРБРАНД. Ну да, ничего себе был. Жалко.

БОДКИН. Кому он только своей политэкономией...

МАЛЫШЕВА. Политической философией.

БОДКИН. Да, ей вот.

ГИЛЬДЕРБРАНД. Да чёрт его знает. Он мне сам хорошенько не может сказать.

БОДКИН. Да вы ж с ним приятели?

ГИЛЬДЕРБРАНД. Были приятели. Но я за ним не успеваю.

БОДКИН. Как это?

ГИЛЬДЕРБРАНД. Да спился он.

Тишина.

БОДКИН. Ну и чего? А теперь что? И почему были приятели?

ГИЛЬДЕРБРАНД. Потому что спиваются по одному, а не компаниями. *(Пауза.)* Мне всё-таки физкультуру вести надо, в конце концов. Семь классов на мне. Не могу я столько пить. А с ним теперь как иначе? *(Пауза.)* Раньше ничего ещё, когда он учил, и ещё этот спецкурс, это было другое дело. Вам, Марина Анатольевна, честь после такого преподавателя место занимать.

ОПАРЫШЕВА. После какого такого? Пьяница и скандалист. Тоже честь.

БОДКИН. Мужик!

ОПАРЫШЕВА. Да уж не баба.

ГИЛЬДЕРБРАНД. Чем это он вам не угодил?

ОПАРЫШЕВА. Чем-чем. Какой он пример подавал?

ГИЛЬДЕРБРАНД. Он примеров не подавал. Но слушали его, открыв рты. Азалия Егоровна, вам как учителю литературы, стыдно не знать – в России талантливый человек чистеньким быть не может. *(Игриво.)* Кто это сказал, а? А?

ОПАРЫШЕВА *(сбитая с толку)*. Горький? Салтыков-Щедрин?

ГИЛЬДЕРБРАНД. Ну-ну, Салтыков-Щедрин. Ладно уж. Не позорьтесь.

ГРАНИН. Да-а, дружба да согласие у нас среди педагогов, ничего не скажешь. Как вам это нравится, Марина Анатольевна? Не передумали ещё?

Дверь открывается. Входит Кузина, опираясь на трость. Взаимные приветствия.

156

КУЗИНА. Ой, сколько народу! Кто-то, видать, помер?

ГРАНИН. Нет, Эльвира Анатольевна, кажется, все живы.

КУЗИНА. А чего мы тут тогда?

ОПАРЫШЕВА. Да кто бы знал. Директор, главное, в отъезде. А без него всё равно ничего серьёзного бы не решали.

МАЛЫШЕВА. Говорят чего-то про Денисова.

КУЗИНА. Про Денисова? Про Вову Денисова?

МАЛЫШЕВА. Про него.

КУЗИНА. А чего же это может быть? Умный, добрый мальчик. Это же он у вас в олимпиаде участвовал, Леонид Германович?

ГРАНИН. Чего участвовал, он на всероссийский уровень вышел в том году. Вот ездили. Вообще, если меня спросят, то таких ребят ещё поискать надо. Он во многих отношениях дальше меня ушёл.

КУЗИНА. Ну, я ничего такого рассказать не могу, потому что... нет особенных олимпиад по черчению. Но вообще ничего, чертит. Болтун страшный, конечно.

СЕРГЕЕВА. Ну, а я вообще-то... Ладно, скажу! Меня вообще сегодня не приглашали. Я же как новенькая ещё в совете не состою. Но я пришла, потому что услышала... вот от Зори Львовны, что про Денисова будет разговор. Я сейчас вижу, что он, видимо, что-то натворил. Но сначала я, если честно, думала, что тут какой-нибудь другой повод. Думала, может, награду какую-то получил. Это смешно, конечно, какую награду... Я в том смысле, что он меня очень радует! Он прочитал недавно какую-то новую книгу про Петра Первого. А у нас как раз урок был. И я поделила весь класс на две группы – одни должны были защищать Петра, а другие обвинять. А он подошёл ко мне и спросил, можно ли ему быть между! Я говорю, что можно. Так он всё время спорил, доказывал, какая эта была сложная фигура, и ни с кем не соглашался – ни с теми, кто защищал, ни с теми, кто обвинял. У меня такого урока никогда не было.

МАЛЫШЕВА. Пётр Первый прорубил окно в Европу.

СЕРГЕЕВА. Да, но не только...

ОПАРЫШЕВА. Я слышала ещё, что он трупы любил разделывать!

МАЛЫШЕВА. Азалия, помолчала бы, чем чепуху молоть, трупы!

СЕРГЕЕВА. Между прочим...

МАЛЫШЕВА. Вообще, у вас там, видимо, зараза какая-то, дискуссионные клубы среди историков. Сергей Николаевич дискутировал со всеми – с учениками, с директором, с инспектором, с нами вот. Додискутировался до белой горячки. *(Сергеевой.)* Вы, Марина Анатольевна, будьте осторожны. Глядишь, он мне класс расхлябает до состояния, так сказать... жижи какой-то.

КУЗИНА. Зря вы это, Зоря Львовна, дискуссия – нормальная вещь в демократическом обществе...

МАЛЫШЕВА. Эльвира Анатольевна, вы где-нибудь видели это демократическое общество?

КУЗИНА. Как!

МАЛЫШЕВА. Ну а как? В демократическом обществе каждый имеет право на мнение, правильно? Ну, так а куда нам! Если такие молокососы, как Денисов, начнут свои мнения иметь, так нам с вами до Пасхи не досуществовать! У нас же тут не Ямайка. У нас если демократия будет, так сразу с отрубанием голов, не иначе! Нам сначала надо воспитать мнение у детей, а потом уж организовывать демократию, чтоб они это мнение свободно, так сказать, высказывали. И всем будет замечательно. И они мнение имеют, и мы чай пьём. На то мы и школа.

ГИЛЬДЕРБРАНД. Чтобы чай пить?

МАЛЫШЕВА. Чтобы мнения воспитывать!

КУЗИНА. Да, но у нас всё-таки Конституция!

МАЛЫШЕВА. Это хорошо, и я даже вас с этим поздравляю!

ГРАНИН. Ну что вы ссоритесь, дамы? Может быть, нас так только собрали.

МАЛЫШЕВА. Да что-то мне боязно. Сами знаете. Другие делай, а не доглядела в итоге я, потому что классный руководитель.

Общее молчание.

СЕРГЕЕВА (*смотрит в окно*). О, снег пошёл.

ГИЛЬДЕРБРАНД (*подходит к окну, задумчиво*).
Всё, никакого больше футбола. Мальчики меня до первого снега упрашивают в футбол играть.

СЕРГЕЕВА. А девочки?

ГИЛЬДЕРБРАНД (*заглядевшись на снег*). А?

СЕРГЕЕВА. А девочки что?

ГИЛЬДЕРБРАНД. А девочки смотрят.

Открывается дверь, входит Ляль. Взаимные приветствия. Гильдербранд разворачивается к ней, но остаётся стоять у окна. Ляль подходит к учительскому столу, вынимает из сумки какие-то бумаги.

ЛЯЛЬ. Извините, я немного задержалась. Пробки. (*Раскладывая бумаги.*) Ну что ж. Думаю, можно начинать. Майор Голубинский немножко опоздает. Мы

начнём без него, тем более что, говоря в общем, он будет только что-то вроде слушателя и, собственно, дело, которое вынесено на повестку, решать всё равно нам, потому что дело, собственно, откровенно внутреннее. Дело школьное.

МАЛЫШЕВА. Майор... Какой майор?

ЛЯЛЬ. Майор Голубинский.

МАЛЫШЕВА. Денисов убил что ли кого-то?

ЛЯЛЬ. Если бы Денисов кого-то убил, вы бы уже, наверное, знали.

ОПАРЫШЕВА. А зачем тогда майор?

ЛЯЛЬ. Майоров не только убийства интересуют.

ГРАНИН. Лампада Ивановна, вы нам чего-нибудь скажете или так и будете вокруг да около майоров ходить?

ЛЯЛЬ. Так вы же мне не даете сказать! *(Пауза.)* Иван Васильевич просил передать, что полностью доверяет мне ведение собрания. Он уехал по делам. Дело, собственно, очевидное и, как говорится, о сём не может быть двух мнений, мне кажется, оно в своём роде показательно. Именно поэтому я желала бы все-сторонне осветить сущность вопроса и, так сказать, подчеркнуть глубину падения, чтобы такое вообще больше в нашей школе пре-до-творя-ть!

ОПАРЫШЕВА *(бурчит)*. Что такое-то не пойму...

ЛЯЛЬ. Я полагаю, что для всех нас произошедшее неприемлемо.

Ляль выдерживает паузу. Все присутствующие переглядываются.

ЛЯЛЬ (*казённым тоном*). Наша школа была основана на определенных принципах, и я хочу это подчеркнуть – на определённых принципах. А основана она была вместе с нашим городком, поэтому, можно так сказать, несёт на себе бремя его истории. Крданов возводился буквально с нуля пятьдесят лет назад академиком Георгием Гварахиевичем Будкиным, с которым некоторые из наших старейших преподавателей... (*кивает в сторону Кузиной*) имели честь работать. Георгий Гварахиевич говорил на открытии школы, что здесь будет фабрика новой интеллигенции, культурная, так сказать, платформа, инкубатор знания и инженерная мастерская человеческих душ! Весь Крданов в общем и наша школа, в частности, своим примером должны показать что значит бескомпромиссное служение благу строящегося общества и что значит – твёрдо стоять под грузом ответственности и суровым взглядом Большой Москвы. Наша школа была совершенно новым в прежних условиях форматом образовательного учреждения, и она оправдала надежды, которые на неё возложили отцы-основатели. За очень короткий срок она сменила свой проектный статус на эталонный, и методы, которые сперва воспринимали с опаской, стали образцом среднего образования по всей стране. Не так ли, Эльвира Анатольевна?

КУЗИНА (*очарованная речью, не сразу понимая, что к ней обращаются*). О, да! О, да! Методы действительно воспринимали с опаской... это совершенно так! Покойного Георгия Гварахиевича ну никак не принимали в парторганизациях с его сиреневым галстуком! Это совершенно так! Помнится мне, как-то – школе уж было лет пятнадцать – мы с нимплы-

ли на райкомовском теплоходике по Оби, это было празднование сорокалетия чего-то такого, не помню, покойный, дай ему бог здоровья, Георгий Гварахиевич такой статный – белая шляпа, сиреневый галстук – и говорит мне, что вот, Эльвира Анатольевна, устал я, устал. Помню, глаза у него были очень такие, ну как это вам сказать...

ОПАРЫШЕВА (*переминаясь с одной ягодицы на другую*). Начинается...

БОДКИН (*вскакивая, громко*). Чёй-та происходит, не понимаю!

Открывается дверь и входит майор Голубинский. Приветствует всех педагогов, и они его в ответ.

ГОЛУБИНСКИЙ. А чего мужчина стоит?

БОДКИН. Насижусь ещё! А покаместь, я чёй-та не понимаю!

ЛЯЛЬ. Садитесь, садитесь, Сергей Шилович.

БОДКИН. Ну я, значит, сажусь, ладно.

ЛЯЛЬ. Это майор Голубинский. Он, как я уже упоминала, будет присутствовать на нашем собрании в качестве слушателя, так скажем, со стороны заинтересованной стороны.

ГОЛУБИНСКИЙ (*опуская свой портфель на свободную парту в первом ряду*). Ну не надо мне, пожалуйста. Заинтересованная сторона тут вы, то есть, значит, школа. Моё дело тут только проследить, значит, чтобы ваши интересы, значит, не выходили за рамки ваших интересов и... короче! Паренёк – дурак. Это, кажется, понятно. Что пацан может знать в полити-

ке, если он, значит, ещё не знает, ну, всяких там интегральных... кто тут учитель физики?

БОДКИН *(снова вскакивая)*. Я и есть!

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну вот разве не так? Какая политика, если он ещё не знает интегральных всяких этих? Верно?

КРАПИВКИН *(тихо, медленно поднимая голову)*. Вынужден вас поправить. Интегральные уравнения составляют прерогативу науки математики.

Все присутствующие от неожиданности оборачиваются.

МАЛЫШЕВА *(тихо)*. Ну нате же. Явление Христа народу.

ГОЛУБИНСКИЙ *(Бодкину)*. Да садитесь, садитесь.

КРАПИВКИН. Если быть более точным...

ГОЛУБИНСКИЙ. Да ладно, точнее не надо. Короче! Пацан – дурак, давайте совещайтесь, не будем тянуть, господа. *(Садится.)*

ЛЯЛЬ. Мы как раз обсуждали тот немаловажный факт, что наша школа занимает особенное место в городской, так скажем, образовательной инфраструктуре и потому данный инцидент принимает, так сказать, особенный, так сказать...

ГОЛУБИНСКИЙ. А чё у вас такое в вашей школе?

ЛЯЛЬ. Видите ли, её Георгий Гварахиевич...

ГОЛУБИНСКИЙ. Георгий Гварахиевич... Да что-то такое знаю. Круткин или как его?

ЛЯЛЬ *(мягко)*. Будкин.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну и хорошо, что Георгий Гварихиевич, а ваша школа что?

ЛЯЛЬ (*горячо*). А он нашу школу открывал и, так сказать, закладывал фундамент!

ГОЛУБИНСКИЙ. Извините ради бога, Лампада Ивановна, но речь сейчас идёт не о вашей школе, а об одном, извините, глисте, чтобы не сказать пиздюке, извините покорно.

МАЛЫШЕВА, ОПАРЫШЕВА. Ах!

КУЗИНА. Хо! Однако!

ГРАНИН. Извините! Такой язык неприемлем в этих стенах, и вообще я хотел бы услышать, в чём собственно...

ГОЛУБИНСКИЙ. Ла-адно! Хотите о чести школы, валяйте, только давайте быстрее. Времени у меня нет. Всё, молчу!

ЛЯЛЬ. Так... Где это, значит, я остановилась... В общем! Что я хочу сказать...

Пауза. Ляль нерешительно обводит взглядом преподавателей, несколько задержавшись на профиле майора Голубинского.

164

В нашей школе произошёл серьёзный идеологический инцидент. Я имею в виду, что тем важнее остановиться на влиянии, которое могут иметь подобные инциденты на умы учащихся, тем важнее отметить всю их разрушительность, что школа наша в этом смысле — я хочу сказать, в идеологическом смысле, всегда была, что называется, на авангарде! (*Пауза.*) Десятилетиями мы готовили и готовим детей к вхождению их во взрослую жизнь. И однако же, в последнее время от-

Сюжет

мечается некая своеобразная мода, которая – как это не отметить – носит на себе явный отпечаток западного влияния. Я говорю о так называемом пагубном панибратстве между учениками и учителями. Я не буду называть имён, но полагаю, те, кого это касается, сами, что называется, с усами.

ГРАНИН (*вскакивая со стула*). Ваших намёков понимать не желаю и выслушивать не намерен!

ЛЯЛЬ. А я и не намекаю, Леонид Германович. Ну раз уж вы вызвались, то вот скажите мне, пожалуйста, Вова Денисов, о котором, собственно, сегодня и речь, он, кажется, ничего так, хорошо учится по биологии?

ГРАНИН (*кивая*). Образцовый ученик, один из лучших у меня.

ЛЯЛЬ. Вы с ним остаётесь иногда после уроков в вашем кабинете, не так ли, Леонид Германович?

ГРАНИН. Так ли, Лампада Ивановна.

ЛЯЛЬ. И что вы с ним там делаете?

ГРАНИН. Как это прикажете понимать?

ЛЯЛЬ. Ну что вы там делаете?

ГРАНИН. А что это, собственно, происходит, допрос?!

ЛЯЛЬ. Нет, Леонид Германович. Я объясню. Дело в том, что Денисов не особенно открытый мальчик, и мне кажется, если кто и может помочь нам разобраться, так сказать, в мотивах его поступков, в их, так сказать, внутренней логике, то это вы. Поэтому я и спрашиваю, что вы с ним делаете в своем кабинете после уроков.

ГРАНИН. Чай пьём.

ЛЯЛЬ. Чай пьёте.

ГРАНИН. Так и есть. Чай у меня всегда на выбор – чёрный и ромашковый. Денисов выбирает ромашковый, если вам это что-нибудь говорит о его внутренней логике и так далее.

ЛЯЛЬ. А за чаем вы о чём говорите?

ГРАНИН. Главным образом, о метаболизме двурезцовых сумчатых.

ЛЯЛЬ. Что это?

ГРАНИН. Да он чего-то такое прочитал в интернете и захотел одомашнить вомбата. А я ему говорю, что не очень это сподручно. Сидим и спорим. У него, если вы не знали, дома уже целый питомник.

ГОЛУБИНСКИЙ. Так, уважаемый, это всё очень интересно, только нам это не очень интересно. Скажите, чё-нить такое он про политику говорил?

ГРАНИН. Майор, меня спросили, что мы с Денисовым делаем, – я сказал, что мы с ним делаем. Что будет интересно, я не обещал.

ГОЛУБИНСКИЙ. Отвечайте на вопрос.

ГРАНИН. Отвечаю – о политике Денисов говорил чё-то такое.

ГОЛУБИНСКИЙ. Какие-то имена? Кто-нибудь, может, был для него авторитетом в этих делах в школе? Кто-нибудь из старшеклассников?

ГРАНИН. Не знаю, меня это мало интересует. Говорит пусть себе. Я не очень слушаю.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну здрасьте, приехали. Про сумчатых вы слушаете, а когда ученик экстремистские идеи вам под нос толкает, то вы не слушаете?

ГРАНИН. Извините! Никаких экстремистских идей он мне, как вы выразились, под нос не толкает.

ГОЛУБИНСКИЙ. Откуда ж вам знать, если вы не слушаете?

ГРАНИН. Ну знаете, я ещё могу болтовню подростка от экстремистских идей отличить. Говорю вам, самое радикальное, что этот пацан мне предлагал, это одомашнить вомбата.

ГОЛУБИНСКИЙ. Так я вам скажу, Леонид... как вас по батюшке?

ГРАНИН. Германович.

ГОЛУБИНСКИЙ. Так вот я вам скажу, Леонид Германович, что ваш новоиспечённый зоофил умеет выходить на улицу и кричать, что ему наш президент надоел...

ГРАНИН. Да что вы такое говорите, не может быть.

ГОЛУБИНСКИЙ. ...и что правительство прогнило изнутри.

ГРАНИН. Да не дай бог.

ГОЛУБИНСКИЙ (*оборачиваясь к Ляль и пожимая плечами*). Ладно, продолжайте.

ЛЯЛЬ. Как видите, противоправные настроения растут в нашей школе в тайне, так сказать, под партой. Что только лишний раз свидетельствует о преступных мотивировках, стоящих за этими настроениями. Я вас спрашиваю – разве человек, борющийся за правое дело, будет скрывать это? Нет! Только тёмные дела делаются втихомолку, чтобы застать общество врасплох. Как мы были удивлены выходкой Денисова, помните? А почему? А потому что потеряли бдительность,

расслабились, и вообще, в этом смысле, перестали блюсти, так сказать, нравственную гигиену в стенах наших классов. Не нужно, пожалуйста, забывать, что живём мы, конечно, в век либеральный и теперь уже даже почти и не сажают за всякие высказывания, но тем важнее роль школы и нас как преподавателей не допустить детской расхлябанности взглядов и всякого подобного беспорядка в голове. *(Пауза.)* Чтобы не получилось потом, что они нас, а не мы их воспитываем, как в том анекдоте, знаете? Мальчик говорит папе: «Папа, а знаешь, что такое секс?». Папа смущается, но объясняет. А мальчик ему говорит: «Ну и дурак ты, папа. Секс – это шесть, а севен – это семь».

Все присутствующие, кроме спящего Крапивкина, начинают очень громко, неестественно громко смеяться. Потом вдруг смех прекращается.

КУЗИНА *(спокойно)*. Извините, вот вы говорите, что мы были удивлены выходкой Денисова. Да какая выходка, я что, одна не понимаю?

Все преподаватели поддерживают Кузину.

ЛЯЛЬ. Уверяю вас, уверяю вас! Какая бы выходка ни была, мы все ей были очень удивлены! *(Тяжело вздыхает.)* Я не знаю... не знаю, как и подойти к этой проблеме. *(Обращаясь к Малышевой.)* Зоря Львовна, вы классная руководительница девятого «Б», в котором учится Денисов. Вам есть что сказать?

МАЛЫШЕВА *(краснеет, глаза её бегают)*. Я думаю, что Денисова нужно выгнать из школы! Выгнать из школы! *(Орёт.)* Выгнать из школы!

Голубинский согласно кивает головой. Сергеева непонимающе оглядывает Малышеву.

ЛЯЛЬ. Ну это ладно, значит, но стулья всё-таки, как говорится...

МАЛЫШЕВА (*тараторит*). Я не знаю, что это там такое он сделал и сказал, но могу сказать, что и без того я подозревала о том, что он может что-нибудь такое сделать и сказать, и вообще даже не столько сказать, сколько сделать, что в его случае только усугубительно и в общем и целом характеризую его так: он в нашем классе, что называется, чёрный гусь и не могу сказать, что я им довольна по части химии, много дерзит.

БОДКИН (*подскакивая*). Извините, я протестую!

ГОЛУБИНСКИЙ. Заткнитесь.

Бодкин садится.

ЛЯЛЬ. Я так понимаю, что Денисов выражал к вам неуважение?

МАЛЫШЕВА. Ещё бы! Во всех отношениях видно, что парень без воспитания.

ЛЯЛЬ. Как выражается неуважение?

МАЛЫШЕВА. Болтает на уроке, не заполняет дневник, неряшливая тетрадь, ходит в майке «Здесь вам не Москва»...

ЛЯЛЬ. Это не совсем то, что нас интересует. Были серьёзные конфликты?

МАЛЫШЕВА (*задумавшись*). Вот недавно было одно. Пишу химическую формулу на доске. Говорит

мне: «Зоря Львовна! У вас ошибка!» Ну а я ему: «Ах ты нахал, ах ты бурнус, сиди и молчи!» Он ещё осмелился меня потом спрашивать, почему он бурнус?

ГРАНИН. А действительно, почему? Бурнус, если мне не изменяет...

МАЛЫШЕВА. Ну действительно, почему он это, а не то! Это, мой милый, называется экспрессивная речь! Я ему хотела показать низость его падения! Вот и сказала что-то такое хлёткое – бурнус! Чего тут не понятного!

ГРАНИН. Да, но...

Ляль машет руками в его сторону.

МАЛЫШЕВА. Ну или вот ещё. Сидит и болтает, сидит и болтает, ну с Жуковым, соседом своим. Мешает мне ужасно, но я ничего – веду урок. Проявляю такт, что называется. А они всё шепчутся и шепчутся. Ну а я ничего. Веду урок. А потом встаёт Печугин со своего места...

ЛЯЛЬ (*Голубинскому*). Сын Игоря Игоревича...

МАЛЫШЕВА. Встаёт Печугин со своего места, встаёт, высокий, мускулистый, оборачивается, идёт к их парте, останавливается и говорит: «Не закроете рты – набыю вам ебала – тебе и тебе». Это он Жукову и Денисову. Те замолчали.

ЛЯЛЬ. Это не...

МАЛЫШЕВА. У меня прямо спина выпрямилась! Приятно стало – растёт мужчина.

ГИЛЬДЕРБРАНД. Зорь, ты чего с горбатой спиной преподаёшь, я не понимаю?

Голубинский резко поворачивается на голос. Гильдербранд стоит у окна, скрестив руки.

ЛЯЛЬ. Извините, Марк Сергеевич!

ГИЛЬДЕРБРАНД. Извиняю. *(Малышевой.)* Зоря, ты давай выбирай – ты девочка или учитель? *(Передразнивая.)* Растёт мужчина! Ты прямо и потекла. Пацан у тебя в классе кулаками машет, а у тебя спина распрямляется!

ЛЯЛЬ. Марк Се...

ГИЛЬДЕРБРАНД. Погодите с Марком Сергеевичем, Лампада Ивановна. Я, конечно, Марк Сергеевич, а ещё у меня завтра первый урок у пятого «А». Время позднее. Час вы тут уже сидите чего-то такое, но кроме того, что парень хочет вомбата и не заполняет дневник, я ничего не понял. Кого он там сделал вообще?

Малышева на грани нервной истерики. Опарышева легонько похлопывает её по плечу. Голубинский с любопытством наблюдает.

ЛЯЛЬ. Марк Сергеевич Денисов, дабы вам было известно, участвовал в оппозиционной манифестации с провокационными лозунгами.

ГИЛЬДЕРБРАНД. Ну ясно. И что, кажется, никто не умер?

Тишина.

ГИЛЬДЕРБРАНД. Это, я так понимаю, была манифестация Вовы Денисова и армии клуба юных натуралистов? Откуда сыр-бор-то?

ЛЯЛЬ. Если бы всё было так просто, Марк Сергеевич, мы бы здесь не сидели. И вот не надо здесь иронизировать. Дело серьёзное. Акция была организована не школьниками, а специалистами-провокаторами и, что немаловажно, есть основания предполагать западный заказ...

ГИЛЬДЕРБРАНД. Заказ на что? На выступление школьников в городе Крданове?

ОПАРЫШЕВА. И революция начиналась с выступления школьников!

ГОЛУБИНСКИЙ *(вставая)*. Так, всё. Марк Сергеевич Гильб... Гильд...

ГИЛЬДЕРБРАНД. Гиль-дер-бранд.

ГОЛУБИНСКИЙ. Марк Сергеич! Вы что хотите сказать?

ГИЛЬДЕРБРАНД. Это я вас должен спросить, что вы хотите сказать, потому что я ничего не понимаю. Сделали из Денисова чёрт знает что. Из школы выгонять чего-то такое.

172

Голубинский долго смотрит в упор на Гильдербранда, потом разворачивается, поднимает свой портфель и достает из него блокнот и ручку.

ОПАРЫШЕВА. Постыдились бы на женщину нападать.

ГИЛЬДЕРБРАНД. Извини, Зоря, я, правда, не хотел, но что же ты такая дура.

Мальшева плачет.

ГОЛУБИНСКИЙ. Замолчите, женщина!

Сюжет

Мальшиева замолкает.

ГОЛУБИНСКИЙ (*готов писать*). Место проживания?

Пауза. Голубинский поднимает глаза и смотрит на Гильдербранда.

ГИЛЬДЕРБРАНД. Чего? При чём тут место проживания?

ГОЛУБИНСКИЙ (*повернувшись к Ляль*). Место проживания?

Ляль судорожно открывает журнал и ищет адрес Гильдербранда.

ГИЛЬДЕРБРАНД (*подавшись вперед*). Чё происходит?

ЛЯЛЬ (*тараторит*). Улица Кропоткина, двадцать пять, квартира сорок четыре.

ГОЛУБИНСКИЙ (*записывая*). Улица Кропоткина...

ГИЛЬДЕРБРАНД. Ладно, понятно. Идите в жопу. (*Выходит из класса.*)

ГОЛУБИНСКИЙ (*закончив писать, подходит к Гранину*). Вот вы скажите мне, мы разве уже не обсудили, в чём обвиняется Денисов?

ГРАНИН. Получается, что как бы и обсудили.

ГОЛУБИНСКИЙ. Да? Вы ещё всё никак не верили и руками махали. (*Продолжая ходить между партами.*) Значит, обсудили. Сколько же тогда нам ещё здесь время терять, и повторять и повторять одно и то же, вы мне скажите? Значит, так...

БОДКИН (*вскакивая*). Если Денисов не знает интегралов то я берусь подтянуть подростка! Сложная тема это самое и да!

ГОЛУБИНСКИЙ (*медленным шагом подойдя к Бодкину, кладёт ему руку на плечо*). Какие интегралы, папа?

БОДКИН. Такие, в которых его обвиняют! Сказали: не знает интегралов – не может разбираться в политике! Я говорю – верно! Будем разбираться в интегралах. Как же он их выучит, так сказать, если мы его из школы того!

ГОЛУБИНСКИЙ. Садитесь, давайте.

Бодкин не двигается. Пауза.

БОДКИН. А руку-то с плеча убери.

КУЗИНА (*удивленно*). Господа, ну что же это такое?

Голубинский убирает руку.

174

ЛЯЛЬ. Друзья! Давайте вернёмся, так сказать, в русло нашего рассуждения. Не будем торопить события, а обстоятельно изложим ситуацию, и тогда, я уверена, последние сомнения исчезнут, и мы без лишних нервов решим вопрос. (*Пауза.*) Денисов не только участвовал в манифестациях, но, как мы узнали от Леонида Германовича, вёл разговоры о политике в школе. Спрашивается – зачем? Как верно заметил майор, ребёнок ещё не знает интегральных уравнений, а уже чего-то пытается совершать на ниве агитации. Вывод тут один – Денисов попал под влияние провокаторов.

Сюжет

СЕРГЕЕВА. Лампада Ивановна, а может быть он не виноват, что попал под это влияние?

ЛЯЛЬ. Как не виноват?

СЕРГЕЕВА. Ну вот вы же сами говорите, что ему возраст ещё не позволяет во всём таком разбираться. Так разве он может быть виноват, если не разбирается?

ЛЯЛЬ. Ну, а как же по-другому? Его дело не в том, чтобы разбираться, его дело – не вмешиваться. Посудите сами, он услышал что-то такое провокационное, и вместо того чтобы сказать: «Оооой нетушки, этого нам не надо» – он взял и бросился с головой в омут.

СЕРГЕЕВА. Лампада Сергеевна, ну, так а что же ему делать, если он не разбирается – как надо и как не надо? Как понять, хорошо это или не хорошо?

ЛЯЛЬ. А родители ему на что? У ребёнка голова – это родители. Нужно сказать, правда, что у Денисова и в этом отношении не всё благополучно. Родители разведены, сами понимаете. Отец у него какой-то, значит, киномеханик, и взгляды свои он уже вполне обнаружил, когда шла речь о том, чтобы скидываться на ремонт кабинета директора.

СЕРГЕЕВА. Не встречала его отца.

ЛЯЛЬ. Ну так я вам расскажу. Был, значит, на повестке вопрос – отремонтировать кабинет Ивана Васильевича. Ну и, конечно, решили, что каждый из родителей скинет, значит, в классный фонд по мере возможностей и не меньше пяти тысяч рублей. Ну и, значит, папа Денисова платить не стал.

МАЛЫШЕВА. Прекрасно помню! Говорит: «Почему я должен ремонтировать кабинет директора?»

ЛЯЛЬ. Ну ничего, мы и без него обошлись. Но это так, Марина Анатольевна, чтобы вам показать, откуда ноги растут. Ребёнок живёт с отцом. Семья неполная. Дома вполне возможно, что и вакханалии с утра и до полуночи. Кто знает? Так к кому же ему обращаться за советом? А? *(Пауза.)* А я уже сказала к кому! К школе! Мы – мы или никто. Если мы не спасём это поколение, погибающее перед нашими глазами, растущее под лозунгом «Ни себе ни другим», то что же получится? А получится то, что получилось – Денисов получится.

ГОЛУБИНСКИЙ. Лампада Ивановна, если можно, давайте это, ну...

ЛЯЛЬ. Да, да. Значит, о чём это я говорила. А, ну так всё это я отвечала на ваш вопрос, Марина Анатольевна.

СЕРГЕЕВА. Извините, Лампада Ивановна, но я всё-таки не совсем понимаю.

ЛЯЛЬ. Чего вы не понимаете?

СЕРГЕЕВА. Вот вы говорите: мальчик не смог отличить, что хорошо от того, что плохо.

ЛЯЛЬ. Ну да.

СЕРГЕЕВА. Не смог, потому что дома ему не подсказали. Живёт с отцом, а отец у него такой, что не может быть моральным ориентиром.

ЛЯЛЬ. Именно так.

СЕРГЕЕВА. И вы говорите, что тем важнее роль школы. Я это понимаю. Школа – это действительно для ребёнка второй дом. Значит, мы должны его не только учить наукам, но и разуму.

ЛЯЛЬ. И я то же самое говорю.

СЕРГЕЕВА. И теперь вы предлагаете выгнать его из школы.

Тишина.

ЛЯЛЬ. Ну да. Предлагаю.

СЕРГЕЕВА. Как же так получается?

ЛЯЛЬ. Что как получается?

СЕРГЕЕВА. Ну вот то, о чём я говорила.

ЛЯЛЬ. Вы всё правильно говорили, правильно. Нужно воспитывать новое поколение. А не чтоб оно нас воспитывало. Знаете, как в том анекдоте...

СЕРГЕЕВА. Ну, так разве в таком случае мы не несем отчасти ответственность за то, что сделал Денисов?

ЛЯЛЬ. Ну, этого ещё не хватало! *(С иронической улыбкой.)* Дорогая Марина Анатольевна. Вы у нас в школе недавно, поэтому вам простительны такие странные слова. Я вам объясню. Вот вы любите кушать йогурты?

СЕРГЕЕВА. Не люблю.

ЛЯЛЬ *(с серьезным видом)*. Ну, допустим, любите. Это нам не принципиально. И вот вы, наверное, допустим, их храните в холодильнике, чтобы они не скисали.

СЕРГЕЕВА. Не храню, поскольку йогуртов не ем.

ЛЯЛЬ *(смеясь)*. Какая упорная! Ладно. А сыры любите?

СЕРГЕЕВА. Ага, люблю.

ЛЯЛЬ. Ну и вот чтобы они не испортились, вы их, наверное, кладёте в холодильник. Заботитесь, значит, о том, чтобы они были вкусные и не прокисли?

СЕРГЕЕВА. Да, кладу.

ЛЯЛЬ. Но вот представьте, что у вас холодильник сломался, или подсунули вам просроченные сыры в магазине, и вот вы положили их в холодильник, а они всё равно прокисли.

СЕРГЕЕВА. Ну.

ЛЯЛЬ. Что, будете вы их есть после этого?

СЕРГЕЕВА. Не буду.

ЛЯЛЬ *(с улыбкой)*. Или, может быть, оставите их дальше в холодильнике лежать, надеясь, что им полегчает?

Все присутствующие, кроме погруженного в себя Крапивкина, смеются преувеличенно громко и неестественно.

СЕРГЕЕВА. Да, действительно. Об этом я не подумала.

ГОЛУБИНСКИЙ. Господа, давайте тогда голосовать и пойдём по домам.

КУЗИНА. Голосовать? За что голосовать?

ГОЛУБИНСКИЙ. За исключение Денисова из школы, за что же ещё?

КУЗИНА *(вставая)*. За исключение! Голосовать! Не понимаю.

ГОЛУБИНСКИЙ. Чего вы не понимаете? Мы битый час об этом говорим.

КУЗИНА. А чего он сделал?

ГОЛУБИНСКИЙ. Выступал на манифестации он.

КУЗИНА. О, Господи! Это дитя, невинное дитя, которое оступилось. Видит Бог, я не понимаю, что он сделал, но только не голосовать! Ради Бога, только не голосовать!

ГОЛУБИНСКИЙ. Почему это – только не голосовать?

КУЗИНА. О-о-о, нет, наголосовалась я в своё время! Нет, бросим эти пережитки советского прошлого! Покойный Георгий Гвахариевич не зря носил сиреневый галстук. «Никакой бездушной казёнщины в этих стенах, никакой халтуры и пустого крючкотворства» – говорил он как-то, когда мы с ним на теплоходике...

ЛЯЛЬ. Дорогая Эльвира Анатольевна...

КУЗИНА. Нет, подождите. Я вижу, к чему это идёт. Исключение из комсомола – то же самое. А? Идеологически вредный элемент. Так вот именно и ломали молодые жизни. В них, может быть, только нарождается всё светлое и прогрессивное! Всё, что потом, может быть, прославит нашу школу. А вы – выгонять?

СЕРГЕЕВА. Я вас понимаю, Эльвира Анатольевна. Я тоже так думала. Но, видите ли, тут, как я понимаю теперь, голосование совсем другое, не такое как раньше было.

КУЗИНА. Да? А чего оно другое?

СЕРГЕЕВА. Ну, вот мы с вами разве в комсомоле состоим?

КУЗИНА. Нет.

СЕРГЕЕВА. И вообще мы нигде вместе не состоим, а значит ни как ячейка, ни как класс никого давить путём голосования не можем.

КУЗИНА. Вы считаете?

СЕРГЕЕВА. Да, я так считаю. Поэтому, если мы голосуем, то голосуем просто как разумные люди. Вот вспомните, и раньше, до Советского Союза, ведь жизнь была. И там голосовали. На вече, например.

КУЗИНА. Ага, было на вече.

СЕРГЕЕВА. Собирались большим сообществом и решали по-братски всё, в демократическую сторону.

КУЗИНА. Да, и у нас должна быть демократия!

СЕРГЕЕВА. Ну вот, а голосование – это ведь главный инструмент демократии. Вам любой демократ подтвердит. Потому что демократия – это не власть комсомола, а власть большинства!

КУЗИНА. То есть, народа!

СЕРГЕЕВА. Да, народа.

КУЗИНА. Ну хорошо... Ну и чего?.. Ну, а Денисов-то чего?

СЕРГЕЕВА. А Денисов выступает с манифестациями. Помните манифест 17 октября?

КУЗИНА. Конечно!

СЕРГЕЕВА. С него-то всё и началось, верно? Союзы, комсомолы... *(указывая на белую розу в шляпе у Кузиной)* никаких вам белых роз, сиреневых галстуков...

КУЗИНА. Да, и кровожадное смертоубийство великомученика Николая Второго.

СЕРГЕЕВА. И кровожадное смертоубийство Николая Второго и его бедных детей.

КУЗИНА. О Господи...

СЕРГЕЕВА. Ну так, если я правильно понимаю, то Денисов вот за такое и выступает, потому что на манифестациях.

КУЗИНА. Да неужели? Этот воспитанный юноша?

СЕРГЕЕВА. Ну, а как же. Манифестация – манифест. Дважды два четыре.

КУЗИНА. Действительно, получается так.

МАЛЫШЕВА. А то, что он воспитанный, так это ещё полбеды. Сегодня он вам: «Здравствуйте Эльвира Анатольевна», а завтра он вас, например, на кол.

КУЗИНА. Это такое может быть...

СЕРГЕЕВА. Да, и мы как демократическая общественность должны законом большинства в рамках нашего учреждения и данных нам законом процедур попытаться что-нибудь сделать. Так сказано в нашей Конституции.

КУЗИНА. Конечно... Но а как же христианское милосердие?

СЕРГЕЕВА. А разве не будет милосердным исключить Денисова из рядов наших, указать ему на путь к истине?

КУЗИНА. Не знаю... Не знаю...

СЕРГЕЕВА *(вставая, говорит монотонным голосом)*. Неверные, изыдите! Не так разве говорит закон милосердия? «Се, оставляется вам дом ваш пуст. Noli me tangere!» Вспомните, где мы находимся. Разве тело не нужно держать в чистоте? Разве дом этот, построенный усилиями либеральнейшего из людей, Георгия Гварахивича, не подобен такому телу, которое нужно держать в чистоте? Разве не надо и заслужить возмож-

ность учиться в этой школе? Выгоняя Денисова, мы оказываем ему услугу, мы говорим ему: «Да, грешен! Грешен! Но не всё потеряно... для грешника... и двери в школу... всегда... и для всех... приоткрыты». (Последние слова произносит задыхаясь, затем опускается на стул.)

Длится долгое всеобщее молчание.

КУЗИНА. Да, ты права, моя милая, теперь вижу, что права. Я просто за годы перестройки уже так привыкла вставать в позу, стоит только услышать слова: Сталин! Голосовать! Комсомол! То же и со словом Советы! Приключилась со мной по этому поводу даже забавная история. Сосед, Николай Степанович, говорит мне: «Эльвирочка, позволь мне дать тебе совет». А я как взбрыкнусь: «Пошёл к чёртовой матери, прихвостень социализма!»

ОПАРЫШЕВА. Это всё хорошо, но я, если угодно, против.

ЛЯЛЬ. Уверяю вас, Азалия Егоровна, что никому здесь это не угодно.

ОПАРЫШЕВА. А я в том смысле, что если выгонять Денисова значит голосовать против Советской власти, то я его выгонять не буду. Я в КПСС состою с восьмидесятого года.

ГОЛУБИНСКИЙ. Так, извините! Советская власть тут не при чём.

ОПАРЫШЕВА. Каким это образом не при чём, майор? Только о ней тут звону и было.

ГОЛУБИНСКИЙ. Да когда?

ОПАРЫШЕВА. Да вот сейчас!

КУЗИНА. И совершенно верно! О ней и было! О развратной Советской власти! И если не об ней, то я ничего не поняла и беру свои слова назад, и за исключение Денисова голосовать тоже не буду.

ГОЛУБИНСКИЙ *(в сторону)*. Ну вашу же мать!

ЛЯЛЬ. Друзья, уверяю вас, что тут произошло какое-то недоразумение.

ГРАНИН. Да уж не иначе! Денисов у вас получился сначала слишком молодой, чтоб о политике кумекать, а потом вдруг, на-те, и представляет за Советскую власть!

БОДКИН. Согласен. Он, может, и не знает, что такое КПСС!

Педагоги продолжают негромко спорить между собой.

ГОЛУБИНСКИЙ *(Ляль)*. Знаете что, если этот балаган не закончится, я всю вашу бестолковую шайку на пенсию спроважу, а школу вашу дорогую подожгу.

ЛЯЛЬ *(Голубинскому)*. Не кипятитесь, пожалуйста, всё исправим.

ГОЛУБИНСКИЙ *(Ляль)*. Имейте в виду. Я не железный.

ЛЯЛЬ. Господа, принципиально тут не за что выступает Денисов, а против чего. Я прошу вашего внимания.

Педагоги замолкают.

ЛЯЛЬ. Денисов своим антипатриотическим, антиобщественным жестом выступил, в первую очередь,

против главного блага, которое мы имеем сегодня и которое досталось нам такими усилиями, через такие перестроечные тернии. Я говорю о том, что Денисов, в первую очередь, выступает против стабильности.

Тишина.

ЛЯЛЬ. Где было видано раньше, чтобы мы, простые работники, педагоги, сидели и цивилизованно обсуждали вопросы общественного порядка, так сказать... (*кивнув в сторону Голубинского*) с представителем закона? Где, я спрашиваю, такое было видано? Это ли не прогресс? Это ли не стабильность?

Опарышева, Малышева, Бодкин, Кузина, Сергеева поддерживают Ляль словами: «Верно. Это верно. Да, это правда».

ЛЯЛЬ. Денисов сделал жест не только антипатриотический, но и типично детский. Он поступил как человек, не имеющий представления о понятии ответственности. Я говорю об ответственности за свои слова. Ещё не достигнув возраста, в котором он мог бы в полной мере ощутить на себе те свободы, о которых его деды и не мечтали – свободы учиться в любом из вузов, свободы ездить за границу, свободы завести собственный бизнес, – ещё не потрогав всего этого, он полагает, однако, себя вправе высказывать мнение об устройстве общества. Ещё не сделав и мизерного вклада во благо России, он уже пытается уничтожить те блага, которые были отвоёваны его родителями. Когда весь западный мир давился смехом, пророчествуя, что Россия потонет в омуте девяностых годов,

когда отец Денисова давился в автобусах, а мать – в километровых очередях в гастрономы, – где был Ваня Денисов? А нигде он не был. И вместо того, чтобы жить и радоваться, учиться, творить и делать какое-нибудь благое дело, он хочет снова стянуть нас в этот омут ложного либерализма, дутые ценности которого уже достаточно показали себя и всем нам давно известны. *(Пауза.)* Денисов подоспел на готовенькое. Не научившись ещё терпению, он захотел всего и сразу. Нужно понимать, что когда он говорит, что он восстаёт против коррупции, бюрократии, насилия и так далее, он восстаёт не против абстрактных этих пороков, которые, конечно, предосудительны, но против конкретной власти, на которой Россия, впервые за многие годы держится крепко на международной арене. Он восстал против нашего благополучия, против людей, которые десятилетиями своей жизни терпели и ждали этого благополучия. Как он может понять это? Десятилетие! Вся его полусознательная жизнь укладывается в одно десятилетие!

Преподаватели реагируют одобрительно.

Наивный поступок Денисова, конечно, революции не сделает. Но вам, как учителям, прекрасно известно, что форменный беспорядок начинается с мелкого безобразия. Позиция школы как учреждения, ответственного за обучение молодежи, которая через годы примет страну в своё распоряжение, – наша позиция, не может быть двусмысленной. Поэтому я вынуждена настаивать на необходимости исключения Денисова.

Тишина.

ЛЯЛЬ (*Кузиной*). Эльвира Анатольевна. Что, разве мы в Советском Союзе живём?

КУЗИНА. Нет, боже упаси.

ЛЯЛЬ. Ну вот и мне кажется, что нет. Кажется, и за границу ездим, и в театры ходим – хотя там такое дают теперь, что лучше бы не ходить – и колбасу кушаем, и галстуки сиреневые носим, и, вообще говоря, в наших свободах дошли до того, что у нас чуть не – простите меня – мужчины на улицах целуются. Не так разве?

КУЗИНА. Так.

ЛЯЛЬ. Ну а если так, то кто такой Денисов, если не враг демократических свобод?

КУЗИНА. Кажется, так получается.

ЛЯЛЬ. Ну а по-другому и не получится. (*Опарышевой.*) Азалия Егоровна, вы, конечно, состоите в КПСС, и слава Богу. Потому что у нас каждый может состоять там, где ему хочется. Так вот вы, Азалия Егоровна, состоите в КПСС, а всё-таки, наверное, колбасу тоже любите кушать.

ОПАРЫШЕВА. Нет, извините...

ЛЯЛЬ. Да ладно вам, это я так. Давайте серьёзно. Вот ответьте просто. Вы, конечно, не можете думать, что Денисов борется за то, чтобы коммунизм на всей земле победил?

Всеобщий смех. Опарышева краснеет и молчит.

ЛЯЛЬ. Ну вот, кажется, и решили...

КУЗИНА. Ну, хоть до этого не додумался...

ОПАРЫШЕВА. Что это вы там, Эльвира Анатольевна?

КУЗИНА. Говорю, хоть до коммунизма не додумался Денисов, и то спасибо.

ОПАРЫШЕВА. А чего ж вы на коммунизм-то ополчились? Вы, кажется, раньше в райкоме председательствовали?

КУЗИНА. Ну, здравствуйте приехали! Это когда было?! Это тогда было, когда вас, Азалия Егоровна, ещё не было.

ОПАРЫШЕВА. Да коммунизм-то зато был.

КУЗИНА. И коммунизма не было! Ничего не было!

ОПАРЫШЕВА. Ну и конечно. Ничего не было. Ни вас, ни райкомов, ни коммунизма.

КУЗИНА. Ошибаетесь. Я была.

ОПАРЫШЕВА. То-то и оно. Попредседательствовали за Советскую власть и надоело?

КУЗИНА. Я ничего за Советскую власть не председательствовала.

ОПАРЫШЕВА. Ну да, конечно. То-то вам голосования осточертели. Папа мой до сих пор вас вспоминает. Пол его двора до лагерей доголосовали!

КУЗИНА (*вставая и потрясая тростью*). Азалия Егоровна!

ГОЛУБИНСКИЙ. Так... тётки! То есть, дамы! Вопросы прошлого века оставьте для кружка дебатёров, пожалуйста. Перед нами сейчас конкретная задача настоящего, в которой вы – я говорю о вас всех, и о молчащих мужчинах тоже...

БОДКИН (*подскакивая*). А чего-та мне говорить, если не спрашивают! Я, если угодно, сейчас вам та-

кого наскажу, что вы потом три года пересказывать будете!

ГОЛУБИНСКИЙ. Садитесь-садитесь, друг мой, мы вас поняли...

Бодкин садится.

ОПАРЫШЕВА. Извините...

ГОЛУБИНСКИЙ. Что такое?

ОПАРЫШЕВА. А можно я пойду?

ГОЛУБИНСКИЙ. Как? Куда ещё?

ОПАРЫШЕВА. Домой...

ГОЛУБИНСКИЙ. Нельзя, конечно! Так мы сейчас все пойдем, я даже очень рад, только голосовать кто будет?

ОПАРЫШЕВА. Но мне надо...

ГОЛУБИНСКИЙ. Что у вас?

ОПАРЫШЕВА. Кота покормить.

ГОЛУБИНСКИЙ. Нельзя. Проголосуете, пойдёте кота кормить. *(Срывается.)* Как же вы меня достали все! *(Кузиной.)* Честное слово, тётя, вас вот послушать, так невольно захочешь и в Советский Союз, что ли! Всё было быстро, просто и не надо было вот эти сопли и кошачьи истории выслушивать ещё. Так и уважение к себе потеряешь, в конце концов! *(Пауза.)* Значит так. Вот листок бумаги – коллективный отчёт о совещании или как это там. *(Кладёт листок на учительский стол.)* Там ваши фамилии. Напротив фамилий будут стоять подписи. И чтобы единогласно, без всяких. Голосование будет открытым, чтобы мне потом не говорили: «А я не голосовал». Поднимете руки,

потом поставите подписи. Я поеду домой, вы поедете кормить котов. (*Глядя на дремлющего Крапивкина.*) Мне кажется, кто-то тут меня не слушает. (*Подходит к Крапивкину.*) Ало!

Крапивкин просыпается.

А, ну вот. Здравсьте.

КРАПИВКИН (*тихо*). Здравствуйте.

ГОЛУБИНСКИЙ. Как вы там у себя в классе говорите: «А ну-ка повтори, что я сказал?» Да? Была у меня одна училка, по обществоведению, вот она жужжала и жужжала: повтори да повтори. Говорите так ученикам или нет?

КРАПИВКИН. Не говорю.

ГОЛУБИНСКИЙ (*как ребёнку*). Ну так, а я говорю сейчас будем подписывать бумажки, ясно?

КРАПИВКИН. Ясно.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну, вот и слава Богу.

Крапивкин снова задремал. Голубинский возвращается на место. Звонит его телефон.

ГОЛУБИНСКИЙ. Да?.. Ага, щас. (*Отключает телефон.*) Сейчас вернусь. (*Выходит из класса.*)

Ляль садится за учительский стол, смотрит в окно.

ОПАРЫШЕВА (*подходит к столу, заглядывает в листок*). Действительно, наши фамилии...

Тишина.

ОПАРЫШЕВА (*Ляль*). Надо поставить подписи?

Ляль кивает.

ОПАРЫШЕВА (*поворачиваясь к остальным*).
А который час?

ГРАНИН. Девять тридцать.

Тишина. Опарышева медленно возвращается на своё место.

МАЛЫШЕВА (*поднимаясь со своего места*). Ну что же? Мы так и будем сидеть? Давайте решать.

Тишина.

МАЛЫШЕВА. Я предлагаю так, что каждый, кто имеет право голоса, (*Сергеевой*) то есть все, кроме вас, Марина Анатольевна, выйдет и публично выскажет своё мнение, а потом мы проголосуем. Так уж кажется демократичней некуда.

Тишина. К косяку двери класса прислоняется появившийся Голубинский. Он старается не привлекать внимания.

МАЛЫШЕВА (*смело идёт к столу*). Я, как классный руководитель Денисова, начну. То, чего мы тут наслушались, кажется, достаточно, чтобы сделать выбор. Я стою здесь не просто как классный руководитель Денисова, но как человек, вплотную наблюдавший его юношеское становление. Вывод мой такой, что кадры вроде Денисова нам в школе не нужны. Может быть, вы скажете, что я трясусь за своё место, что,

не дай Бог, узнают в районе, придут, будут спрашивать, что да как и как вы могли допустить? Что я скажу? Проглядела? Проворонила? Да уж нет, так уже не скажешь. Тут уже всё более чем налицо, что называется. Придётся отвечать. Но, повторяю, я за себя не боюсь! Моя совесть чиста! Я не боюсь выйти и прямо вам сказать о своём мнении, для протокола, так сказать. Боюсь я не за себя, а за школу. Сколько лет мы здесь с вами преподаем, как любим эти стены. И вот одним каким-то плакатиком, одной какой-то гадкой писулькой он хочет подорвать эталон образования для всего города. Чтобы ответственные родители говорили: «Ну, нетушки, я своего в вашу школу не отдам, я слышала у вас там чуть не террористов воспитывают». Сами знаете, слухи быстро разносятся. Он похулиганил, а на школе крест. На мне, на вас, на директоре. Эээ, нет! Не на того напал, клоп! (Пауза.) То, что он делает, называется про-па-ган-да. В школе пропаганда запрещена. Я, учитель, не пропагандирую, а преподаю химию. Ты, ученик, не пропагандируй, а учись. Участвуй себе в олимпиадах, заводи хорьков, ходи в экологические экспедиции вот, которые школа организует, танцуй себе на школьных дискотеках! Но не лезь ты в политику! А сколько я ему говорила и говорила, говорила и говорила... Ей богу, другая бы на моём месте плюнула бы уже сто раз и сказала бы – это не лечится. А я и так, и сяк, и уговорами, и замечаниями. Нет, он всё равно вылезет и что-нибудь такое сделает. Нет, вот хлебом не корми, только дай ему что-нибудь вот такое сделать. Вот все делают эдакое, а он будет делать такое! Вот все пятое говорят, а он десятое будет говорить! Ну так и учись тогда не в школе, а в заповеднике для

ненормальных! *(Переводит дыхание.)* Намучилась я с ним. А он же ещё и олимпиадник, ё-моё. Будут спрашивать: «У вас в классе экстремист, а вы его ещё и к олимпиадам допускаете». Ну, нормально, нет? То-то он себя самым умным считает. Конечно, если над ним все вокруг трясутся. И про Петра он знает, и вомбата одомашнивает, ёлки-палки! А почему, интересно, например, вомбата?! Ну почему, я спрашиваю, вомбата? *(Выходит из себя.)* Все нормальные дети кошек и собак хотят, а этот кадр обязательно динозавра или вомбата. Пётр Первый у него и не такой, и не сякой, а какой-то вот такой, как ни у кого! Ни прав, ни виноват, ни рыба, ни мясо, а чёрт знает что. А мы сидим с вами и восхищаемся – какой оригинал! А пословицу забыли? *(Поднимает палец.)* Оригиналами выложена дорога в Ад! Вот то-то и оно. Пусть заканчивает школу, поступает в цирк и там оригинальничает. *(Пауза.)* Что ещё сказать. Несколько слов о его пагубном влиянии в классе. Как уже было отмечено, всё время болтает. То есть, нужно полагать, ведёт агитационные беседы. Никакого уважения к учительскому авторитету. Строит из себя революционера. Учитель для него значит что-то вроде препятствия на пути установления всероссийской гармонии. Товарищей подзуживает тоже. Как назло, пользуется популярностью у девочек. *(Пауза.)* В общем, не мальчик, а картина Айвазовского. *(Пауза.)* А мы что? Сидим чего-то ещё тут препираемся. Изображаем какие-то потуги милосердия, когда речь тут не об этом. Стоит только благодарить майора, что он вовремя принял меры. А то мы бы так и разводили руками до конца света. Я всё сказала. *(Садится на место.)*

Некоторое время никто не выходит.

ОПАРЫШЕВА (*поднимается, неуклюже выходит*). Хотелось бы начать словами великого русского поэта Владимира Маяковского: «Печально я гляжу на наше поколение...» (*Пауза.*) То есть, я имею в виду на наше молодое поколение... (*Пауза.*) Вы знаете... я не могу не согласиться с Зорей Львовной, и даже до той степени, что не знаю, что сказать. (*Пауза.*) Пожалуй, Денисов, действительно, порядочный враг народа. А так посмотреть – вроде и ничего. (*Пауза.*) Читал вот доклад про Лермонтова. Доказывал, что Лермонтов уже в пятнадцать лет в стихотворении «Покаяние» жалел проституток и осуждал попов. Я сказала Денисову, что он ошибся. Он продолжал спорить. (*Пауза.*) А недавно по телевизору говорили, как провокаторы вовлекают молодежь, и я сейчас вот подумала про Денисова. Там говорили, что они специально выбирают детей из семей военных, где есть оружие дома. Так вот, этим детям кружат головы, чтоб потом они взяли дома пистолет и пришли в школу стрелять одноклассников. А у Денисова дедушка охотник. (*Пауза.*) Может быть, Денисов и не собирался стрелять, я этого не утверждаю. Но ребёнок проблемный, это невооруженным глазом видно. (*Пауза.*) Задавал мне провокационные вопросы. Спрашивал, Эрих Мария Ремарк – женщина или мужчина? (*Пауза.*) Что ещё... В сочинении на вопрос «Кому на Руси жить хорошо?» ответил «коррупционерам». (*Пауза.*) Вообще, мальчик начитан, но читает, главным образом, порнографию. То есть, импортную литературу так называемого поколения битников, а также российских извращенцев и алкоголиков, вроде Ерофеева и Сорокина. Беседовать я по

этому поводу с ним не пыталась. А чего мне пытаться. Я уроки веду, там и стараюсь, так сказать, воспитывать вкус. *(Пауза.)* Кстати говоря, сам немножко пописывает стихи. Ничего, даже несколько вдохновленные, что-то такое около Некрасова. Но талант, конечно, маловат. *(Пауза.)* Ну а в остальном, мне кажется, Зоря Львовна уже вполне охарактеризовала. То есть, в том смысле, что, конечно, терпение и толерантность надо иметь, но только до определенной степени. Я так думаю. *(Пауза.)* Или я не знаю, получается, что учителя ни за чем не нужны. Так что ли предлагается думать? *(Пауза.)* Так что, по-моему, получается, что делать нечего. Расстрелять его ещё нельзя – ему восемнадцать нет. Значит надо выгнать из школы. Моя позиция такая. *(Садится на место.)*

КУЗИНА *(тут же выходит)*. Я начну с того, что это, конечно, возмутительно. Расстрелять! Сразу видно, что человек, значит, застрял намертво в революции. Извините, Азалия Егоровна, но вы моё мнение на этот счёт знаете. Если уж, как Зоря Львовна заметила, мы не в демократическом обществе живём, то давайте хотя бы к тому стремиться. И если уж выгонять Денисова, то без перегибов, а спокойно посоветовавшись. *(Пауза.)* Конечно, что касается занятий, я всего этого не знаю. Я уже сказала, чертит он нормально, а разговоров там особенных не требуется. Чертит себе как все – не оппозиционно, не контрпозиционно. Чертит и всё. В этом смысле никаких претензий. *(Пауза.)* Я давеча сказала, что он добрый мальчик. Да. Не знаю, чего это я сказала и почему. Наверное, потому что он мне на той неделе стулья помог составить. Подлизывался, наверное. А впрочем, может, и действительно

добрый мальчик. Только это никакой роли не играет. Ленин тоже был добрый мальчик, Сталин вообще в духовной семинарии учился, в церковном хоре пел. *(В адрес Опарышевой.)* А по рукам-то им вовремя не надавали. М-да. Я для себя сегодня много нового узнала. Но век живись, век учись. И конечно, если ученик, да в двадцать первом веке, в цивилизованном, прогрессивном обществе, устраивает, значит, манифест 17 октября, то тут призадуматься. И вроде бы мальчик всем обеспечен, и крыша над головой, и школа – эталон, и еда на столе, а всё ведет себя, как извините, униженный и оскорблённый. Мы дерьмо ели при Советах – и ничего! А он, видите ли, не хочет. *(Пауза.)* Знала я это... всё эта... компьютеризация молодежи! *(Пауза.)* Да. Зажарили совершенно себе мѳзги, глаза краснющие, всё двоится. Затѳкали себе, значит, весь интеллект! Ни одного стихотворения наизусть не знают! Ах, не дожил Георгий Гварахивич, царство ему небесное, дай Бог здоровья... *(крестится)* не дожил. А и слава Богу, что не дожил. И мне на покой пора. Отжила я свой век, отстрадала. Всё было – и хорошее, и плохое. А плохого, пожалуй, больше. Мать моя, как умирала в Свердловске, говорила мне: «Эльвирочка, учи доброму, светлomu...» Бедная моя мамочка. А забор у нас в Свердловске был подѳрган на дрова, и за водой – на ледяную водокачку! А как-то жили. Как-то жили. Голодали, холодали, но не жаловались. А всё зачем? Чтобы сгинуть, наконец, в век просвещѳнного человечества, под напором этой варварской орды, этих новых гуннов, скифов, тираннозавров! Зачем всё это было, я спрашиваю? Разве зря мы мучились? Ну кто же знает. Нам, видно, уже не пожать посеянного. Но

неужели и наши потомки не возрадуются? Неужели все они – вот как Денисов? Мы умираем, а приходят они – умненькие, шустренькие, нагленькие, смышлённенькие. И разве поймёшь, что у них на уме? Раньше ведь как было, смотришь на человека и видно – рожа. Или наоборот видно – интеллигентная наружность. А теперь? А теперь что-то такое неопределенное. *(Пауза.)* Ну вот я, допустим, пыталась понять, какие у них там в классе... группировки что ли. Ничего не поняла. Вот мы выловили одного, а дальше? Разве поймёшь, не затаилось ли там полкласса таких как Денисов, руки тянут, стулья тебе составляют, улыбаются. «Здрасьте, Эльвира Анатольевна! До свидания, Эльвира Анатольевна!» А у самих кулачищи, небось, в карманах. *(Пауза.)* Вот так проснёшься однажды, а у руля твоего отечества такой вот умница. Встаёт и говорит: «Ну, граждане, спасибо, что меня выбрали! С сегодняшнего дня в силу снова вступает манифест 17 октября! Хлеб – по карточкам! И чтобы никаких сиреневых галстуков!» *(Пауза.)* И что тогда будешь делать? Зачем всё было? *(Пауза.)* Утешаю я себя тем, что ничего этого не будет, потому что таких провокаторов, как Денисов, мы поймаем со всей их двуличной подноготной. Пусть нам не увидать рая на земле! Ну что ж, дети наши увидят! А дети не увидят, так их дети увидят! А наше дело – упорно работать в направлении демократического человечества. А Денисова – выгнать к чёртовой матери. *(Уходит на своё место.)*

Снова заминка. Пауза.

ГРАНИН *(выходит)*. Я вообще выступать не люблю. Но не могу не последовать примеру коллег. Тем

более, что на этот счёт у меня есть несколько соображений. (Пауза.) Я, как вы знаете, был для Денисова, так сказать, конфидент. Признаю, признаю... но кто же стал бы слушать вот эту его болтовню? Это надо быть таким же розовощёким молокососом, как он! А мне чего слушать? Вы уж простите, но я такой чепухи за свою жизнь наслушался. Власть ворует, правительство народ не представляет, полиция закон не исполняет. Ну, и чего ж повторять это? И без повторения это всё есть. И не первый век уже. А как говорили великие: «Государство, в котором не воруют, это государство, которое никому не нужно!» И так далее. И тому подобное. Ты закон не нарушай – тебе и дел с полицией иметь не придётся. А не придётся иметь дел, так и не поймёшь, исполняет закон полиция или нет. Правильно ведь? Правильно. Воруют? Ну, а кто ворует – тот сам знает. Правильно? Правильно. Вот ещё говорил мне, что его интересы никому не интересны, все, видите ли, на себя одеяло тянут, а о справедливости не думают. Ну, тут и речи вести не о чем. Какие у него, Денисова, могут быть интересы? Учиться в школе? Получать пятерки? Кушать кашу? Гулять во дворе? Ну так и на здоровье. Интересы его не то, что выполняются, а даже прямо можно сказать, что выполняются. Детям сейчас такое позволено, что не всякий взрослый раньше мог. А ещё чего-то про интересы. (Пауза.) Я-то что думал. Ладно, пусть себе, думаю, дребедень всякую плетёт. Я не реагировал, а он, значит, затихал понемногу, ну и мы продолжали наши разговоры уже касаясь вомбатов и других всяких тем. Тут я, что называется, имел некий вес. Мог подсказать ему, а он слушал. Ну и слава богу! Откуда ж мне

было знать, что он чуть ли не фронду национального освобождения тут организовал под моим носом? (Пауза.) Но теперь я вижу, что у меня за фрукт под боком растёт. И собственно, как биолог могу вам сказать, что мы здесь наблюдаем. Мы наблюдаем типичный случай антиэволюционного либерало-фашизма! Видите ли, в чём вся соль истории, я вот вам сейчас объясню. (Пауза.) Вообще фашизм, он что такое – это национализм плюс расизм, да? Фашизм ограничивает возможности для развития человека как вида. А либерализм он поступает хитрее. Он признаёт, что все равны, да? Тем самым он что делает? Да то же самое! Ограничивает развитие человека как вида! Если дурак равен мудрецу, то зачем дураку стремиться стать мудрецом? Либерализм говорит: да ты и так хорош, друг! И все мы хороши, и всё у нас прекрасно! Расслабься! Поэтому мы и наблюдаем моральное разложение и попрание высоких идеалов в России. Человек больше не эволюционирует. Вот пока я с вами разговариваю, водоросли на дне океана эволюционируют, а человек больше в Европе не эволюционирует, потому что он решил, что ему и так прекрасно. Вы только подумайте! Развитие идёт по пути наименьшего сопротивления, то есть, по пути назад, поскольку нет больше ничего, что бы сдерживало животные побуждения человека. Человек становится зверем и проявляет животную жестокость. А либерализм его к этому толкает. Чем? Разлагающими передачами по телевизору, порнографической литературой, философией пораженчества, иронической, трусливой улыбкой постмодернизма, современным гедонизмом, страстью к обогащению! Всем тем, на что раньше было наложено табу. Но не сейчас! Зачем? Мы

же свободные люди, и нам всё можно! Так вот человек, созданный по Божьему подобию, отдаёт себя во власть нового англосаксонского Антихриста – либерализма! *(Пауза.)* И вот потом такие, как Денисов, начинают его защищать. Ну, что тут можно сказать? Народ, я так думаю, скажет своё веское слово. Не первый и не второй раз эти сосунки говорят о свободе, о светлом будущем. Все они сядут. Для всех найдётся место. А кто не сядет, тот ляжет. Вон этот, как его, Немцов кажется, тоже чего-то такое хотел? Лёг. Пусть лежит себе. А остальные пусть себе уезжают к англосаксам, варятся там в своих помоях, взрываются на площадях от избытка либеральности. Ничего, и они будут отвечать перед Господом, когда настанет время. А может быть, кто знает, будут отвечать ещё раньше, перед собственным своим народом, когда в новой войне старого мира с новым ринутся они на своих бывших соседей, друзей, на Родину, отказавшуюся сдать либералам. И когда их возьмут в плен, не будет им пощады. Вот тогда они, может, поймут, что наделали. Так вот. *(После паузы садится на место.)*

Долгое время царит молчание.

БОДКИН *(медленно выходит)*. Эх мы! *(С досадой.)* Такого парня упустили! Не уследили. *(Пауза.)* А какой потенциал! Если ещё пару вот таких выгнать, то кто ж останется! *(Оборачиваясь к Ляль.)* Вы меня извините, Лампада Ивановна, но я думаю, что виноваты всё-таки мы! И нам тоже за это надо что-нибудь сделать. Мы как... общественность... виноваты, что не проявили сознательность. Вот и Денисов стал, так сказать, несознательным. *(Долгая пауза.)* С глаз долой –

из сердца вон, так что ли получается? (Пауза.) Ну раз так, так что ж. Обидно! (Садится на место.)

Пауза.

ГОЛУБИНСКИЙ (*резко входя в класс*). Ну что ж. Наконец-то. Вот это я понимаю. И вопрос решили, и душу излили. Молодцы. Давайте голосовать. Для начала прошу поднять руки выступающих за исключение Вани Денисова.

Все преподаватели, кроме спящего Крапивкина, поднимают руки.

ЛЯЛЬ (*Сергеевой*). Марина Анатольевна, можете не поднимать. У вас пока голоса нет.

СЕРГЕЕВА (*медленно опуская руку*). Да, это я так...

ГОЛУБИНСКИЙ (*обращаясь к Крапивкину*). Эй там, на галёрке!

Крапивкин спит. Голубинский подходит к нему и пытается разбудить.

200

Алё!

КРАПИВКИН (*просыпаясь и неразборчиво бормоча*). Да эт значит... угу... ну и что-т... а... ну да... здравствуйте.

ГОЛУБИНСКИЙ. Голосуем вот за исключение. Видите, все руки подняли.

КРАПИВКИН. А-а, кого?

ГОЛУБИНСКИЙ. Денисова кого.

КРАПИВКИН. А-а, Денисова. А чего?

ГОЛУБИНСКИЙ. Ничего. Поднимайте руку, чтобы Лампада Ивановна могла зафиксировать единоголасие.

КРАПИВКИН. Чего?

ГОЛУБИНСКИЙ. Руку поднимайте.

КРАПИВКИН. Зачем?

ГОЛУБИНСКИЙ (*даёт Крапивкину подзатыльник*). Руку поднимай.

Крапивкин с удивлением поднимает глаза.

БОДКИН (*вскакивая с места*). Вы чего?!

ГОЛУБИНСКИЙ (*Бодкину*). Сел обратно.

БОДКИН. Чего вы...

ГОЛУБИНСКИЙ. Сел! Или я щас с тобой по-другому поговорю!

Бодкин садится.

(*Крапивкину.*) Руку поднимай.

КРАПИВКИН. Не буду.

ГОЛУБИНСКИЙ (*снова даёт подзатыльник*). Руку поднимай.

КРАПИВКИН. Не буду.

ГОЛУБИНСКИЙ. Давай сюда, сука.

Голубинский хватает Крапивкина за руку и тянет её вверх. Крапивкин сопротивляется, но силы не равны.

ГОЛУБИНСКИЙ (*Бодкину*). И ты давай! Чё опустил!

Рука Бодкина взлетает вверх.

(Ляль.) Записали? В результате единогласного решения и так далее...

Крапивкин начинает плакать.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну, ещё нюни распустил.

ЛЯЛЬ. Записала.

ГОЛУБИНСКИЙ. А теперь будем расписываться.

Голубинский отпускает руку Крапивкина, берёт его за шиворот и тащит по полу за собой. Усаживает его на стул, даёт в руки ручку и кладёт листок.

ГОЛУБИНСКИЙ. Давай, пиши!

Крапивкин сидит не двигаясь на стуле.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ладно. (Подходит близко к Ляль.) У вас там есть где-нибудь образец его подписи? В журнале там?

ЛЯЛЬ. Есть.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну и ладно. (Возвращается к Крапивкину.) Всё, домой пора.

Голубинский берёт Крапивкина и пытается вытолкнуть за дверь класса. На пороге они сталкиваются с мужчиной. Это Папа Денисова. Он подхватывает и поддерживает Крапивкина. Тот медленно возвращается на своё место.

ГОЛУБИНСКИЙ. Вы кто?

ПАПА ДЕНИСОВА. Я? Я папа Вовы Денисова.

ГОЛУБИНСКИЙ. Очень замечательно. Сын ваш больше здесь не учится.

ПАПА ДЕНИСОВА. Как не учится?

ГОЛУБИНСКИЙ. Педсовет только что проголосовал за исключение его из школы за пропаганду экстремизма среди несовершеннолетних. Ещё легко отделался.

ПАПА ДЕНИСОВА. Не понимаю? Вова? За пропаганду?

ГОЛУБИНСКИЙ. Да, да, ваш Вова, за пропаганду.

ПАПА ДЕНИСОВА. Он же очень миролюбивых взглядов, либерал...

ГРАНИН. Правильно! А либерализм это препятствие развитию человека как вида, препятствие эволюции...

ПАПА ДЕНИСОВА. Он у меня биологию хорошо знает. Он бы так не поступал, если бы это было против эволюции. *(После паузы.)* В конце концов, есть же всё-таки свобода слова, кажется?

ЛЯЛЬ. Пока он в школе, эта свобода слова прекращается.

ПАПА ДЕНИСОВА. Как?

ЛЯЛЬ. Слова бывают разные, и свобода тоже разная. Для школы ваша свобода слова слишком свободная. Так мы все тут будем чёрт знает что говорить.

ПАПА ДЕНИСОВА. Ну, послушайте! Что же он пропагандировал? Я этого ничего не знаю. Да и, в конце концов, при чём тут школа! Я... если надо, я штраф

заплачу! Поговорю с ним! Но как же так из школы? Законы же должны быть какие-то? Он и так уже настрадался.

ГОЛУБИНСКИЙ. В каком это смысле?

ПАПА ДЕНИСОВА. Я так понимаю, это потому что он с каким-то плакатом... В прошлую пятницу, да?

ГОЛУБИНСКИЙ. Да.

ПАПА ДЕНИСОВА. Он мне рассказал следующее. Говорит, что была манифестация каких-то экологов, и он знал, что будут снимать журналисты, поэтому втесался туда с плакатом. Перед второй сменой, то есть, значит, после своих уроков. Он сказал, что приехали полицейские и закинули его в машину. Привезли в участок, посадили в комнату три на три метра с тремя какими-то подростками и несколько часов ничего не говорили. Позвонить и в туалет сходить даже не давали. *(Пауза.)* Сказал, что потом его отвели в какую-то другую комнату, где стали допрашивать. Шлёпали его по очкам, толкали, давали пощёчины. *(Пауза.)* Говорит, угрожали повесить на него мелкие кражи, если не покажет на какого-то там местного активиста. Это он мне всё потом рассказал. Тем вечером, когда его выпустили, он мне ничего не сказал. Просто пошёл в комнату и лёг спать. Я утром пришёл его будить, а он лежал с открытыми глазами. Я ещё подумал – странно. Понимаете, мне всегда приходится его расталкивать утром, а тут он сам встал. Я спросил, что такое. Он сказал, что ничего. *(Пауза.)* Потом в школе его вызвали к директору. Сказал, что Лампада Ивановна там была. Сказал, что они все начали его гнобить, говорили, что он закрыл себе дорогу в будущее. Что он не

сможет получить образование, что он никому не будет нужен. Говорили, что он сядет в тюрьму, что позорит свой класс, родителей...

ЛЯЛЬ. Ну это всё, положим, монтаж.

ПАПА ДЕНИСОВА *(не понимая)*. Что монтаж?

ЛЯЛЬ. Ну, вот это всё смонтировали.

ПАПА ДЕНИСОВА. Да где смонтировали? Мне сын рассказал.

ЛЯЛЬ. Ну, вот он и смонтировал.

ПАПА ДЕНИСОВА. Ничего не понимаю. *(Ляль.)* Он мне сказал, что вот вы конкретно говорили ему, что у него нет мозгов, что ему надо руки поотрывать за то, что он такие плакаты носит.

ЛЯЛЬ. Разговор шёл в рамках тех нарушений, которые совершал данный ребёнок.

ПАПА ДЕНИСОВА. Что ещё за «данный ребёнок»?

ЛЯЛЬ. Вова Денисов.

ПАПА ДЕНИСОВА. Да, но что это значит? Я говорю, почему вы обвиняли моего ребёнка в связи с американской разведкой?

ЛЯЛЬ. Разговор шёл в рамках тех нарушений, которые совершал данный ребёнок.

ПАПА ДЕНИСОВ. Это понятно. Но что это значит, что это значит? Что это значит?!

ЛЯЛЬ. Вы что, не слышите? Я вам говорю, что разговор шёл в рамках...

ПАПА ДЕНИСОВА. Ладно, ладно, пусть в рамках. Но ему же пятнадцать лет, как же так можно с ним разговаривать?

ГОЛУБИНСКИЙ. А как же, гражданин? Привыкать-то надо. Вырастет, с ним вообще никто разговаривать не будет. Ни так, ни сяк.

ПАПА ДЕНИСОВА *(в растерянности)*. Я сяду?

ГОЛУБИНСКИЙ. Садитесь, конечно.

Папа Денисова садится.

ЛЯЛЬ. А мы вообще-то в суд можем подать... за моральный ущерб.

ПАПА ДЕНИСОВА. А где тут моральный ущерб?

ЛЯЛЬ. А то, что вы сына воспитывали не в ту сторону.

ПАПА ДЕНИСОВА. Кто кому моральный ущерб-то нанёс?

ЛЯЛЬ. Вы – школе. Через сына.

ПАПА ДЕНИСОВА. Понятно.

Долгая пауза.

ЛЯЛЬ. Евгений Владимирович, вместо того, чтобы на нас бросаться, вам надо бы понять, наконец, что в ваш дом пришла беда.

ПАПА ДЕНИСОВА. Какая беда? Это мой сын – беда?

ЛЯЛЬ. Не ваш сын, а его идеи. Он только пешка. А за ним придут те, кто принесёт насилие и в ваш дом, и в наш.

ПАПА ДЕНИСОВА. Зачем же?

ЛЯЛЬ. Ну, а как? Он протестует против всего уклада нашей жизни. Мы же сопротивляться будем. А как

вы думали? Его будут забирать в полицию, он будет звереть, кричать, что он свободная личность. Разозлится. Выйдет с арматурой.

ПАПА ДЕНИСОВА. Да, но вы этого не можете знать...

ЛЯЛЬ. Ну, а как же тут не знать! Когда ну совершенно всё с ног на голову перевернуто.

ПАПА ДЕНИСОВА. Да, но дайте же мне с ним поговорить, обсудить всё это...

ГОЛУБИНСКИЙ. Евгений... Владимирович, так, кажется?

ПАПА ДЕНИСОВА. Так.

ГОЛУБИНСКИЙ. Я вам вот что скажу. Сын ваш и вы своим упорством ставите под удар его одноклассников. Если дело дойдёт до судебного разбирательства, то это бросит тень на весь класс. Никто вам за это благодарен не будет, я вас уверяю. Также скажу вам следующее. Сыну вашему, если он останется тут, придётся нелегко. Я разговаривал с его одноклассниками, и никто его не поддерживает. Все говорят, что он поступил глупо.

ПАПА ДЕНИСОВА. Неужели?

ГОЛУБИНСКИЙ. Ужели. Поэтому я вам предлагаю самый простой и безболезненный шаг. Если мы сейчас его выгоним, за ним так и потянется этот шлейф, и ни в одну нормальную школу вы его не переведёте. Мне кажется, что ни вам, ни нам этого не надо. Давайте сделаем тихо и мирно. Вы напишете заявление, что хотите перевести его в школу, которая ближе к дому. Вы ведь не близко живёте? Ну вот. Это будет

самый благородный поступок с вашей стороны. (*Пауза.*) Я понимаю, что вам жалко сына, но это лучшее, что вы для него можете сделать. И его класс не подведёте, и сына спасёте от лишних проблем. Запишетесь в какую-нибудь простенькую школу. Ну вот вы, где живёте?

ПАПА ДЕНИСОВА. На Кропоткина.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну, вот. Есть там сто пятая школа, туда и переведётесь. Я вам даже помогу, позвоню туда и объясню ситуацию.

ПАПА ДЕНИСОВА. Хорошо.

ГОЛУБИНСКИЙ. Хорошо?

ПАПА ДЕНИСОВА. Да.

ГОЛУБИНСКИЙ. Ну и отлично. И поговорите с ним покрепче, чтобы он из головы эту чепуху выбросил. Насчёт заявления, это я думаю, вам Лампада Ивановна организует, так?

ЛЯЛЬ. Конечно.

ГОЛУБИНСКИЙ (*берёт листок со стола*). Ну вот, и голосовать не понадобилось. (*Опарышевой.*) Можете идти кормить своего кота. (*Собирает портфель.*) Ну я пошёл, всем хорошего здоровья. До свидания. (*Ляль.*) Копии документов мне пришлите.

ЛЯЛЬ. Конечно. До свидания.

Голубинский выходит. Все некоторое время молчат. Папа Денисова встаёт и медленно выходит из класса. Когда дверь за ним закрывается, все преподаватели начинают суетиться и собираться.

ЛЯЛЬ. Ну что ж, господа! Ну тем, значит, и лучше. И от нас, собственно, ничего и не потребовалось. Всем хорошей недели! И не забудьте сдать классные журналы завтра после первой смены!

Легкая общая болтовня на пути к выходу. Остаются только Сергеева и Крапивкин. Она долго смотрит перед собой. Затем медленно оборачивается. Крапивкин спит. Сергеева встает и на цыпочках выходит из класса. Крапивкин остаётся один.

КОНЕЦ

Мария Малухина
ЗАМЫКАНИЕ

Действующие лица:

ТЁМА – 13 лет.

МАМА Олеся.

ПАПА Володя.

БАБУШКА Лидия Ивановна.

СОБЕСЕДНИЦА 1 – Катя.

СОБЕСЕДНИЦА 2 – Юлия.

КОСТЯ КАРАСЁВ – сука, тварь и предатель.

Сцена первая

Кухня, ужин, вся семья в сборе. Мама и Папа сидят, уткнувшись в телефоны. Бабушка раскладывает еду по тарелкам.

ТЁМА. Совсем я перестал дома разговаривать со вчерашнего дня. Не то, чтобы это что-то изменило, но я хотя бы немного расслабился. Как говорит мама, стресс – прямой путь к морщинам. У мамы они только вокруг глаз, нигде больше нет, так что, думаю, уровень стресса в её жизни нормальный. Не слишком высокий и не слишком низкий. Нормальный. Я, вообще, люблю, когда всё нормально. Когда погоду там, в телефоне проверяю утром, и написано, что атмосферное давление 758 мм ртутного столба в таком тёмно-зеленом прямоугольничке – я, прям, чувствую, что хорошо всё, спокойно день начинается. А когда, например, 732 мм на красном таком фоне – сразу беспокойно как-то становится.

МАМА. Володь, подай соль.

ПАПА. На.

МАМА. Не эту, гималайскую розовую. На микро-волновке которая.

Папа нащупывает соль у себя за спиной и на ав-томате передаёт её маме.

БАБУШКА. Как насчёт «спасибо»? «Пожалуйста»? Леся? Володя? Культурка-то где? Где культурка? Вы какой пример Тёме подаёте?

МАМА. Спасибо.

ПАПА. Пожалста.

У Папы звонит телефон.

ПАПА (*смотрит на экран и сбрасывает звонок, продолжает есть*). По работе. Доем и перезвоню.

МАМА. Тём, как в школе?

Тёма молчит.

ПАПА. Нормально у него в школе, я дневник электронный посмотрел. По истории у него там пятерка за тест.

МАМА. Молодец.

ТЁМА. Вообще, я думаю, они пока не очень заметили, что я дома разговаривать перестал. Как говорил Конфуций: «Молчание – великий друг, который никогда не изменит». Короче Карасёв – не молчание. Вообще, я, конечно, никогда не думал, что мы поссоримся с Карасёвым. Если б я знал заранее, я бы с ним вообще дружить не начинал. С Карасёвым вообще очень сложно. У него имя трудное – Костя Карасёв. Но когда мы с ним дружили, там можно было вывернуться, если начать предложение – «Мой друг Костя Карасёв». С «мо» легко начинать, там дальше есть шанс, что вся фраза как по рельсам поедет. А после того, как он с Быстровым дружить начал и они придумали шутку про то, что я тормознудее Андроида Джинджербрэд, а потом ещё мой дневник в мужском туалете утопили... Вот после этого с «мо» там уже было не начать. Вообще, когда говоришь «Костя Карасёв – сука, тварь и предатель», – это самоубиться можно. (*Загибает пальцы, перечисляя.*) К, к, с, т, п... Да там одна «и» нормальная. Короче, пришёл я такой в класс с этим дневником мокрым, и говорю: «К...к...»

Становится понятно, что Тёма заикается. Он весь краснеет, пытается выговорить «Костя», но спазм сильнее него. Тёма пропускает «Костя Карасёв» и пытается продвинуться в предложении дальше.

ТЁМА. «С.....» (Поднимается с места, пытается всем телом из себя выдавить первую букву. Бьёт себя рукой по бедру, чтобы дать старт сложному слову.)

Проходят неловкие 20 секунд в абсолютной тишине, но кажется, что они длятся дольше.

(Выкрикивает.) «С...укатварьипредатель!» (Раскрасневшись, садится на место.) Ну чего, поржали все. Я тоже поржал со всеми. Как говорил Оскар Уайльд: «Хорошо, если дружба начинается смехом, и лучше всего, если она им же кончается».

ПАПА (поднимаясь из-за стола). Всем спасибо, очень вкусно. (Уходит с кухни.)

Мама на минуту отрывается от телефона, быстро споласкивает тарелки и складывает их в посудомоечную машину.

БАБУШКА. Домашний телефон никому не нужен?

МАМА. Ма, все давно с мобильниками. (Уходит с кухни.)

БАБУШКА (надевает очки, набирает телефонный номер). Елен Сергеевна, вы поели? А мы вот только закончили. Да ничего особенного, картошка с рыбой. Какой рыбой? Скумбрией. Нет, не хек. Да бог с вами,

какой хек, их на фермах выращивают и антибиотиками пичкают. Нет, нет, скумбрия в свободных водах плавает. Капризная рыба, представляете, мрёт в неволе. Да, я по телевизору репортаж видела с траулера...
(Уходит, разговаривая по телефону.)

Тёма остаётся один.

Сцена вторая

ТЁМА. Ну, и я устал чего-то потом. Пришёл домой, алгебру всю порешал, написал Карасёву Вконтакте, что он сука, тварь и предатель. А он в ответ написал, что каждый день мне теперь на переменах глаз на жопу натягивать будет. И я как-то подумал, что если у меня теперь Карасёв с глазом в школе каждый день, то дома, вообще, можно забить на это всё. Даже вообще не пытаться больше – они же всё равно за меня всё делают, предложения там заканчивают, если я на одном месте застаеваю. Не, ну я понимаю, невозможно же всё время ждать, пока я там рукой себе на ноге синяк набью. Рука помогает, кстати. Если сильно бьёшь, можно трудную букву проскочить. Вообще, я думаю, это я виноват, что они дома ни хрена между собой не разговаривают. Ну, привыкли как-то. Или меня не хотят лишний раз травмировать. Я вообще у них травмированный ребенок, им так психолог сказал, я под дверью подслушал. Но я немного подслушал – они стульями за дверью закорябали, я испугался, что меня спалят, и быстренько обратно в своё кресло залез. Ну, они заплатили ему три штуки за приём и не пошли к нему больше, а он, кстати, нормальный такой был. Мы с ним рисовали картинки разные типа, нарисуй

чудовище. И если там у него тело круглое, а голова квадратная – это одно что-то значит, а если наоборот – то другое, а если оно не в центре листа, а с краю – то это ты вообще debil, ну типа того, и упражнения ещё всякие делали. Я даже просил, чтобы ещё раз сводили, но им не понравилось. Я не знаю, чего им там в отдельной комнате наговорили, мне всё по фану было. А ещё мне после Карасёва этого очень хреново стало. Прямо совсем. Прямо хоть иди и говори с незнакомыми людьми на улице или в метро. Только это, конечно, не мой случай. Ну и я, в итоге, решил, что вообще наоборот всё сделаю, и вместо этого дома молчать буду. Чтобы сохранять энергию для Карасёва.

МАМА (*кричит из комнаты*). Тём, ты на завтра уроки сделал?

Тёма молчит.

ПАПА (*отвечает из другой комнаты*). Ничего он пока не сделал, я видел. Артём, садись давай, а то опять до двух ночи колупать будешь и утром не встанешь.

МАМА (*снова кричит*). Тёма, деньги на завтра на столе!

Тёма молча открывает крышку ноутбука и включает его.

Сцена третья

Мамин чат:

МАМА. Кать, слушай, я в итоге чё-та не знаю.

СОБЕСЕДНИЦА 1. В смысле?

МАМА. Ну, как-то оно...

СОБЕСЕДНИЦА 1. Что?

МАМА. Ну, не сходится. В смысле, смотри, вот я хочу собственный бизнес, да? Независимость хочу от мужа финансовую, чтобы мне каждым маникюром не пеняли, так? Но деньги-то всё равно из общего бюджета брать надо.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Так ты раз возьмёшь, потом с первой партии отобьёшь, вернёшь всё в бюджет, а то что сверху, себе оставишь.

МАМА. Ну, не знаю. Как-то это всё... В общем, очень на все эти орifleймы-эйвоны похоже.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Олесь, вот бесишь. Я же тебе объясняла уже, картинку рисовала, ну хочешь, ещё раз встретимся, кофе попьём, я тебе ещё порисую. Ну чтобы наглядно было.

МАМА. Да видела я картинки твои. Как там в КВНе было, не говорите мне цифры, я гуманитарий.

216

СОБЕСЕДНИЦА 1 (*шлёт ржущие смайлы*). Это же совсем другое. Никаких каталогов. Американская косметика. Продвижение в Инстаграме. Сама становишься бьюти блогером, понимаешь? Инфлюэнсером. Как амбассадор бренда. Потом ещё подписчиков наберёшь, рекламу станут предлагать. Знаешь, сколько Бузова на рекламе в Инсте рубит? Там двести пятьдесят штук за пост минимум.

МАМА. Так сколько в итоге надо-то?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Первая закупка – тридцать тысяч. Потом докупаешь по мере необходимости. Что

раскупают, то и докупаешь. Обычно помады хорошо идут. Velvet Underground сейчас самый крутой цвет. Вот, смотри, свотч на руке. *(Кидает картинку: толстая рука с неопрятным маникюром с фиолетовой помадой, размазанной по тыльной стороне ладони.)*

МАМА. Красивая. Сколько?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Семьсот. Ты когда большую закупку сделаешь, там их по пять штук идёт, себе одну оставишь. Всё равно тебе как закупщику скидка. 2% на шоколадной ступени, потом 5% на люксовой, потом, когда до бриллианта дорастёшь, там уже 10%, совсем другое дело.

МАМА. А ты кто?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Я – чистый «сапфир», у меня пятнадцать скидос, но так я и пашу как вол, каждый день по обзору заливаю.

МАМА. Ну, да.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Леся, я не пойму, чего ты как рыба мороженная? Ты не хочешь что ли собственный бизнес?

МАМА. Хочу. Но я много чего хочу. А тут тридцатку зараз. И видео обзоры делать. А у меня морщины.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Так ты мамский сегмент, тебе можно.

МАМА. Ну, не знаю.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Слушай, у меня реально времени нет. Каждая минута ценна, если точно знаешь свою цель. Ты либо решайся и начинай менять свою жизнь к лучшему, либо оставайся с теми, кто всю жизнь пашут на папу в офисе.

МАМА. Я не пашу. Я дома с ребёнком сижу.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Так тем более. У тебя ребёнку через пять лет в институт. Ладно. Надумаешь, короче, пиши. И запомни золотое правило бизнеса – с нулевыми вложениями получишь такой же результат.

Сцена четвертая

Папин чат:

ПАПА. Юля, ты дура?

СОБЕСЕДНИЦА 2. Ты офигел?

ПАПА. Если ты простых вещей, которые тебе сто раз сказаны, не понимаешь, то ты дура.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Чего ты заводишься, один раз всего позвонила.

ПАПА. А надо ни одного.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Ну масть, ну мне надо было.

ПАПА. Ты в чат не могла написать?

Собеседница 2 долго не отвечает.

ПАПА. Что случилось-то?

СОБЕСЕДНИЦА 2. Да не важно уже.

ПАПА. Юль... Ну, скажи.

СОБЕСЕДНИЦА 2. У подруги отменился уикенд в Красной поляне. У них резервация безотменная пропадает. Там прямо классно. Поехали?

ПАПА. Ну, ты же знаешь...

СОБЕСЕДНИЦА 2. Ну блин, ну как так-то? Почему во всех фильмах и книжках это работает, в анекдо-

тах тупых даже, типа муж уехал в командировку, а ты почему-то не можешь?

ПАПА. Я не езжу в командировки.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Ну, так выдумай и поедь!

ПАПА. «Поезжай».

СОБЕСЕДНИЦА 2. Да по херу. И тебе на меня вот так же по херу.

ПАПА. Маша, ты подумай сама! Головкой своей подумай! Я тебе квартиру снимаю. На треть моего бюджета. Я подработку взял, чтобы тебе эту долбанную квартиру снять. И не где-нибудь, а на Академической, потому что тебе райончик понравился. Ты совесть-то имей! По херу, ага.

Собеседница 2 молчит.

ПАПА. Эй. Тупсик. Извини. Правда. Давай вместо уикенда что-нибудь на неделе придумаем. В четверг я к тебе к семи заеду, а можно ещё в пятницу где-нибудь после шести. Я Тёмку на танцы закину и к тебе на часик. Ладно?

СОБЕСЕДНИЦА 2. Ок.

ПАПА. А где смайлик?

Собеседница 2 шлёт смайлик с поцелуем.

Сцена пятая

ТЁМА. Вообще, бабушка – это источник самых страшных вещей в моей жизни. Она не нарочно, просто так получается. Бабушке в голову приходят потрясающе плохие идеи. Ни маме, ни папе они почему-то

не приходят. Их всех мимо родителей магнитом тянет к бабушке. Не знаю, в чём дело, может это её «врожденная интеллигентность», – это она так сама про себя говорит. Я вот очень люблю читать по вечерам Википедию, но там ничего нет ни про врожденную интеллигентность, ни про её связь с плохими идеями, так что это моя неподтвержденная гипотеза. Так вот, в первых, бабушка считает, что когда я заикаюсь, – это вери секси. Она так и говорит: «вери секси». Наверное, чтобы быть ближе к моему поколению. Мое поколение так не говорит, но бабушку это мало волнует. В прошлом году она, например, скупила мне всю серию про Эраста Фандорина. Чтобы у меня был положительный пример. Потому что он тоже якобы заикается. Я прочитал про Эраста Фандорина, потом нашёл Бориса Акунина на Фейсбуке и почти написал ему хейтерский коммент. Потому что не фига это не заикание. *(Передразнивает Фандорина.)* До-достопочтенный господин... А вот ещё анекдоты эти все. Типа кто у вас в семье самый старший? Пра-пра-пра-пра-дедушка. Ну а там не это прапрапра, а просто прадедушка, а чувак этот, у которого спрашивали, – он заикается. Ну, вот я так не заикаюсь. Может кто-то, но не я. Я слоги не повторяю. Я зависаю на сложных буквах типа «п», «к», «с» – и всё. Могу так больше минуты воздух из себя выпускать по чуть-чуть. И ничего не происходит. Вообще никаких звуков дальше нет. Стоишь один как дебил, и краснеешь. Потому что все на тебя смотрят и ждут. Ждут и смотрят. Мне кажется, это не вери секси. Вот совсем. Но я в итоге не стал ничего Акунину писать. Как говорит папа, полные необоснованной ненависти комментарии пишет только быдло. У меня,

вроде, все обоснованно, но на всякий случай все равно не стал писать.

БАБУШКА (*входя с ноутбуком в руках*). Тёма, настроишь мне Ютуб?

Тёма молча берёт ноутбук, начинает в нёмковыряться.

Ты должен посмотреть эту запись Руди. Должен! О-бя-зан! Такой класс. Такое вдохновение. Вот чего вам, молодежи, не хватает – чистого вдохновения!

Тёма утвердительно угукает в ответ. Находит на Ютубе нужное видео и запускает его для бабушки. Видео с танцующим Нуревым. Бабушка устраивается поудобнее и с восторгом смотрит запись.

ТЁМА. В общем, одной из бабушкиных самых стрёмных идей было отдать меня месяц назад на танцы. Потому что раз я, как говорит бабушка, несколько стеснен в вербальных средствах выражения эмоций, я должен развивать невербальные. Она показала мне, значит, сначала этого Руди. Ну, я всё, конечно, понимаю, красиво танцует, но у него же письку всё время видно. Ну не письку, а общие очертания. Но я-то не хочу. Мне и так достаточно, что на меня каждая продавщица смотрит и смотрит, пока я там скажу, какую мне булочку в кофейне надо. Что мне с корицей надо. Я их больше всех люблю. Вот если бы я яблочный пирожок, например, любил, было бы легче. С «я» начинаешь, а там «блочный пирожок» сам получается. Булочка сама по себе ещё ничего, там второе «у» так нормально, главное, через «б» проскочить. А вот «с»

«корицей» – это всё. Это жопа. Подряд прям. Я там по пять минут стою, а сзади ещё очередь. А я ещё капучино люблю. *(Встаёт, изображает как делает заказ в кофейне.)* Кхххххх...Кххххххххх...кхххх... *(Бьёт себя рукой по ноге. Выкрикивает.)* «Капучино с корицей!» *(Садится обратно, раскрасневшийся и вспотевший.)* А тут, значит, Руди этот, который, оказывается, ещё и умер давно, в колготках стрёмных. Ну и я, в общем, сказал бабушке, что я невербальные средства развивать лучше не буду. Я когда очень злой у меня иногда вообще без запинок говорить получается. Ну, она тут же мне десять предложений в ответ. Я ей одно без запинки, а она мне десять, а я уже свою беззапинку израсходовал, ну и всё. Единственное удалось выбить не балет, а контемпорари джаз. Та же фигня, но хоть не в колготках. В общем, я туда очень секретно хожу раз в неделю по пятницам. Очень секретно потому, что там десять баб и я. Но бабушку это вообще не смущает.

Раздаётся телефонный звонок.

222

БАБУШКА. Оксаночка, привет! Привет! А я смотрю Нуреева. Да, «Озеро» с Фонтейн. Нет, не по телевизору, по Ютубу, мне Тёмочка настроил. Да. Да. Прекрасно. Успехи есть, конечно, куда же без успехов. Представляешь, он там один в цветнике. В цвет-ни-ке! Одни барышни вокруг. Представляешь, как повезло? А то. А то!

Сцена шестая

Мамин чат. Проигрывается ролик для Инстаграма. Плохого качества тёмное видео. Мама

*красит глаз чёрной подводкой, выходит криво.
Мама пытается сохранить лицо.*

МАМА. Ну как? Посмотрела?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Извини, только шас руки дошли. Секунду. О. Так. Ну... ну, вообще, нормально.

МАМА. Не хорошо?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Ну, немного не профессионально. Ты других бьюти блогеров смотрела? У них как-то профессиональнее.

МАМА. В смысле?

СОБЕСЕДНИЦА 1. В смысле, в смысле?

МАМА. Ну, я как непрофессионал не понимаю, в чём непрофессионализм. Объясни, плиз.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Ну, это сложно так объяснить.

МАМА. А ты попробуй. Вот у тебя обзоры профессиональные?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Да, конечно. Я ж «Сапфир».

МАМА. А в чём разница? Что у тебя есть, чего мне не хватает? Я правда понять пытаюсь.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Ну, так у меня ж оборудование.

МАМА. В смысле?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Ну, свет там. Стабилизатор. Лайтбокс для товаров.

МАМА. Какой еще лайтбокс?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Ну, чтобы они красивые, на белом фоне лежали. Хрень такая специальная, коробка.

МАМА. Ну и чего, без коробки никак что ли?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Почему никак. Можно как у тебя.

МАМА. Слушай, ну чего-то я совсем тогда не знаю, как это все делать. Свет вот этот. Какой свет, вообще, если у меня морщины.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Олеся, я не понимаю, откуда опять такой настрой? Где вообще твоя страсть к победе?

МАМА. Не знаю я. Нет у меня страсти.

СОБЕСЕДНИЦА 1. А с мужиком своим ты как трахаешься? Ну как рыба, действительно.

Мама шлёт Собеседнице один злобный смайлик.

СОБЕСЕДНИЦА 1. А почему вот ты, Леся, у меня не спрашиваешь, например, где я все эти приبلуды взяла? Человек, который вообще чего-то в этой жизни хочет, он как-то вертеться должен, быть энергичным, инициативу там проявлять. Где твоя мотивация, вообще?

224

МАМА. Да что ты пристала ко мне со своей мотивацией.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Чтобы родилась звезда, должна случиться одна вещь: газовое облако должно упасть. Так что падай. Разрушайся. Это не твоя гибель, солнце. Это твоё рождение...

МАМА. Какое облако???

СОБЕСЕДНИЦА 1. Газовое. Да не важно какое облако.

МАМА. А куда упасть? Как вообще облако упасть может?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Да что ты привязалась, ты вглубь смотри!

МАМА. Это откуда вообще?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Из паблика. Вконтакте. «Утренняя мотивация вместо кофе» называется.

МАМА. А-а. Ну, ок.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Всё, Лесь, нет больше времени, у меня встреча с «Изумрудом» через двадцать минут.

МАМА. Так где ты это всё берёшь-то? Лайтбокс там, освещение.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Глупые люди на алишке заказывают задорого. А умные, вроде меня, заказывают оптом напрямую.

МАМА. Откуда напрямую?

СОБЕСЕДНИЦА 1. С фабрики. Ты мне денежку на карту кинь, я из моих оптовых закупок поделюсь.

МАМА. Сколько стоит-то хоть?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Двадцать.

МАМА. Тысяч?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Нет, блин, рублей. Конечно, тысяч.

МАМА. Слушай, мне Володя не даст. Извини, не, я даже пытаться не буду.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Так у вас же бюджет общий.

МАМА. Так я уже из него на первую партию взяла. Сказала, что Тёмке на танцы типа абонемент на полгода.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Ну, как первую продашь через две недели, сразу с этих денег возьмёшь вторую, и

дальше вернёшь всё в бюджет, и за косметос и за оборудование в течение месяца. Твой даже не заметит.

МАМА. Ну, не знаю... Ладно, я подумаю, в общем.

СОБЕСЕДНИЦА 1. Вот подумай, подумай. «Где бы вы ни увидели успешный бизнес, знайте, кто-то принял смелое решение» – это Друкер, между прочим.

МАМА. Кто?

СОБЕСЕДНИЦА 1. Друкер, кто? Я тебе дам почитать. Давай, в общем! Мне уже «Изумруд» звонит, а я ещё из дома не вышла. Поки!

Сцена седьмая

ТЁМА. Сегодня не очень такой был день. Прямо с утра не зашло. Сначала, опять же, мне приложение «Погода» сказало, что давление 768 мм ртутного столба на тёмно-бордовом фоне. И сразу как-то стало понятно, что ничего хорошего ждать не стоит. Потом бабушка за завтраком жаловалась, что магнитные бури. Когда магнитные бури, она говорит, что «всё», а потом ложится на диван и пьёт чёрный чай с сахаром. Я ей даже немного завидую. Я вот очень хотел бы, чтобы я тоже «всё» и чай с сахаром пить вместо того, чтобы в школу идти. Я вчера даже попытался перед сном постоять пятнадцать минут под форточкой, но выдержал восемь с половиной и плюнул. Всё равно же закон подлости, и заболею я где-нибудь в июле в лагере, а не сейчас, когда прям надо. Я бабушке обычно сочувствую, но сегодня не посочувствовал, потому что я же дома больше не разговариваю, энергию для Карасёва

берегу. Но я ей сделал чай с двумя ложками и пошёл сам в школу. Я, вообще, изначально знал, что день не очень, потому что вторым уроком литература, а там «Silentium» – «Молчание», в смысле, Тютчева. Вообще, конечно, очень мне близкое произведение. Когда нам по нему дадут сочинение, я развернусь. Прямо от души всё напишу. Про «молчи, скрывайся и таи...» Как говорит папа, очень актуальная тема. Только сочинение на следующей неделе, а сегодня наизусть. А меня давно устно не спрашивали. Вообще, вот если надо что-то импровизированно устно ответить, когда думать времени нет, то я даже ничего. Бывает даже без запинок или там с одной-двумя и мелкими, через которые, когда рукой по ноге бьёшь, перескакнуть можно. А вот когда что-то заранее выучить надо, тут всё. Я поэтому все письменные хорошо писать стараюсь, чтобы поменьше вызывали. Но иногда всё равно вызывают. Вообще, есть неподтвержденная гипотеза, что это у меня, может быть страх сцены. Может страх сцены, а может просто заикание так работает. А проверить никак нельзя – мне для этого на сцену без заикания надо выйти. Но я люблю думать, что когда доклад или наизусть, у меня только страх сцены. В параллельном классе у Мельниковой так страх сцены – она тоже на докладах лагает. Очень жалко, что она не в моём классе, тогда бы хоть вместе лагали. Но это, наверное, закон распределения работает – чтобы в классе только по одному такому лагальщику было. Ну и вот, и меня вызвали, конечно. И я такой вышел к доске, а у меня там сердце колотит, прям в ушах гул стоит. И все замолчали, главное, и никто не бесится. Если бы бесились, как-то легче было бы. А тут все на

тебя смотрят. Ну, через Фёдориванычтютчев я прямо ракетой пролетел. Там была сложность на стыке, где Иваныч и Тютчев, «Ч» и «Т» прям плохо когда подряд, но я их проглотил и получилось «фёдориванычтютчев». Фёдор Иванычтютчев. Вот если б его так звали, ему бы еще в детстве какое-нибудь прозвище обидное придумали. Мне вот повезло, у меня фамилия простая самая, там не подкопаешься, ну а по заиканию дразнят по случаю, без прозвищ. Дальше, после Тютчева, название. «Силентиум». На латыни. «С» – это вообще попадалово. И не важно даже, что там дальше. «С» – это «хьюстон, у нас проблемы». С..... С..... *(Начинает легонько бить себя по ноге. Не помогает. Делает глубокий вдох. На выдохе.)* Ссссссссс.....

Застрял, в общем. Все смотрят, я застрял. Карасёв с третьей парты факи показывает. Это потому, что Быстров рядом сидит и Карасёв так типа крутой становится. Типа на уровне Быстрова. Когда мне факи показывает. Алла Евгеньевна в окно смотрит и не видит. Пока она смотрит, я вообще замолчал. И обратно фак Карасёву показал. Все заржали. Алла Евгеньевна, значит, ко мне повернулась и таким ласковым голосом, типа давай ещё раз попробуем. Сука. Вообще, не сука, конечно, она хорошая и преподаёт очень здорово, но вот в тот момент, сука. Потому что когда со мной ласковым голосом разговаривают, я вообще провалиться хочу. Прямо представляю, как линолеум под ногами трескается, там доски под ним всякие, трубы, наверное. И я вниз лечу. Через 303 кабинет, потом 203 кабинет, потом раздевалка. И там такой в хреновины эти железные, в раздевалке, вписываюсь. Ну, я пробую ещё раз вместо того, чтобы провалиться. Уже без

названия. *(Начинает первое четверостишие почти без запинки, тараторит его очень быстро, на одном дыхании.)* «Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои – пускай в душевной глубине встают и заходят оне безмолвно, как звезды в ночи, – любуйся ими – и молчи». *(Перед вторым четверостишием он делает глубокий вдох, и застрекает на «к».)* К.... к... кх.... *(Краснеет, напрягает всё тело, бьёт рукой по ноге, это превращается в какой-то неловкий конвульсивный танец. Наконец, прорывается через «К» и тараторит остаток стихотворения очень быстро на одном дыхании.)* «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь. Взрывая, возмутишь ключи, – питайся ими – и молчи. Лишь жить в себе самом умей – есть целый мир в душе твоей таинственно-волшебных дум; их оглушит наружный шум, дневные разгонят лучи, – внимай их пенью – и молчи!» *(Под конец выкрикивает «и молчи!» и в изнеможении валится на пол.)*

Сцена восьмая

229

Папин чат:

ПАПА. Юля, ау.

Молчание.

ПАПА. Тупсик, тебе курьер посылку на работу доставил?

СОБЕСЕДНИЦА 2. Ну, допустим.

ПАПА. Я чего-то не понял.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Ну, доставил.

ПАПА. И?

Собеседница 2 молчит.

ПАПА. Так, тебе вообще мою посылку доставили? Может, курьер перепутал чего. Там внутри же айфон.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Доставили мне всё.

ПАПА. Я тогда совсем не понял чё это за реакция.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Ну, а какой ты хочешь реакции?

ПАПА. Ну... буйной радости, например. Ты как-то не буйно радуешься.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Я вообще не радуюсь.

ПАПА. Юль? Ты же кредит хотела брать.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Хотела, да. На восемь плюс. А это эйешка сраная. *(Шлёт грустный смайлик.)*

ПАПА. Ты не охренела там, Юля? Тебе без кредита айфон подарили. Ты выражения-то выбирай.

СОБЕСЕДНИЦА 2. А то, что? Заберёшь обратно?

ПАПА. Ты вообще чего-то берегов не видишь.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Так ты позвони и покажи.

ПАПА. Блин, ну, камон! Это очень дешёвая манипуляция. И ты это знаешь. И я это знаю. Прямо стыдно должно быть.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Не стыдно. Звонка, я так понимаю, не стоит ждать?

ПАПА. Ну, масик, ну сто же раз. Я тебе утром из машины позвоню. Ну, не из дома. Одно правило. Неужели так сложно?

Собеседница 2 молчит.

ПАПА. Ну, не жопься. У тебя морщинки появляются, когда ты жопишься.

Собеседница 2 шлёт смайлик дьявола. Папа шлёт смайлик жопу.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Спасибо. *(Через паузу.)* За айфон. Не восьмерка, конечно, но всё равно классный. *(Шлёт смайлик поцелуй.)* Твоя, кстати, Инстаграм завела.

ПАПА. Да?

СОБЕСЕДНИЦА 2. Да. Стрёмный.

ПАПА. Я к тебе в субботу с ночёвкой.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Да? Прямо да-да?

ПАПА. Ага. У меня друг школьный в Москву из Ебурга приехал, будем бухать у Игоряныча.

СОБЕСЕДНИЦА 2. Чё за? Какой друг?

ПАПА. Красивый. Юля зовут. Я ж в командировки не езжу. А вот друзья старые в Мск приезжают иногда. *(Шлёт подмигивающий смайлик.)*

Собеседница 2 шлёт смайлик сердечко.

ПАПА. И я тебя.

Сцена девятая

Ужин. Вся семья за обеденным столом. Бабушка накладывает еду в тарелки.

БАБУШКА. Руки-то все помыли?

МАМА. Mam, ну, взрослые все люди. *(С улыбкой.)*
Кроме Тёмыча. Тём, ты руки помыл?

Тёма неразборчиво угукает в ответ.

БАБУШКА. Артём, где культура речи? Ты по-человечески ответить можешь?

ПАПА. Лидия Ивановна, отстаньте от него. Захочет, ответит.

БАБУШКА. А вот если бы ты, Володя, его стимулировал к разговорам, обсуждал бы с ним, например, искусство, литературу, глядишь, и были бы какие-то подвижки.

ПАПА. То есть, опять я виноват?

БАБУШКА. Ну, что ты, Володенька. Виновата тут только я. Как всегда и во всём.

МАМА. Ну, прекратите уже. Давайте о хорошем.

ПАПА *(обращаясь к Тёме)*. Мама вон у нас Инстаграм завела, видел?

232

Тёма мотает головой и делает вид, что очень занят содержимым тарелки.

МАМА *(немного нервно)*. Ты видел?

ПАПА. Не, меня же там нет. Но мой коллега видел. Сказал, что классный.

МАМА. Какой коллега?

ПАПА *(мгновенно)*. Семёнов. Который зам по логистике. Он вообще всё инстаграмит.

МАМА. Да? А он подписался? Мне подписчики нужны.

ПАПА. Я спрошу.

Все молча жуют.

ТЁМА. А я, вообще, решил, под то, что я дома не разговариваю, подвести логическую базу. Как говорил Джон Локк: «Логика есть анатомия мышления». С анатомией у меня как раз проблемы. Ну, то есть, я вот ненавижу тело. То есть, в целом не ненавижу, в целом я худой и симпатичный. Ну, если не считать прыщи, конечно. Вот, например, Бондаренко, он жирный и рыхлый. И белый совсем. Очень неприятный. Его в фильмах ужасов как мутанта из канализации снимать можно. Его ещё когда на физре за руку берёшь, когда в паре там делать упражнения надо, он холодный и потный всегда. И рука его выskalывает. А вам вместе бежать надо. Или прыгать. А он скользит и голимо получается каждый раз. Ну, вот я не такой. Я нормальный такой, не высокий, не низкий. Но частично я тело всё-таки ненавижу. Я когда был маленький, лежал на диване и смотрел на занавеску. С лебедями. И вот я смотрел и думал, как же так, что другие люди вообще говорят легко безо всяких усилий. То есть, им не надо каждый раз перед тем, как рот открыть, вот так вот напрягаться. Вообще. Очень несправедливо получается. И я лежал, смотрел на лебедей, а там ещё такая мельница ветряная была на занавесках, и думал, ну почему так. А ещё я когда думаю или когда про себя говорю, я же вообще шикарный. А как только надо вслух, то всё. То есть, если ненавидеть какую-то свою часть, то надо ненавидеть горло, в котором всё застрекает. Но это как-то глупо, потому что все же не из-за горла. А из-за мозга. Это там что-то недо-

рабатывает. А когда ненавидишь мозг, то получается, всего себя ненавидишь. Ты же это он и есть. Вообще, мы много чего от заикания пробовали. Ну, к логопеду меня водили, когда я маленький был, мы там слоги пели. *(Поёт нараспев.)* «Ба – бэ – би – бо – бу», «па – пэ – пи – по – пу», «са – сэ – си – со – су». Ну да, сосу. Смешно получается. Пели и пели, короче. Нормально пели. Но я же не буду в реальной жизни каждый раз петь. Хотя вроде бы есть придурки, которые реально поют. Не знаю. Ну, еще иглоукальвание было. Прикольно, конечно, когда у тебя иглы из руки торчат или из головы. Ты такой как чувак из ужастика. Вообще, в заикании главное – это расслабиться. То есть, все, кто не заикаются, считают, что ты расслабился и всё, всё у тебя нормально будет. Ну и иглоукальвание оно типа способствует. Но тоже не помогают эти иглы, прикольно просто, сидишь два часа, кончики иголок трогаешь. Они ещё качаются так, но не больно. Ну, а потом все плюнули. Только вот бабушка, значит, решила теперь мои невербальные коммуникации развивать. А я периодически гуглю, может что-то новенькое изобрели. Но ничего не изобрели, конечно. А после «Силентиума» мне Карасёв на перемене сказал, что я вообще обсос, раз даже стихотворение прочесть не могу, а потом пенал мой в окно выкинул. Вот я за это ненавижу частично тело, потому что если бы не оно, я бы Карасёву сказал бы, что он сам обсос. Что он сука, тварь и предатель. Что глаз на жопу он мне не натянет никогда. Потому что я сам ему натяну. Но я даже пытаться в этот раз не стал, даже с сохранённой дома энергией. Так меня этот «Силентиум» умотал. Я пошёл просто после уроков и нашёл свой пенал. Весь в каком-то говне.

Ужин закончен. Мама и Папа расходятся по комнатам, бабушка моет посуду.

Ну а ещё, чтобы подвести логическую базу, я стал гуглить, как люди молчат. Не только дома, конечно, в целом. Випассана там у йогов, например. Но мне йога не нравится. Я маме скачал с торрентов видеоуроки по йоге, она дома делала, ну очень скучно. Маме тоже стало скучно, и она потом бросила и пошла на танго. Но там ей скоро не хватило партнёра, а папа с ней на танго ходить отказался, ну и тоже, в общем, бросила. Ну, а еще вот есть обет молчания. Он у всех разный, но мы же типа христиане, хотя папа говорит, что агностики, но бабушка на него шикает и говорит, что всё-таки православные христиане. Вот и там, значит, старцы всякие на столпах стояли в пύстыни. И на форумах православных пишут, что если вот, например, жить в аскезе, то Бог даст. Я, вообще, скорее с папой, то есть агностик. Верю в то, что что-то там сверху есть, но не дядька бородатый на облаке, конечно, это вообще абсурд. Но что-то есть. Потому что если ничего нет, то как-то совсем паршиво. Так что, если мы понимаем под Богом вот это что-то, то было бы неплохо, если бы оно, действительно, давало. Я думаю, оно нечасто даёт, возможно что-то одно за всю жизнь. Но, конечно, я знаю, что бы я попросил, тут всё очевидно. Ну и я решил попробовать. Ну, то есть, папа вот рациональный человек, он бы сказал, что это всё чушь собачья. А мама нерациональный человек, она вот верит в энергию ци, например. То есть, мама бы скорее меня поддержала. А бабушка тут же потащила бы меня в церковь, так что бабушке об этом я точно никогда не сказал бы. Ну так вот. Как говорит Библия:

«Воздастся каждому за деяния его». То есть, надо как минимум что-то сделать. Стоять на столпах вообще не вариант. Я даже не знаю, где ближайший столп, мне кажется, столп должен быть гораздо больше и шире, чем столб. Электропередач, например. На него-то, в принципе, залезть можно, но не постоишь ведь. Короче, столпы отметаются. Пост тоже как-то не очень, потому что бабушка говорит, что я и так ничего не ем, а то, что мне, например, есть сейчас не хочется, вообще бабушку никак не интересует. Она все равно заставит. Пребывание в гробницах тоже не очень – кладбище ближайшее от нас далеко, с тремя пересадками ехать. Ещё есть умерщвление плоти, вот там я прямо покликал по ссылкам, и там некоторое ну очень противно, прямо фу, а в конце концов, я нагуглил власяницу. Которая колется и напоминает о терпении и смирении. *(Достаёт чрезвычайно уродливый и явно маловатый свитер с оленями. Надевает его на голое тело. Почёсывается.)* Бабушка мне его на Новый Год подарила, когда мне восемь лет было. А я от неё бионикла ждал, потому что она обещала. А она мне свитер этот, значит. Потому что он качественный и из натуральной шерсти. Ну я тогда час проревел, они мне потом бионикла всё равно купили, а бабушка обиделась очень. И пришлось извиняться, хотя она была права, потому что обещала. И свитер пришлось носить, чтобы её порадовать. *(Сильно чешется.)*

БАБУШКА *(громко)*. Чай будете?

МАМА *(из соседней комнаты)*. Попозже, спасибо!

ПАПА *(из другой комнаты)*. Попозже!

МАМА *(не выходя, громко)*. Тём, ты уроки сделал?

ПАПА (*так же громко*). Не сделал он ничего, он там шкафом в прихожей елозит. Тёмыч, садись давай, у вас в этом месяце по биологии тесты, биологичка на собрании говорила.

Тёма, почёсываясь, уходит.

Сцена десятая

Мама в окружении картонных коробок. Она распаковывает их. В одной коробке – косметика: помады, туши, румяна. В другой коробке – портативное освещение для съёмок, штативы. Мама пытается прикрутить телефон к штативу, получается с трудом. Кое-как она настраивает свет. Мама раскладывает рядом с собой косметику. Нажимает на кнопку записи, начинает краситься перед камерой. Стук в дверь.

БАБУШКА. Леся, можно?

МАМА (*с недокрашенным глазом*). Mam, потом.

БАБУШКА. Я войду?

МАМА. Нет! Я занята.

Бабушка пытается открыть дверь, но она закрыта. Мама ставит запись на паузу.

БАБУШКА. Да чем ты можешь быть занята?

МАМА. Ну дела у меня, мама. Личное пространство у меня тут. Потом поговорим.

БАБУШКА. Да что ты там делаешь?

Бабушка уходит. Мама делает преувеличенно бодрое лицо и снимает запись с паузы, продолжает краситься.

Сцена одиннадцатая

Кухня.

ТЁМА. В общем, я даже не знаю, но оно, вроде, работает. Тьфу-тьфу-тьфу. *(Стучит по ближайшей деревяшке, потом ещё три раза по лбу, потом ещё на всякий случай плюёт три раза через плечо.)* Свитер. Власяница который. Я его надеваю в школу под толстовку каждый день. И не снимаю до дома. Чудовищно жарко. И чешется всё. Но я не чешусь, потому что если чесаться, так ещё и ржать начнут, что я типа бомж и душ не принимаю. И я такой как буддийский монах. В полном дзене. Потому что чешется так, что хочется всё с себя скинуть и голым по проходу между партами валяться и спину чесать как собаки. Я, вообще, очень хотел всегда собаку. Ну или кота. Но у бабушки аллергия, поэтому приходится ждать. Не, не в смысле ждать, когда бабушка того... А ждать, когда я от них съеду, когда в институт поступлю. И тогда уже сразу собаку. Ну или кота. Вообще, вот у меня собаки нет, но меня всё детство про собак спрашивали. Почему-то все думают, что если ты заикаешься, то тебя собака в детстве покусала. Ну или напугала просто. И ты так испугался, что всё. То есть, например, никто не спрашивает, не переехал ли меня в детстве троллейбус. Или, там, бетономешалка. Не встретился ли я в детстве с маньяком. Нет, только собака. Почему-

то у людей воображение, когда о заикании речь, вообще выключается. И я всё детство всем объяснял, что нет, меня не кусала собака. А потом все спрашивают, ну, а как же ты тогда начал заикаться? А я всегда отвечал, что просто так. Потому что я, правда, не помню. Вроде бы вот жил-жил, не заикался. А потом где-то в четыре года как-то вот раз, и стал. Не знаю. Я даже у родителей на всякий случай спросил, не кусала ли меня собака. Ну а вдруг, действительно, я такой один на миллион реально покусанный. Но они тоже говорят, что никто меня не кусал, а я как-то сам начал. По никому не известным причинам. Вообще, вот вопросы эти, про собаку, ну и ещё вот этот – коронный, который. Когда человек видит, что ты заикаешься, и такой спрашивает: «А ты заикаешься?» Нет, блин, я по приколу так разговариваю. Ну серьезно, дебилнейший вопрос. Только ещё есть такой тип людей, которые даже это не спрашивают, а послушают, как ты заикаешься, и такие: «А можно тебе вопрос задать?». И я раньше там думал, может реально какой-то вопрос у них интересный. А нет никогда интересных вопросов. Все то же: «А ты заикаешься?» И вот хочется им как-то так неприятно ответить, но я почему-то просто всегда говорю, что да, заикаюсь. А дальше все опять про собаку спрашивают. Ну не важно, короче. Важно, что я так много думаю о том, как бы не чесаться, когда всё чешется, что у меня мозг этим загружен постоянно. Я вчера доклад по истории почти без запинок рассказал. Ну то есть, там были по мелочи, но даже не пришлось рукой себя по ноге бить, так, пальцем указательным постучал легонько, и тут же проскочил. Вообще, я даже сам себе не поверил. А потом по-

сле уроков, когда Карасёв опять доебался, что я типа чмошник, я ему сказал, что он сам чмошник. И даже «чмошник» вообще без запинок выдал. Ну он мне фак показал, и я ему фак показал. И разошлись на этом. Но его прямо бомбило немножко, что я ему так легко ответил, прямо видно было. Они с Быстровым куда-то на бокс пошли и орали, что они теперь на бокс ходят и типа крутые. А я домой пришел. *(Снимает толстовку, снимает под ней свитер, с облегчением чешется.)* Я его уже постирать хочу, но надо как-то сделать, чтобы отдельно его постирать от остальных вещей. А то бабушка зальёт его кондиционером для белья, чтобы он мягкий был, и всё. Или вообще в шампуне руками постирает.

Тёма закидывает свитер в стиралку, запускает программу. Садится на пол и медитативно зависает перед крутящимся барабаном.

Сцена двенадцатая

Мамин чат:

МАМА. Кать, ты трубку не берёшь, а я тебе всё утро звоню, поэтому я тут тебе напишу. Слушай, а вообще есть опция это всё обратно тебе продать? Ну, там косметос и оборудование. Даже за меньшую цену, чем я покупала. Ну, в общем, там всё не за пятьдесят, а за сорок пять, например. Или за сорок две. А то знаешь, как-то не зашло у меня. Какая-то лажа получается. И подписчиков двадцать всего. Причём из них восемь какие-то магазины, которые сами у меня точ-

но ничего покупать не будут. Наоборот, что-то мне в личку шлют всё время про скидки на бельё для кормящих. А я же даже не кормящая давно. Или так плохо выгляжу? Это потому, что из-за освещения морщины виднее. Ну не важно, в общем. Я вот поняла, что я вообще не продавец. И Друкера я твоего почитала, но не моё, понимаешь? Я вообще поняла, что бизнес этот весь, танцы там, йога – это всё одно и то же. Это всё, чтобы себя вообще не слышать. Потому что когда ты перестаёшь этой херней заниматься, сразу внутренний голос слышно становится, а там, ну в общем, лучше его вообще не слышать. Но, с другой стороны, я на заглушку своего внутреннего голоса не могу общий бюджет тратить. Потому что я, конечно, херовая жена, но не до такой же степени. И это... я не рыба мороженная. Правда. Я совсем не рыба. Просто вот так вот как-то всё складывается в последнее время. Ну, не важно, в общем. Перезвони мне, плиз, я правда хочу все эти коробки тебе обратно продать. Желательно до конца недели, если получится. *(Шлёт смайлик с дебильной улыбкой.)*

242

Пауза.

(Нервно ходит по комнате.) Блин, я же вижу, что ты мои сообщения прочла. И пять минут назад онлайн была. Кать, серьёзно! Наконец-то! *(Читает.)* «Пятница, семь часов, "Шоколадница" на Универе». *(Пишет.)* Супер! Коробки брать? *(Снова читает.)* «Не, давай сначала просто кофе попьём. Коробки потом». Ок, до встречи!

Папин чат:

ПАПА. Тупсик, в пятницу я как обычно к тебе на часик, но попозже буду. У Тёмыча там отчётное выступление на танцах, Леся не может пойти, у неё какая-то встреча важная с подругой. А у бабушки нашей гастроли Мариинки неотменяемые. В общем, я буду, но позже. И клубники свежей притараню. *(Шлёт смайлик поцелуй.)*

Сцена тринадцатая

Отчётное выступление Тёмы. Он в черной обтягивающей футболке без рукавов и черных широких штанах. Вместе с партнёрами танцует контемпорари. Папа наблюдает за выступлением. В другом конце зала за выступлением также наблюдает девушка с розовыми волосами. Папа замечает девушку и начинает нервничать. Выступление заканчивается. Девушка быстро уходит. Появляется Тёма.

ПАПА. Тёмыч, круто! Прямо здорово. Молодец! Бабушка вообще бы с ума сошла от восторга. Слушай, ты иди переодевайся пока, а я тут отойду на пять минут буквально. Звонок надо сделать по работе срочный.

Тёма идёт в раздевалку. Папа убегает вслед за девушкой.

ПАПА. Юля! Юль!

Папа возвращается.

Папин чат:

ПАПА. Юль, ты куда убежала? *(Пауза.)* Юля? Какого хрена? *(Пауза. Набирает номер.)* Алло? Ну спасибо, что хоть трубку взяла. Ты чего вообще тут делаешь? В смысле, посмотреть пришла? Не, ну окей, можешь, твоё право. Но что, если бы я всей семьей тут был? Да, не был, но что если. Что если бы Тёмыч тебя увидел? Ты вообще о ком-нибудь, кроме себя, думаешь? Да? И о ком же? Ах, обо мне! Ну спасибо, блин, тебе большое, Юля. Что обо мне думаешь. Как заботливо! Я не ёрничаю... Нет, я не ёрничаю, я охреневаю. Ты мне можешь объяснить, зачем ты вообще пришла? Что ты пытаешься понять? *(Тяжело вздыхает.)* Юля, в тысячный раз. У нас был этот разговор, я могу его повторить. Я не могу оставить семью. Просто нет такой опции. Нет такого варианта развития событий. Точка. И ты об этом знала с самого начала... Ну я рад, что у других есть. А у меня нет... Потому что, Юля! Потому что!.. Что ты орё... Что ты орёшь на меня? Юля... Юль... Окей... Слушай, это не телефонный разговор. Давай я к тебе завтра приеду и поговорим. Нет, не телефонный! Юля... *(Повышает голос.)* Юля! Ладно, хорошо... Окей. Подожди... *(Достаёт сигарету, закуривает.)* Да, курю. Да, бросил. Блин, ты от меня ответа какого-то хочешь или нотации мне читать? Короче, я не могу их оставить. И никогда не оставлю. Потому что один раз я уже попробовал. Когда Тёмычу четыре было. Я почти ушёл. У меня девушка появилась. Потому что весь этот студенческий брак в двадцать лет вообще не работает. Я Олесе врал всё время, а она как вписалась в послеродовую, так из неё и не вылезла до сих пор. А я уже не мог так дальше. А Леся вообще, скорее всего, знала, может, на чисто интуитивном уровне, что у меня кто-то ещё, я даже особо

не палился. Но ей, мне кажется, вообще пофигу было, лишь бы её в покое оставили. Ну и мне нормально было. Типа не говорим об этом, и этого всего как бы и нет. А потом мама её узнала. И, так сказать, официально об этом заявила. С большим скандалом. Мы как раз разменяли квартиры и съехались с ней, чтобы она Олесе, наконец, с ребёнком начала помогать, а Леська бы на работу вышла. Только из этого тоже ничего не вышло, но я тебе рассказывал уже. Ну и вот... Скандал этот длился недели три примерно. Тупо каждый день. С ором. Там все орала прямо как резаные с утра и до вечера и дверями хлопала. Я в итоге не ушёл никуда, а Тёмыч заикаться начал. Я тебе не говорил, а он заика, прям по-серьёзному. Мы его лечить пытались, но ни хрена это всё не работает. Врачи говорят, что может оно само в подростковом выправится, а может и нет. Ему тринадцать, ты понимаешь? У него этого подросткового ещё лет на пять, а потом всё. И как он жить потом будет? Как вообще? И вот каждый день, каждый долбаный день я надеюсь, что оно само выправится, и он откроет рот и заговорит нормально. Я вообще до него не докапываюсь, ничего делать не составляю, и так его бабушка достаёт. Я просто молча жду и надеюсь. Надеюсь и жду. Каждый, Юля, божий день. Ты понимаешь? Ты не понимаешь, потому что у тебя своих пока нет. А когда будут, поймёшь. Поэтому я с ним такого второй раз никогда не сделаю. Потому что мы все в этом виноваты, но я больше всех. Мы разговор этот с тобой закончим и навсегда. Я тебе никогда мозги не пудрил, и всегда честно всё говорил. Дальше твоё решение. Да? *(Улыбается.)* Да. Давай лучше завтра. Я сейчас с Тёмычем домой поеду... Да? Уже? А какое число сегодня? А я думал, что шестнад-

цатое. Два дня вообще как в трубу. Ладно, я завтра захвачу наличку и приеду к двенадцати, чтобы хозяина застать. Ну, конечно... Что я моего тупсика оставляю одного со злобным хозяином квартиры? Да ни за что. Да не волнуйся, не просплю.

Тёма торопливо и как-то нервно проходит мимо отца.

ПАПА (*шёпотом*). Всё, у меня Тёмка вышел, я поехал. Давай!

Отключает телефон. Спешит за Тёмой.

Сцена четырнадцатая

Дома. Ужин. Вся семья за столом. Никто не смотрит в телефон. Тёма не поднимает головы от тарелки. Мама ёрзает на стуле. Папа раздражен. Одна Бабушка ведёт себя как обычно.

246

БАБУШКА. Мариинка – это, конечно, просто фантастический восторг. Фан-та-сти-чес-кий. Надо обязательно в следующий раз Тёму с собой взять. Чтобы вдохновлялся.

ПАПА. Вы бы, Лидия Ивановна, лучше в следующий раз к нему на выступление сходили. Там тоже восторг.

МАМА (*оживлённо*). Да?

ПАПА. Да. Я вот не ожидал, а мне очень понравилось. Прямо круто. Да, Тёмыч?

Тёма не реагирует.

БАБУШКА. Ну так это же прекрасно. А чья идея была? А? А! Вот то-то. А как кочевряжился-то сначала, Тёма, а? А теперь, небось, благодарен бабушке, что на танцы тебя затащила?

Тёма вскакивает и убегает с кухни.

Опять я что-то не то сказала?

ПАПА (*пожимая плечами*). Да он в машине всю дорогу молчал. Он вообще как-то много молчит в последнее время.

БАБУШКА. Ничего не понимаю.

МАМА. Mam, ну не переживай. У него подростковое.

БАБУШКА. Ну не знаю. У всех подростки как подростки, у нас истерик какой-то.

Папа, Мама и Бабушка молча едят. Папа поглядывает на маму, но так и не решается что-то спросить.

Сцена пятнадцатая

Тёма в своей комнате. Падаёт на диван, мычит в подушку. Подушка заглушает звук.

ТЁМА (*поднимаясь*). Всё, короче. Совсем всё. Сегодня был самый-пресамый хреновый день, какой вообще только может быть. Хуже, чем когда дедушка умер. Хуже, чем когда я три итоговых по математике завалил и меня к завучу вызвали. Если бы я знал. Если бы я знал, я тогда бабушке на ее десять предложений

заорал бы: «Иди на хуй, бабушка!», и у неё, наверное, был бы инфаркт, но зато у меня бы ничего вот этого не было. *(Бьёт со всей силы подушку кулаком.)* Карасёв, потому что! И Быстров! С их долбанным сраным боксом! Кто бы знал, что они на этот бокс ходят туда же, куда я на танцы? Как это вообще возможно? Это же не в нашем районе даже! Ну и вот... Оттанцевали мы, и типа все хлопают, всем понравилось, даже папе понравилось, а он вообще не по танцам ни разу. И бабы, значит, тоже радуются, все меня хвалят, что типа Тёма-молодец, весь танец на себе вытянул, и я счастливый такой, как дебил, киваю всем. И вот когда папа позвонить отошёл, а я с бабами у раздевалок типа завис немного, тут Карасёв с Быстровым такие мимо идут. И я их увидел краем глаза, и у меня сердце просто упало куда-то типа когда в аквапарке с высокой горки с обрывом вниз летишь. И я ещё подумал: «Господи, Господи, если ты есть... Пожалуйста, Господи. Я же ношу свитер, который как власяница чешется всё время, я же каждый день его ношу, тренируя терпение и смирение. Господи, я же столько уже сделал. И иглоукальвание, и логопед, и психолог, Господи. Пожалуйста, пожалуйста, сделай так, чтобы они просто прошли мимо...» А нету тебя, Господи! Ни хрена нету! Потому что они не только заметили, они подошли, подошли и стали ржать и на телефон меня снимать, даже бабы стали заступаться. И я хотел сказать: «Пожалуйста, идите в свою раздевалку, я сам». Но на букве «П» застрял. А Карасёв мне: «П-пп-ппидор! Потому что только пидоры на балет ходят!» А я ему: «Это не б...б....б... *(Начинает бить себя рукой по ноге, весь дёргается и скручивается в конвульсивных движениях. Выпаливает.)* Не балет!» А он, сука,

снова: «Это б-б-блядь, полный балет! Ты на себя посмотри, обсос! Всё, это видео прямо в классный чатик идёт, скажи п-п-п-привет!» Я кинулся на Карасёва, но Карасёв же на свой сраный бокс ходит. Ну, я и засветился на полу. (Пауза.) Как говорил Букер Вашингтон Т.: «Нельзя унижать человека, не унижаясь вместе с ним». Как говорила Анна Ахматова: «Можно забыть предательство, но обиду – никогда». Как говорил Бернард Шоу: «Ненависть – месть труса за испытанный им страх». Как говорил... Как говорил... Говорил! Говорил! Говори-и-и-и-л!!!

С каждым яростным «говорил», Тёма пинает или швыряет что-то на пол, в какой-то момент он пинком случайно сдвигает свою кровать, под ней обнаруживаются картонные коробки. Ещё одним пинком он опрокидывает одну из них на бок, оттуда вываливаются помады и туши. Тёма пинками раскурочивает остальные коробки, всё мамино косметическое барахло вываливается на пол. Пройдя пик своей ярости, Тёма осматривает побоище. Тяжело дышит. Потом, немного помедлив, залезает в одну из коробок и сворачивается в ней калачиком.

ТЁМА (шёпотом). Говорил. Говорил. Говорил. Говорил. (Закрывает над собой створки коробки и замолкает.)

Сцена шестнадцатая

Кухня. Мама и Папа молча сидят за столом. Бабушка домывает посуду, выключает воду.

БАБУШКА. Слушайте, я схожу всё-таки проверю, как там Тёмочка.

МАМА. Ма, оставь ты его в покое. Ты меня в его возрасте помнишь?

ПАПА. А сходите, Лидия Ивановна, сходите.

МАМА. Да?

ПАПА. Да. *(Бабушке.)* Может, он с вами поговорит.

Бабушка уходит. Мама тоже поднимается с места, но Папа жестом её останавливает.

ПАПА. Лесь?

Мама молчит.

ПАПА. Лесь, ты мне ничего сказать не хочешь?

Мама молчит.

ПАПА. Лесь, ну вообще, придётся что-то сказать-то. Я вот в наш ящик залез. Где деньги лежат. А они не лежат. В смысле, лежат, но как-то в меньшем количестве. Нехило так.

МАМА. Володь... ну ты понимаешь... *(Замолкает.)*

ПАПА. Не, я не очень понимаю. Но хочу понять. Прямо-таки стремлюсь.

МАМА. Ну, короче, я начала бизнес и у меня не получилось. Но я всё верну.

ПАПА. В смысле, начала бизнес?

МАМА. Ну я хотела сама денег заработать, чтобы всё время у тебя не клянчить.

ПАПА. Та-ак?

МАМА. Ну и начала бизнес. Мне Катя подсказала.

ПАПА. Погоди-погоди. Какая Катя? Которая эмэмэмщица долбанутая?

МАМА. Она не эмэмэмщица.

ПАПА. Леся, она десять лет тебе амвей свой пихала. Только не говори мне, что ты в амвей записалась.

МАМА. Не записалась я никуда. Она давно в амвее не работает. Она косметику американскую через Инстаграм продаёт.

ПАПА. Ох ё... Ты поэтому что ли Инстаграм завела?

МАМА. Ну да. Хотела бьюти блогером попробовать, ну и косметику продавать заодно.

ПАПА. Леся, каким на хер бьюти блогером? У тебя же руки кривые! Ты же не красишься почти, потому что у тебя криво всё время получается! Стрелки вот эти на глазу по часу перерисовываешь. Мозг мне каждый раз выносишь, что у тебя на левом стрелка толще, чем на правом. Ты чё вообще?

МАМА (*раздражаясь*). Да ничё. Попробовала, не получилось. Зато попробовала!

ПАПА. И?

МАМА. Что и?

ПАПА. Деньги где?

МАМА. Ну, я попыталась ей обратно всё продать...

ПАПА. Так ты что, ещё и говна этого у неё накупила?

МАМА (*с вызовом*). Ну накупила. И оборудования тоже накупила. Да. И что? Я тебе говорю, я сделала

ошибку и я её признаю. Я её сама исправлять буду, в чём проблема-то?

ПАПА (*тихо*). Так деньги-то где?

МАМА (*раздражаясь ещё больше*). Да нигде! Нигде, Володь! Ну не продала я ей обратно ничего, она меня послала, сказала самой справиться. И я справлюсь! Коробки пока в Тёмкиной комнате полежат, а я найду, как продать, это мои проблемы.

ПАПА. Нет, Леся, это мои проблемы тоже. Потому что это мои деньги тоже. Так какого ты мне об этом только сейчас говоришь?

МАМА. А что, раньше надо было?

ПАПА. А не очевидно?

МАМА (*взрываясь окончательно*). А что ты мне не говоришь, с кем выходные вместе проводишь? И вечера пятницы тоже? Хотя мне, как раз, всё очевидно!

Внезапно гаснет свет. Абсолютная темнота.

МАМА (*вдруг остыв*). Ой.

ПАПА. Замкнуло, наверное. Сейчас отомкнёт.

Оба стоят молча в темноте.

МАМА. Не отмыкает чего-то.

БАБУШКА (*издалека*). Дети? Леся! Володя!

МАМА. Mam, у тебя нормально всё?

БАБУШКА. Да! А почему света нет?

ПАПА. Замыкание!

БАБУШКА. У Тёмы дверь заперта. Я стучу-стучу, а он не отвечает!

ПАПА. Щас! Секунду.

Папа и Мама наощупь двигаются из кухни в сторону Тёминой комнаты.

МАМА. Ай!

ПАПА. Извини. Я на тебя наступил?

МАМА. Почти. Ничего... Мам, ты голос-то подай.

БАБУШКА. Сюда! Сюда!

Папа и мама добираются до двери. Папа дёргает за ручку.

ПАПА. Тёма? Артём? Ты там как?

МАМА. Тёмыч, отзовись!

БАБУШКА. Тёмочка, скажи что-нибудь!... Ох, боже, а вдруг он упал?

МАМА. Мам, откуда он упал?

БАБУШКА. Да мало ли откуда. И головой ушибся. Или... Ох, боже мой! *(Начинает колотить в дверь.)*
Тёма! Тёмочка! Тёма!!

ПАПА. Что такое? Лидия Ивановна, что такое?

БАБУШКА. А вдруг группы эти подростковые Вконтакте? Вдруг ему дали задание, а он его выполняет?

ПАПА. Ну что вы несете, боже мой, какое задание?

Папа с Мамой начинают усиленно барабанить в дверь.

МАМА. ПАПА. Тёма! Тёма! Открывай! Открой дверь немедленно!

ПАПА. Так. Лесь, отойди. Лидия Ивановна, вы тоже.

Папа бьёт плечом в дверь и выбивает её. Они втроём вваливаются в комнату. Внезапно включается свет. Комната разгромлена. На полу валяется косметика. В центре – закрытая картонная коробка. Бабушка кидается к коробке, но Папа останавливает её.

ПАПА. Тёма? Тём? Ты тут?

Из коробки раздаётся шевеление. Все трое медленно, осторожно подходят к ней.

ПАПА. Тём... А мы вот тут пришли все вместе – мы с мамой и бабушка. Тут, видишь, замыкание было... и мы пришли. Тём... мы тут... это... в общем... спросить у тебя хотели... Ты... поговорить с нами не хочешь?

Все трое напряженно смотрят на коробку. Пауза.

ТЁМА (из коробки). Х...х...х...

Папа порывается, как обычно, закончить за сына предложение, но Мама быстро затыкает ему рот рукой. Все трое ждут, пока Тёма скажет сам.

ТЁМА. Х...х...х...х...хочу.

КОНЕЦ

Виктория Скибина ОДИНОЧКИ

Документальная драма

Действующие лица:

ПЕРВАЯ – в свободной одежде, волосы неаккуратно завязаны в хвост, без макияжа, на шее висит небольшой амулет (*тербит его время от времени, когда говорит*); обута в балетки или мокасины.

ВТОРАЯ – в ярких обтягивающих леггинсах и коротком топе, густо подведены глаза и накрашены красной помадой губы, волосы распущены; обута в туфли на каблуках.

ТРЕТЬЯ – в спортивном костюме, волосы туго собраны в пучок, без макияжа; обута в кеды или армейские ботинки.

На сцене шесть стульев расставлены по кругу. На трёх из них разложены листы бумаги. Чуть позади этих стульев три включённых торшера. Первая, Вторая и Третья одновременно выходят на сцену и начинают ходить по ней кругами. Все трое говорят по телефону. Говорят с паузами, так что можно отрывочно услышать каждую из них.

ПЕРВАЯ. Ну как ты, мамочка? Анализы пришли? Что врачи говорят? Да, конечно, я завтра приду к тебе. Что купить? Хорошо, куплю ещё того чая. Может что-то из еды взять, в больницах плохо кормят же? Нет? Ладно, тогда принесу чай. Поправляйся, пожалуйста. И не ходи пока больше сама в туалет, тебе нужно отдыхать, как доктор сказал. Понятно, что неприятно просить, но ты лучше потерпи, вдруг опять упадёшь, тебе нельзя. Я хорошо, мамочка. У нас сегодня была предзащита дипломов, я хорошо выступила. Нет, ну задавали конечно вопросы, замечания там... Но в целом хорошо. Доктор скоро придёт? Ну ладно, давай до завтра тогда. Целую. И я тебя. Спокойной ночи. Пока, пока, добрых снов. *(Отключает телефон.)*

256

ВТОРАЯ. Чё? Да не шлялась я всю ночь, ты чего? В кафешке просто посидели... Со Светкой, с кем ещё я могла быть? Ой, слушай, ну а тебе-то чего, сидишь себе дома и сиди, легла спать и спи. Нечего от меня звонка ждать сидеть. И чё теперь? Да нормально всё, у Светки вон вообще ещё темы точной нет, и ничё, живет человек. Mam, не кипишуй, всё напишу, всё успею, всё сдам. Нормально у меня все с ответственностью. Нормально, говорю! Mam, да успокойся ты! Чё? Не встречаюсь я ни с какими мужиками, ты чё говоришь?

Сюжет

Ах, тетя Кира меня видела! Знаешь, пусть тетя Кира лучше за собой последит, скоро в дверь проходить перестанет, корова любопытная. Откуда я знаю, с кем она там меня видела? Может у неё, вообще уже, того *(Крутит пальцем у виска.)* Ладно, ладно, мам, говорю же тебе, нормально всё. Короче, всё, давай, мне пора. Угу, курсач писать, да. Давай, не переживай там. Пока, созвонимся. *(Отключает телефон.)*

ТРЕТЬЯ. Мама, повторяю в двадцатый раз: я не могу. Если бы могла, я бы прислала тебе денег, правда. Но сейчас никак. В этом месяце зарплата меньше вышла, потому что я болела. Я понимаю, да. Понимаю. Ну, хреново, конечно, мне очень жаль, что вы расстались, но я-то что могу сделать? Не знаю, позвони подругам, у тебя же есть подруги? Кому-нибудь позвони. Только вот не надо заводить песню о том, что ты меня рожала и всё такое. Я себя рожать не просила. Кто из нас двоих, в конце концов, взрослый зрелый человек? Ты меня старше на двадцать лет, должна лучше знать, как с жизнью справляться. Слушай, мам, ну не начинай, а? Ты там что, пьёшь опять? Да не ври, слышу же, что пьёшь. Твои пьяные слёзы слушать не собираюсь, мне от них тошно. Что? Да ты... да ты просто... Знаешь, что, дорогая мамочка, ты сначала проспись хорошо, а потом мне уже звони. *(Шёпотом.)* Вот сука. *(Отключает телефон.)*

Все трое садятся на стулья. Первая берёт с соседнего стула бумаги, прокашливается.

ПЕРВАЯ *(зачитывает с листа)*. Важнейшим институтом социализации подрастающего поколения является родительская семья. Именно в семье форми-

руются основы характера человека, его отношения к труду, моральным и культурным ценностям. Однако, сегодня всё больше и больше семейных пар принимают решение развестись и воспитывать детей в одиночку или же с другим мужчиной/женщиной.

ВТОРАЯ. Всё больше и больше.

ПЕРВАЯ. Жизнь ребёнка только с матерью или только с отцом развивает в нём такие качества, которые невозможно найти у других детей. Приведут ли они к хорошему или плохому результату, зависит от целого ряда факторов.

ВТОРАЯ. К хорошему? Или к плохому?

ТРЕТЬЯ (*берёт листы с соседнего стула и зачитывает*). Специфический образ жизни семьи с одним родителем ощутимо отражается на воспитательном процессе. Отсутствие одного родителя в семье может явиться причиной неполноценного, неудачного воспитания детей.

ВТОРАЯ. Неудачного.

ПЕРВАЯ. Даже самая заботливая женщина в неполной семье физически не имеет достаточно времени для воспитания своего ребёнка.

ВТОРАЯ. Физически.

ТРЕТЬЯ. Дети из неполных семей, как правило, более ранимы, имеют ряд комплексов, мама обеспокоена своим социальным положением разведённой женщины. Мать не имеет психологической поддержки, ей не с кем разделить ответственность за своего ребёнка. Она все проблемы вваливает на свои плечи. В результате – депривация ребёнка и матери.

ВТОРАЯ. Депривация. Депривация... Это чё?

ПЕРВАЯ. Ну это, если простыми словами, вроде как «лишение, дефицит».

ВТОРАЯ. Дефицит чего?

ТРЕТЬЯ. Я думаю, здесь имелось в виду, что мать и ребёнок отдаляются.

ВТОРАЯ. А я думаю, что тут слишком много заумных слов. Это брошюра группы психологической поддержки или чей-то диплом по психологии?

ПЕРВАЯ. Тут для новеньких есть анкета. Наверное, лучше заполнить, пока не пришли остальные.

ВТОРАЯ (*хватает свои листы, бегло просматривает*). Так... Ваш возраст. Девятнадцать.

ПЕРВАЯ. Двадцать три.

ТРЕТЬЯ. Тридцать один.

ВТОРАЯ. Род занятий. Ну, учусь.

ПЕРВАЯ. Студентка.

ТРЕТЬЯ. Тренер по фитнесу.

ВТОРАЯ. Первое воспоминание о детстве, которое пришло вам в голову.

ПЕРВАЯ (*встаёт в центр круга*). Солнечный весенний день. Мы с мамой гуляем по городу, мне шесть лет. Мы проходим мимо большого, красивого здания с бежевыми колоннами и памятником у входа. «Смотри, – говорит мама, – это университет, будешь хорошо учиться в школе, поступишь туда, получишь хорошее образование, и всё у тебя в жизни сложится». Я спрашиваю: «Чему в университете учат?» Мама говорит: «Всему, чему захочешь». Я спрашиваю: «А ты что учила в университете, мамочка?» Она гладит меня по во-

лосам и тихо говорит, что она в университете не училась, потому что встретила моего папу и родила меня. Я смотрю на неё снизу вверх – она очень красивая, у неё длинные медные волосы и грустные зелёные глаза. «Я хочу быть как ты, мамочка». – «Нет, дорогая, как я тебе быть не нужно» – она наклоняется и легко целует меня в лоб. От неё пахнет чем-то сладким и свежим. «Я люблю тебя, мамочка». – «И я люблю тебя, куколка, больше всего на свете». *(Отходит к первому торшеру.)*

ТРЕТЬЯ *(встаёт в центр круга)*. Мне пять лет, я стою в длинном тёмном коридоре коммунальной квартиры. Где-то на верхнем этаже орёт младенец. В коридоре пахнет тушеной капустой, сигаретным дымом и пылью. Я не видела мать около двух дней, мне нечего есть со вчерашнего дня. От голода болит живот и хочется плакать. Я стучу в дверь, которая сразу за нашей с мамой дверью, никто не открывает. Квартира мне кажется огромным обшарпанным лабиринтом и от мысли, что я могу быть в нём совсем одна, становится очень страшно. Я стучусь в другую дверь, и мне снова не отвечают. Когда я подхожу к третьей, по щекам уже текут слёзы. Мне открывает женщина в ярком халате. Я, как могу, объясняю ей, в чём дело, и она пускает меня к себе. У неё в комнате пахнет приятно и сладко. Она кормит меня бутербродами с колбасой и картофельным супом. Пока я ем, она возмущённо бормочет, что нельзя вот так бросать ребёнка, и что моя мать – потаскуха. Когда вечером мама возвращается, я рассказываю ей, что меня покормила женщина из той комнаты, но про потаскуху не говорю, хотя и не знаю ещё, что это слово означает. *(Отходит ко второму торшеру.)*

ВТОРАЯ (*встаёт в центр круга*). Я сижу в своей комнате и делаю задание для школы, мне семь лет. Там нужно тупо писать много раз одну и ту же букву – заглавную и прописную, заглавную и прописную. Я вообще не понимаю, какой мне от этого толк. Поначалу получается более-менее нормально, а потом как-то совсем коряво. А ещё я пишу гелевой ручкой, и она мажется. У меня даже кончики пальцев синие. Заходит мама и смотрит в мою тетрадку. Она начинает кричать, что я глупая и ничего не могу сделать по-человечески. Она орёт, что из меня в жизни ничего путного не выйдет, и что она не понимает, в кого я такая пошла. Я тоже не понимаю, как не понимаю и того, почему какие-то тупые буквы имеют такое значение. Мама вырывает исписанную страницу из тетради и заставляет меня переписывать заново. Я ещё долго сижу над тетрадкой, а ей всё не нравится, она кричит и вырывает страницы. Когда она, наконец, разрешает мне встать из-за стола, на улице уже темнеет. Мама вдруг становится ласковой и сажает меня ужинать. Я очень хочу есть, но назло ей почти ничего не трогаю на тарелке. По её лицу вижу, она расстроена тем, что я опять плохо ем. Для меня это маленькая победа. Месь. (*Отходит ко второму торшеру.*)

ПЕРВАЯ. Кем я стану, если буду, как ты? (*Гасит торшер.*)

ТРЕТЬЯ. Я разве должна тебя от чего-то защищать? (*Гасит торшер.*)

ВТОРАЯ. Тебя никто никогда не любил? (*Гасит торшер.*)

Первая, Вторая и Третья садятся в круг.

ВТОРАЯ (*берёт листы со стула*). Что привело вас в группу? Что привело, что привело... Это разве можно вот так сразу сказать, это же, типа как, личное.

ТРЕТЬЯ. Часто людям самим не совсем понятны их собственные чувства, их проблемы.

ПЕРВАЯ (*встаёт в центр круга*). Я отлично знаю все свои проблемы. Я отлично знаю все корни своих проблем. Говорят, что понять проблему, значит наполовину решить её...

ВТОРАЯ. Херня!

ПЕРВАЯ. Ну да, я тоже не согласна. Я понимаю, но от этого ничего не решается. Я прочитала столько статей и книжек, что мне уже можно дать диплом психолога. Прочитала всё про депрессию, про низкую самооценку, про семейные роли, про расстройства пищевого поведения...

ВТОРАЯ. Херня эта твоя психология. Тебе бы потрахаться разок как надо, сразу забыла бы про свой глубокий экзистенциальный кризис.

ПЕРВАЯ. Правильно говорить «экзистенциальный».

ТРЕТЬЯ. Это уж, у кого как.

ПЕРВАЯ. Ну при чём тут это твое «потрахаться»? Тебе легко говорить. Ты красивая, худая, тебя все, наверное, любят и хотят. У тебя друзья, любовники. А я что? Толстушка-зубрила, вечно одна. Только с мамой поговорить могу, но ей разве всё расскажешь? Разве расскажешь ей, как мне жутко временами и тошно так, что удавиться хочется?

ТРЕТЬЯ. Если ты постоянно вот так вот ноешь, то неудивительно, что у тебя никого нет.

Первая вдруг всхлипывает и закрывает лицо руками.

ВТОРАЯ. Эй, ты чего?

Первая молча трясет головой, опускается на пол.

ВТОРАЯ. Алло, приём, чё воешь?

ТРЕТЬЯ. Отстань ты от неё, не хочет говорить – пускай не говорит. Цепляешься ко всем, как банный лист к одному месту.

ПЕРВАЯ. Мама-а-а-а... Мама. Я так боюсь, что она умрёт.

ТРЕТЬЯ. Ну все мы когда-нибудь умрём.

ПЕРВАЯ. Она не как все. Она в больнице, в онкологии. Третью операцию сделали.

ВТОРАЯ (*садится рядом с Первой, гладит её по волосам*). Ну тише ты, тише.

ПЕРВАЯ. Ужасно...Вы бы видели, в кого она превратилась. Во что она превратилась... Нет, вы бы видели, какая она была красивая когда-то. В детстве я больше всего мечтала стать красивой, как она. Милая мамочка. Она мечтала стать журналисткой, путешествовать и писать про разные страны и про разных людей. Когда она была в моём возрасте, она мечтала о совсем другой жизни, не о той, которую получила в итоге. Папа бросил нас, когда я пошла в школу. Уже тогда она начала меняться – пополнела, стала хуже одеваться. Почти все деньги, что удавалось заработать тратила на меня. У меня есть фотография... (*Достаёт из кармана телефон, находит фото.*) Тут мама ведет

меня на школьную линейку первого сентября. Тогда был холодный год, я пошла в пятый класс. Смотрите, на мне такое красивое красное пальто, и банты огромные, а на маме – старый кожаный плащ, облезлый и страшный.

ТРЕТЬЯ (*садится на пол к остальным*). Моя тоже красивой была. Я в детстве очень мало её видела, и когда думала о ней, то её лицо представлялось мне вроде как в тумане. Почему-то гораздо лучше мне запомнился её голос. Тихий такой, странный, по её голосу никогда нельзя было понять, что у неё на душе. Потом, правда, я уже стала сомневаться, есть ли у неё вообще эта хренова душа.

ВТОРАЯ. Никогда не думала о своей матери как о красивой женщине. Ну, она вроде не уродина, но красивая... Не, красивая – это не про неё. Косметики никакой, волосы не красит. И одевается как училка – строго и скучно. Да, хотя, суть-то не в том. Она внутри вся какая-то серая и унылая, тут как не нарядись, а всё равно сразу видно – с такой рядом от скуки сдохнешь.

ПЕРВАЯ. Всё мне отдавала. А мне было стыдно в тот день с ней идти, я прекрасно помню это. Я помню и мне от этого ужасно плохо, я ненавижу себя за то, что стыдилась её. Я не чувствовала к ней благодарности. Только стыд и разочарование. Почему она не может получше следить за собой, почему она больше не выглядит красивее всех других мам, почему папа ушёл от неё, почему мы живём в такой бедной квартире, что я не могу даже пригласить кого-нибудь из школы в гости? Почему, почему, почему? Как мне было стыдно за этот её дурацкий плащ. Так стыдно, что

я сказала ей: «Хочу одна идти на линейку». Она посмотрела на меня такими растерянными, детскими глазами... Думаю, она в тот момент всё поняла, что я стыжусь её и разочарована в ней.

ВТОРАЯ. Моя была больше надзирательницей, чем жертвой. Когда я малая была, я чем-то начала болеть, и там перепутали анализы, ну, короче, мамке моей сказали, что у меня типа смертельная болезнь, типа лейкемии или ещё какой-то такой хрени. Это она потом мне всё рассказывала, я сама ничего не помню, мелкая была совсем. Говорила, что перепугалась за меня тогда жутко. А потом, когда выяснилось, что это просто ошибка и у меня ничего такого смертельного нет, она стала очень сильно меня контролировать. Реально, прямо глаз с меня не спускала.

ТРЕТЬЯ. Я мало её видела, а своего настоящего отца не видела никогда. Понятия не имею, кем он был, и уверена, что мать сама точно не знает. За всё время, пока мы жили с ней вместе, она успела представить мне в качестве «нового папы» множество мужчин: это твой новый папа Костя, это твой новый папа Женя, это твой новый папа Саша... Слово «папа» потеряло для меня всякий смысл. Знаете, когда повторяешь одно слово много-много раз, оно становится просто набором звуков.

ВТОРАЯ. Мне кажется, что с того самого момента, когда я научилась говорить, я обязана была давать ей полный отчёт о своем самочувствии и поведении. Нет, реально! Забирает меня из садика и сразу заваливает тупыми вопросами – что давали на обед, что на полдник, что из этого я съела, спали ли в тихий час, во что играла, с кем играла... Иногда меня отец забирал

из садика, и в такие дни я была очень рада. Он просто молча брал меня за руку и вёл домой, а по пути мы заходили в магазин и он покупал мне мороженое или шоколадку. Когда приходили домой, мама всегда начинала кричать на него, что нельзя мне есть шоколадки до ужина и нельзя есть мороженое на улице, и бла-бла-бла... Думаю, она считала его не меньшим ребёнком, чем меня.

ПЕРВАЯ. Она отдала мне всю свою жизнь. Отдала мне всю свою жизнь. Но на линейку мы всё равно пошли вместе, и там я уже испытывала двойной стыд – за её плащ и за то, что сказала ей, а она всё поняла. Это сейчас я всё вижу – что она старалась, как могла, и очень многое мне дала, очень многое, у меня была хорошая одежда, еда, она покупала мне всегда фрукты и конфеты. Себе гречку и кефир, а мне виноград и шоколадные конфеты. Я ем, спрашиваю: «Мама, а ты почему не берёшь конфеты?» Она всегда отвечала, что у неё от сладкого зубы болят или что не годно. Но всё равно почему-то полнела год от года. Как будто вся её печаль, вся её боль скапливалась в виде жировых складок, чтобы ей было ещё печальнее и ещё больнее.

ВТОРАЯ. Она постоянно его критиковала. Я не помню ни одного вечера, который прошёл бы без её приставаний из-за какой-нибудь ерунды. Она пилила меня за то, что другие дети лучше учатся, лучше ведут себя. Она пилила отца за то, что другие мужчины больше зарабатывают, больше помогают женам. Себя она считала идеальной. Потом она узнала, что он ей изменяет, и выгнала его. Мне кажется, он бы и сам потом ушёл. Она выгнала его, а я хотела уйти

с ним. Он меня, конечно, не взял. У него была теперь новая жизнь, с новой женщиной. Я не злилась на него. Я злилась на неё и на то, что не могла уйти так же просто, как он. Мне было одиннадцать.

ТРЕТЬЯ. В детстве я воспринимала каждое её появление как праздник. Я радовалась ей, и её маленькие, дешёвые подарки, которые она мне иногда приносила, казались настоящими сокровищами: заколка с блестящими камушками, мыльные пузыри, ручка с пластмассовой кошкой на колпачке. Я всё берегла, всё хранила, даже когда заколка ломалась или паста в ручке заканчивалась, я всё хранила. Я стояла у окна каждый день как собачка, прижавшись носом к стеклу, и ждала, когда мама придёт домой. Иногда она не приходила совсем, иногда приходила с новым папой под руку, и тогда меня отправляли спать на кухню на раскладушке.

ВТОРАЯ. Она не из любви так себя вела. Ну, знаете, типа говорят, что любовь может проявляться по-разному, и даже если тебе кажется, что с тобой как-то дерьмово кто-то поступает, – он это всё равно может делать из любви. Я в это не верю. Она никого не любила. Ей, наверное, просто обидно было бы, если бы я не была лучше всех, или, ещё чего, умерла. Она ведь так старалась, рожала меня. Зря, что ли, рожала?

ПЕРВАЯ. Она жила столько лет на гречке, носила столько лет этот ужасный плащ. Обувь занашивала до дыр. А у меня всё было. Мы когда с ней рядом шли, прохожие, наверное, думали, что мы из разных семей. Это я сейчас всё понимаю. Тогда не задумывалась о том, как она живёт. Вообще не думала о ней, как об отдельном, реальном человеке, у которого своя судьба,

свои чувства, свои мысли. Не думала никогда, что она тоже может хотеть конфет и красивую одежду, что она может хотеть какого-нибудь мужчину. Она никогда никого не приводила, а ведь была ещё молодая женщина, ну неужели ей совсем не хотелось?

ТРЕТЬЯ. Именно благодаря этим «новым папам» я поняла, что она меня не любит. Я не знаю, как это не случилось резко в один какой-то день, это происходило постепенно, осознание этого постепенно проникало в мою детскую голову и однажды я поняла — она меня не любит. Когда она смотрела на мужчину, сидящего рядом с ней, в её глазах загоралось что-то такое мощное, верное, преданное. Наверное, когда я, прижавшись носом к стеклу, ждала её прихода, у меня были похожие глаза. Всё свое внимание она отдавала им, мужчинам. Мужчины долго не задерживались, я даже не старалась запомнить очередное имя.

ВТОРАЯ. Когда я стала взрослее, это всё превратилось в настоящий ад. Мне нельзя было без предупреждения зайти после школы к подруге, нельзя было пойти гулять, если на улице уже стемнело... Зимой, между прочим, в пять часов темнеет! Ну это нормально, а? Ей нужно было знать каждый мой шаг. А если я вдруг чихну — то сразу нужно отвезти меня в больницу, сразу нужно поить меня мерзкими травяными отварами. Мне блевать от этих отваров хотелось.

ТРЕТЬЯ. Нет, моя мама не была проституткой. Думаю, ей просто хотелось, чтобы её любили. Но не такой любовью, какой любила её я. На меня она никогда не смотрела такими сияющими глазами, она вообще редко на меня смотрела, только рассеянно гладила ру-

кой по макушке, а сама всегда думала о чём-то своём. Со временем я обнаружила, что все жалкие сокровища, которые она мне приносила, были куплены в одном и том же ларьке у нашего дома. Я ещё в детстве поняла, что она меня не любит, но сама ещё долго хотела заслужить её любовь. Мамина любовь – это то, на чём стоит весь мир ребёнка, и мне тоже хотелось, чтобы мой мир на чём-то стоял. Я старалась быть лучшей в классе, старалась всегда убираться дома, старалась наладить хорошие отношения с каждым её ухажёром. Я была ещё ребёнком, и потому смутное осознание того, что ей наплевать на всё, что я делаю, затмевалось отчаянной верой – ещё чуть-чуть постараться и мама, наконец, увидит, какая я хорошая, и полюбит меня, и тогда жизнь станет совсем другой.

ПЕРВАЯ. Я всегда думала о ней, нет, воспринимала её как какую-то исходно данную функцию жизни, будто всё, что она делает – само собой разумеется. Мне и в голову не приходило, что она вообще-то живой человек, и что посвящать свою жизнь мне не является её единственным состоянием. Она пожертвовала своим образованием, своей красотой, молодостью, мечтами и, в конце концов, – жизнью.

ВТОРАЯ. Когда мне было четырнадцать, за мной начал ухаживать один мальчик из школы. Ну как ухаживать... Он был на класс старше и брал меня с собой курить за гаражи. Он вообще многим нравился, и девки мне обзавидовались. На Новый год в школе была дискотека и он меня позвал. Вы прикиньте? Самый крутой парень в школе зовёт меня на дискач! Мне тогда казалось, что это абсолютный жизненный успех, всё, не зря четырнадцать лет живу на свете! Но

мама, конечно, устроила скандал и сказала, что ни на какую дискотеку меня не отпустит, потому что кто-нибудь обязательно принесёт алкоголь и я напьюсь, а этот мальчик начнёт ко мне лезть, и всё такое. А мне, между прочим, как раз и хотелось выпить, и чтобы этот мальчик ко мне лез! У меня же там половое созревание, гормоны, все дела. Мы с ней долго спорили, я перепробовала всё – и просила, и скандалила, но она не уступила. Осталась в вечер дискотеки дома, встала возле двери... Знаете, как в том фильме, где «Ты не пройдешь!» В тот вечер я её возненавидела.

ТРЕТЬЯ. Однажды вечером я вышла в наш двор, встала за деревом и стала ждать. Я увидела, как она возвращается домой – одна, потом увидела, как зажглось наше окно. А потом я ушла. Я несколько часов бродила по улицам, потом пришла на железнодорожный вокзал и остаток ночи провела в зале ожидания. Мне было тринадцать лет. Когда я вернулась домой утром, она ничего у меня не спросила. Ей было всё равно, где я была всю ночь. Может быть, она вообще не заметила моего отсутствия или была даже рада, что я исчезла. Может, ей бы лучше и проще жилось, если бы я умерла. Я перестала бороться за её любовь, до меня, наконец, полностью дошло, насколько это невозможно.

ВТОРАЯ. Я сидела в своей комнате и шёпотом называла её всеми матерными словами, которые успела к тому времени узнать. И я придумала, как ей отомстить – я пошла в ванную, взяла из упаковки лезвие и порезала себе запястье. Не сильно глубоко, но крови было достаточно. От вида крови у меня закружилась голова и я сползла на пол. Она пришла в ванную ми-

нут через десять, почистить зубы перед сном, и увидела меня. Она плакала и кричала, кричала, что любит меня и что я ничего не понимаю в жизни. Обработала мне руку перекисью, перевязала. Через пару лет шрам мне удалили лазером. Это дорого, но она сама предложила заплатить.

ПЕРВАЯ. Она начала болеть, когда я поступила в университет. Её полное, усталое тело пожирал рак. Она стала совсем серая и походка у неё стала такая ужасная, как у старухи, которая вот-вот свалится с ног. Ей сделали операцию, потом ещё, ещё... Я приходила к ней в больницу. Я ждала, пока её привезут из операционной. Её привозили бледную, полуживую, с пересохшими губами. Я часами сидела у её койки, следила за её дыханием, за капельницей. Как я возненавидела эту больницу, онкологическое отделение, эти душные переполненные палаты, пропитанные тошнотворным запахом больничной еды!

ТРЕТЬЯ. Я больше не была лучшей в классе, я начала курить и часто дралась. Мне казалось, что все люди ненавидят или презирают меня, и я сама ненавидела их. У меня не было никого, кто понимал и ценил бы меня. А мама... Её я ненавидела больше всех. Нет, неправда, я только старалась её ненавидеть. Я в этом не признавалась даже самой себе, но вообще-то я её любила и до сих пор не понимала, почему ей плевать на меня. Я же её дочь, она должна, просто должна любить меня, чем я заслужила её безразличие? Мне всё ещё хотелось, чтобы она приняла меня, и за это желание я себя ненавидела.

ВТОРАЯ. Через год я познакомилась на сайте знакомств с каким-то козлом, соврала, что мне есть во-

семнадцать, и он меня трахнул. Я выглядела старше своего возраста, конечно, но он понял, что я вру, это точно. Ему было не знаю сколько лет, больше тридцати, наверно. Такой вот первый раз.

ПЕРВАЯ. Я сидела там и повторяла себе, что если я сама когда-нибудь заболею, то ни за что не попаду в такое место. Нет, я лучше покончу с собой! Никогда, никогда я не буду лежать здесь, в вонючей духоте, с этими умирающими серыми женщинами. Как мне хотелось настезь открыть все окна, впустить в отделение морозный воздух, и пусть они все замерзнут, пусть простудятся, пусть самые больные даже умрут, мне плевать, мне нужен воздух, воздух, мне нечем дышать! Когда я приходила домой после больницы, я всегда наедалась. Ела очень много, до тяжести, до тошноты. Запихивала в себя еду до тех пор, пока не приходило чувство отупения и покоя. А потом засыпала.

ТРЕТЬЯ. Да, ненавидела я больше себя, чем других. Мне кажется, если бы я порезала себе руку и упала в ванной, она бы ничего не почувствовала. Ну то есть, она, конечно, могла бы немного испугаться и перебинтовать меня могла бы. Но она испугалась бы совсем не тем страхом, а знаете, как когда боишься чего-то неприятного. Такой страх испытывает любой адекватный человек, увидев постороннего в крови. Я – посторонняя. Я посторонняя всегда и везде, но мне это теперь неважно.

ПЕРВАЯ. Я набирала лишние килограммы, но не могла справиться с этим. Садилась на диеты, потом ела ещё больше. Я не знала, как мне жить, если она умрёт. Она была единственным человеком, которому

я, действительно, была нужна, которому было не наплевать на мою жизнь. Как мне жить, если она умрёт?

ВТОРАЯ. Не знаю, как она меня отпустила в другой город, в общагу жить. Наверное, желание дать дочери хорошее образование пересилило страх. Мы жили в маленьком городе, там уровень не тот. Когда переехала, начала трахаться как безумная. Почти как эта девица из «Нимфоманки». Для меня это типа как для тебя (*обращается к Первой*) жратва. Ты жрёшь и толстеешь, а я трахаюсь, курю и ругаюсь матом. Вы ж все думаете, что я шалава тупая, да? А хрен вам. Я, между прочим, Канта читала. Я много чего читала. Мне так проще жить, чтобы все считали меня тупой шалавой. Никто меня не знает. (*Первой и Второй.*) Вы меня не знаете, она меня не знает, хрен ей узнать меня! Я лучше сдохну, чем снова позволю кому-то себя контролировать. Если бы она не была такой помешанной, я бы разве так жила? У меня же нет ничего своего, всё ей назло делаю! Иногда лежу под мужиком каким-нибудь и думаю: лучше бы, у меня в детстве реально была лейкемия, лучше бы, я тогда сдохла!

ПЕРВАЯ. Когда я представляла её смерть, у меня начинали дрожать руки и бросало в пот. Успокоить меня могла только еда. Еда – это что-то надёжное, тяжёлое, осязаемое. Последняя опора, которая у меня осталась. Есть, есть, есть, пока не останется ни одной мысли в голове, ни одного чувства! Есть, есть, жрать, жрать, жрать, пока последний страх, последний червячок ужаса не будет задавлен тяжестью всего съеденного!

ТРЕТЬЯ. По моему рассказу, она кажется таким чудовищем. Но это не так, она не такая плохая, она не

ужасная и не жестокая. Ей просто нужно было, чтобы её любили, по-настоящему, сильно и верно, чтобы её любили и принимали, чтобы рядом с ней был хороший, родной человек.

ВТОРАЯ. И мне просто нужно, чтобы меня любили, по-настоящему, сильно и верно, чтобы меня любили и принимали, чтобы рядом со мной был хороший, родной человек.

ПЕРВАЯ. И мне нужно, чтобы меня любили, по-настоящему, сильно и верно, чтобы меня любили и принимали, чтобы рядом со мной был хороший, родной человек.

ВТОРАЯ. Когда тебя любят – тебе ничего не страшно.

ПЕРВАЯ. Да, когда тебя любят – тебе ничего не страшно.

ТРЕТЬЯ. Ничего.

Первая, Вторая и Третья садятся на свои стулья. Берут листы.

274

ТРЕТЬЯ (*читает с листа*). Какой девиз был у вашей семьи?

ПЕРВАЯ. Главное – заботиться о других.

ТРЕТЬЯ. Я не знаю. Я не знаю, какой у нас был девиз.

ПЕРВАЯ. Когда папа ушёл, она не плакала. Я точно не видела, чтобы она плакала. Она мне повторяла, что это ничего, мы переживём, и что теперь мы сами будем заботиться друг о друге. Заботилась, в основном, только она обо мне. Пока не слегла совсем.

ТРЕТЬЯ. Ты жестокая?

ПЕРВАЯ. Нет-нет, я не жестокая, я просто... Я не знаю. Если бы у меня был ребёнок, я бы очень о нём заботилась, посвятила бы ему всё время!

ТРЕТЬЯ. Глупо.

ВТОРАЯ. Глупо. У нас было так: главное – думать о практической стороне вещей.

ТРЕТЬЯ. Я не уверена, что нас вообще можно было назвать семьей. Меня будто ей подкинули. Или мне её.

ВТОРАЯ. Когда они с отцом разошлись, она сказала: «Главное – думать о практической стороне вещей». Может быть, она имела в виду, что он мало зарабатывал?

ТРЕТЬЯ. Наверное, у меня никогда не было семьи. Дома. Настоящего дома.

ВТОРАЯ. После развода она окончательно остервенела.

ПЕРВАЯ. Мама очень меня любила всю жизнь, и я её тоже очень люблю. Я должна написать ей письмо, чтобы она перечитывала его в больнице, это может её поддержать.

ВТОРАЯ. И чё напишешь?

ПЕРВАЯ. Хм, не знаю, сразу ничего в голову не приходит...

ВТОРАЯ. А ты в интернете найди, чего тупить-то сидеть? В интернете всё есть.

ПЕРВАЯ. Ну, это же личное, думаете, есть такое в интернете? *(Достаёт телефон.)*

ВТОРАЯ. Да какая разница, она-то не узнает, сама ты это написала или нет. Сама ты только сопли лить

можешь: «Мамочка то, мамочка это». Такая себе поддержка. Вообще идея милая, но я бы вот тоже не знала, например, что своей написать, если бы захотела. Хотя я не захочу никогда, пошла она, письма ещё ей писать.

ТРЕТЬЯ. Да чего ты как стерва, нормальная у тебя семья ведь, просто мать слишком переживала, как бы с тобой чего не случилось. И глядя на тебя, могу сказать, что не зря переживала.

ВТОРАЯ. Да что бы ты понимала! Если бы она не была такой переживающей, у меня сложилась бы совсем другая жизнь.

ТРЕТЬЯ. Да? Как удобно. Посмотрите, я такая несчастная, меня мама не пускала на школьные дискотеки и теперь из-за этого мне ничего не остаётся, кроме как бухать и спать со всеми подряд!

ВТОРАЯ. А тебе в наморднике вообще нужно ходить!

ПЕРВАЯ (*перекрикивая их, читает с телефона*). «Дорогая мама! Я тебе никогда не говорила об этом, но я очень благодарна тебе. Ты подарила мне жизнь, и каждую минуту заботилась обо мне, и отдавала всю свою любовь и нежность». (*Поднимает глаза от экрана.*)

Вторая и Третья молча смотрят на неё.

ПЕРВАЯ. Нашла в интернете. Письмо какой-то американской девушки. Очень милое.

ТРЕТЬЯ. Ну, а дальше там что?

ПЕРВАЯ. «Ты всегда была для меня примером для подражания, о котором только может мечтать девушка.

Что бы я ни натворила, ты всегда умела найти слова, которые заставляли меня задуматься над своими поступками. Я знаю, что ты хочешь только лучшего для меня. И хотя я этого не показываю, но я всегда испытываю чувство безграничной благодарности и любви к тебе. Без тебя я бы просто потерялась в этом огромном мире». *(Отключает телефон.)*

ВТОРАЯ. Без тебя я бы просто потерялась в этом огромном мире.

ТРЕТЬЯ. Без тебя я бы просто потерялась в этом огромном мире.

ПЕРВАЯ. Мама часто говорила мне, что всегда нужно иметь твердую почву под ногами и оставаться человеком в любых обстоятельствах.

ВТОРАЯ. Мама часто говорила мне, что всегда нужно, прежде всего, заботиться о своём здоровье и благополучии, и работать на завтрашний день.

ТРЕТЬЯ. Мама часто говорила мне, что у человека всегда должна быть мечта и открытое сердце.

ВТОРАЯ. Мне плевать на завтрашний день. Каждую ночь я засыпаю с чувством – нет, с надеждой, что завтра никогда не наступит.

ПЕРВАЯ. Я никогда не чувствовала, что уверенно стою на земле. Как её обрести, эту твердую почву? Я как пустой пакет, подхваченный ветром, меня может швырнуть в любую сторону.

ТРЕТЬЯ. Я умею только выживать. Война идёт каждый день, война с каждой новой минутой времени.

ПЕРВАЯ. Нельзя же совсем никому не доверять?

ТРЕТЬЯ. Можно. Ещё как. Даже нужно.

ВТОРАЯ. Не знаю. Мне бы хотелось доверять, но как? Я не помешанная, мне не кажется, что вокруг одни враги и всё такое... Но у меня такое ощущение, что всем вокруг наплевать. Есть я, нет меня – всем насрать. Исчезну – не заметят. Я не хочу, чтобы меня обожали и боготворили, понимаете, мне хочется быть кому-то нужной.

ТРЕТЬЯ. Если ты кому-то нужна, то и тебе, значит, кто-то нужен. А это уже не свобода, ты уже связана с другим человеком, и потому априори подвергаешь себя опасности, каким бы хорошим человек ни казался.

ПЕРВАЯ. Нет, ну подождите! (*Обращаясь ко Второй.*) Ты говоришь, что если тебя не станет, то всем будет всё равно, но это ведь не так. Твоей маме будет совсем не всё равно, почему ты про неё не думаешь?

ВТОРАЯ. Если бы мы с ней не были матерью и дочерью, если бы просто познакомились на улице, мы бы разве смогли стать близкими людьми? Нет. Тогда ей было бы плевать на мою жизнь. Это всё тянется ещё от животных – тупое, бездумное стремление делить на своих и чужих, и инстинктивно о своих заботиться.

ТРЕТЬЯ. Не у всех это так работает. Моей было всё равно, что со мной, хоть во мне и текла её кровь.

ПЕРВАЯ. Как это всё страшно. У меня с мамой всегда была особенная, очень близкая связь. Я всегда была уверена в её любви и в том, что ей я могу доверить всё, что угодно. Мама – главная женщина в жизни. У меня совершенно точно есть любовь.

ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ (*одновременно*). Любовь...

ПЕРВАЯ. Любовь моей матери была похожа на тёплый кокон. Нити, из которых этот кокон плёлся, она вырывала, вытягивала из себя самой. Она отдавала мне всё, никогда не объясняя мне, откуда что берётся, и как тяжело ей достаются деньги. Я ничего не знаю о жизни, потому что жила в её коконе. Думаю, с детьми так и нужно – дети и не должны знать, из чего состоит реальная жизнь. Но я для неё так и осталась ребёнком. А теперь, я ведь понимаю, она в любой момент может умереть, и мой защитный кокон, который и так уже стал очень тонким, исчезнет совсем. Как мне жить без него? Мне нужно кому-то доверять. Мне нужно, чтобы кто-то заботился обо мне. Я не могу жить в мире, где все чужаки, где всё так сложно и тяжело. Любовь...

ТРЕТЬЯ. Наверное, она не виновата. Да, нет её вины в том, что она меня не любила. Кто сказал, что мать обязательно должна любить своего ребёнка? Это абсурд. Она родила меня, и она, наверное, надеялась, что у неё появится настоящая семья. Она верила, что мужчина, от которого она забеременела, останется с ней и у них будет настоящая семья. Но всё получилось не так – он ушёл, а ребёнок оказался просто обузой. Разве она виновата, что так вышло? Она никогда не желала мне зла и не причиняла мне вред намеренно. Ей просто было всё равно. Любовь. Я не могу винить её в том, что она не могла любить. Любить – это не так легко, как кажется.

ВТОРАЯ. Она всегда душила меня, а мне хотелось жить, дышать полной грудью, хотелось делать вещи, которые были мне запрещены. Я сопротивлялась. Я думала, что, в конце концов, у меня получится победить и жить так, как я сама хочу. Не получилось.

Я теперь не знаю, как я на самом деле хочу. Я так давно всё делаю ей назло, что это стало моим единственным ориентиром. Везде только она, везде её правила, опасения и запреты. Она вывернула меня наизнанку.

ТРЕТЬЯ. Любить не просто. Я знаю, потому что я люблю её. Мне непонятно, почему. Как можно любить человека, которому на тебя плевать? Можно. Внутри меня до сих пор жива та девочка, которая преданно стояла у окна и ждала её возвращения, которая безумно гордилась своей ручкой с кошкой на колпачке.

ВТОРАЯ. Я не знаю, что такое любовь, это слово потеряло для меня смысл. Я не ненавижу её на самом деле, и, наверное, могла бы любить её, если бы она не душила меня постоянно. Но это ведь не считается?

ПЕРВАЯ. Я любила её по-настоящему только в раннем детстве, когда мы жили в своём уютном мирке, когда она ещё не утратила свою красоту и мечтательность. А может, это и не была настоящая любовь? Настоящая выдержала бы всё остальное. Моя любовь не выдержала маминой бедности, маминой слабости. Я боюсь её смерти не потому, что люблю её, нет, я боюсь за себя.

ТРЕТЬЯ. Я, я, я...Везде только «я».

ВТОРАЯ. Разве это любовь? Разве возможно любить, когда везде только «я»?

ТРЕТЬЯ (*берёт листы и зачитывает*). Составьте короткий рассказ о себе.

ПЕРВАЯ. Я никогда не была общительной. В школе мне было очень трудно заводить друзей, я слишком стеснялась, и другие дети сами не проявляли ко мне особого интереса. Меня не приглашали на дни рож-

дения. Нет, меня не то, чтобы сильно обижало это, я просто вспоминаю факты. Меня не звали на дни рождения.

ТРЕТЬЯ. Я всегда воспитывала в себе бойца. Всегда, с самого детства. Я знала, что нужно быть сильной и храброй, и воспитывала себя.

ВТОРАЯ. Я сразу сейчас вспомнила про тот день. Тот дебильный день. Я хочу рассказать о нём. Это было ужасно, мерзко. Я не знаю, зачем я сделала это. Мне было пятнадцать лет.

ПЕРВАЯ. Но однажды одна девочка из класса всё-таки пригласила меня, в четвертом классе. Она тогда просто пригласила абсолютно всех, наверное, её родители сказали, что будет грубо приглашать всех, кроме меня. Праздновали у неё дома. Я впервые увидела такую большую, красивую квартиру. Я так и не поняла точно, сколько там было комнат. Больше всего меня поразил холл – просторная круглая комната с паркетным полом. Там почти не было никакой мебели – только встроенный шкаф для верхней одежды и маленький кофейный столик, куда бросали мелочи вроде ключей. Эта комната была по размерам как половина нашей с мамой квартиры, и её практически никак не использовали – вот что меня, наверное, поразило. Мы старались с пользой занять каждый сантиметр пространства. Мы жили в спичечной коробке и мама изо всех сил старалась сделать её уютнее и удобнее. На рынке, потому что там дешевле, она выискивала занавески для кухни, разрисованные милыми голубыми цветами, или большое махровое полотенце с диснеевскими принцессами, или чайный набор, сделанный под фарфор.

ВТОРАЯ. Я не знаю, зачем я сделала это. Ну, то есть, у меня были какие-то причины, но они все такие тупые. Мне хотелось сделать что-то такое, что точно взбесило бы мою мать, если бы она узнала. А ещё мне было интересно... Ну... Как там это всё происходит. В школе некоторые девчонки хвастались, что они уже типа не девственницы, и вообще такие все опытные. Я им не верила. Но разве это настоящие причины, если так, по-честному себе сказать? Нет, это так, внешнее. На самом деле я не знаю, зачем я это сделала.

ТРЕТЬЯ. Лет с девяти я запретила себе плакать. Если мне хотелось заплакать, я сильно, до боли сжимала кулаки, это отвлекало и приводило в чувство. Я всегда старалась смотреть на вещи рационально, прагматично и не думать о вещах, которые могут заставить меня расплакаться. Таких вещей, в основном, в моей жизни всегда было три.

ПЕРВАЯ. Изю всех сил она старалась дешевыми мелочами скрыть убожество того места, в котором мы живём. А там, в той квартире, свободного пространства было с избытком. Ещё там была красивая, удобная мебель, всякие статуэтки, просто огромный телевизор и много-много вкусной еды. До того дня я думала, что только в фильмах люди могут жить в такой роскоши, а оказалось, что она доступна совершенно обычным людям. Я каждый день сидела в одном классе с этой девочкой, и внешне мы мало чем различались, только я жила в коробке, а она – в этом дворце.

ТРЕТЬЯ. Первая – это одиночество. Мне не с кем было поговорить, некого обнять. И сейчас тоже. Вообще, я думаю, что в этом нет такой уж необходимости. Но иногда так хочется... *(Обхватывает себя руками.)*

Иногда одной совсем никак. Иногда хочется посреди улицы останавливать прохожих и кричать им в лицо, так вот бывает одиноко. Но это ерунда. Нужно просто думать о другом. О насущном. Занимать себя делами, работой. Нет, люди – это не необходимость. Можно и без людей.

ПЕРВАЯ. И ещё у этой девочки был папа. Он жил с ней, заботился о ней. У неё было всё, о чём я только могла мечтать.

ТРЕТЬЯ. Вторая – это когда я видела маму пьяной. Это сильно выбивало из равновесия, и в детстве, и потом. Она ничего плохого не делала, когда выпивала, просто становилась какой-то такой... Потерянной очень, грустной. Когда она пила, мне казалось, что из нас двоих взрослый человек – это я. Иногда, если она выпивала слишком много, она начинала шёпотом повторять одно слово – «почему». Сидела и талдычила: почему, почему, почему... В такие моменты она была похожа на сумасшедшую. Это пугало.

ПЕРВАЯ. Разве я была виновата в чём-то, разве я сделала что-то плохое? Я чувствовала себя будто наказанной, чувствовала, что у меня ничего нет. Но за что меня можно было наказать?

ТРЕТЬЯ. Третье – это мамины мужчины. Когда я была маленькая, мне до них дела не было. Конечно, мне больше нравилось быть с мамой вдвоём, но всё-таки среди них попадались хорошие люди. Всё изменилось, когда я стала взрослеть. Мое тело менялось, у меня появилась грудь, ну и так далее. Они, мамины мужчины, стали как-то по-другому на меня смотреть. Я уже не была ребёнком. От этих взглядов мне плохо. Я не хочу, чтобы на меня так смотрели.

ВТОРАЯ. Я не знаю, сколько ему было лет. Как минимум вдвое старше меня. Может, он был ровесником моего отца – только это уже достаточно мерзко. Но мне было всё равно. Я вроде как наказывала себя за что-то, наказывала тем, что всё это было так отвратительно.

ПЕРВАЯ. Когда я вернулась домой, я рассказала всё маме. Сейчас я ненавижу себя за это. Я рассказала, какая большая квартира у моей одноклассницы, как много там места, мебели и еды. А потом я сказала, что у неё есть папа, и что он был на дне рождения, устраивал нам разные конкурсы. Я спросила её: «Почему мой папа не с нами?» Я спросила: «Почему он ушел от тебя? Он бросил нас из-за тебя или из-за меня?»

ВТОРАЯ. Он был невысокого роста, всего на пару сантиметров выше меня. Не толстый, не худой. Одет неприметно. Лицо с правильными чертами, но не красивое, грязно-зелёные глаза. Короче, весь он был такой среднестатистический. Я даже не особо его запомнила. Таких на улице, в транспорте каждый день видишь сотнями.

ПЕРВАЯ. Она ничего не ответила, молча встала и ушла в ванную. Наверное, она плакала там. Я не знаю. Я сделала ей очень больно.

ТРЕТЬЯ. На одной из квартир, где мы жили, ванная комната не запиралась. Замка не было, дверь просто захлопывалась. Мы жили троём: я, мама и папа Дима. Он был странноватым таким, почти всё время молчал, особенно со мной, мне он, вообще, и пары слов мог за неделю не сказать. Как-то ночью я принимала душ и вдруг заметила, что дверь приоткрыта, а он стоит и смотрит на меня из коридора. Я быстро

схватила за ручку и рванула дверь на себя, а он, наверное, держал ручку с другой стороны, потому что дверь поддавалась не сразу. Ну, как будто он её пару секунд удерживал.

ВТОРАЯ. В реале я выглядела, наверное, младше, чем на фотке в интернете. Мне так кажется. На фотке же фильтры, всё такое. Но он не спросил ничего про мой возраст. Хотя я думаю, что он всё понял. Он всё понял, и от этого ещё сильнее становится мерзко.

ТРЕТЬЯ. Мне это было очень дико и неприятно. Я не знаю, как люди переносят изнасилования, домогательства. Мне ужасно плохо просто от такого вот. Он ведь только смотрел, он ничего не сделал, но я почувствовала себя так грязно. Как будто весь мир неправильный, подлый.

ВТОРАЯ. Он отвёл меня в маленькую дешевую гостиницу. В номере стояла только кровать, две тумбочки и шкаф. Кровать такая странная – не двуспальная и не на одного человека. Это было днём, было очень светло. Я задёрнула шторы, но они были очень тонкие и это не помогло. Мне очень захотелось, чтобы там стало темно. Ещё больше захотелось оказаться в другом месте. Что я делаю в этом стрёмном мотеле с почти незнакомым мужчиной? Но я не могла развернуться и уйти. Нет, он бы не стал держать меня силой. Ну, я надеюсь. Что-то внутри меня не дало мне развернуться и уйти. Я не знаю, что.

ТРЕТЬЯ. Я болезненно отношусь к прикосновениям. Мне не хочется, чтобы меня кто-то трогал.

ПЕРВАЯ. Я с трудом могу вспомнить лицо своего отца.

ВТОРАЯ. За секунду до того, как он прикоснулся ко мне, я подумала – только бы у него руки были не влажные. Ненавижу, когда у людей влажные руки. Противно. Руки у него были прохладные и сухие.

ПЕРВАЯ. Почему я злилась на маму, а не на отца? Он ведь ушёл. Я не знаю.

ВТОРАЯ. Было быстро и больно. Первые несколько секунд мне казалось, что меня сейчас разорвёт на части.

ТРЕТЬЯ. Я всегда ношу в себе это чувство загрязнённости, одиночества.

ВТОРАЯ. Потом было просто больно, такая неприятная, ноющая боль.

ТРЕТЬЯ. Иногда я мою руки, даже если они чистые. Это немного помогает.

ВТОРАЯ. Он быстро кончил. Ничего приятного я ощутить не успела. Я тогда вообще не поняла, почему все так зациклены на сексе. Что тут такого? Потом, вроде, распробовала, но все равно, до конца и сейчас не понимаю.

ПЕРВАЯ. Через много лет, когда рак уже начал развиваться в её теле, мама рассказала мне, что папа ушёл от нас, потому что влюбился в другую женщину. Никто не был виноват – ни я, ни она.

ТРЕТЬЯ. А может, мне это всё кажется? Может, мамы мужчины смотрели на меня обычными глазами? Может, он вовсе не удерживал дверь? Может, но зачем он вообще её открыл? Я не знаю.

ВТОРАЯ. Внутри меня есть какая-то тупая, ноющая пустота. Я не знаю, чем заполнить её, как спра-

виться, а секс вроде как помогает. Или не помогает, а просто позволяет на время забыть, не думать о том, кто я, и что во мне такое. Это как опухоль, только в душе, в мыслях... Короче, я не знаю, что это. Если бы знала, я бы вообще, наверное, не трахалась, не понимаю, чем это людям так нравится.

ПЕРВАЯ. Я всё понимаю, но мне всё равно хочется винить её или себя. Значит, мы были какими-то не такими, раз он настолько увлёкся другой, что ушёл от нас? Значит, мама была плохой женой, а я – плохой дочерью?

ТРЕТЬЯ. В общем и целом, я не похожа на мать. Мы с ней, наверное, как два полюса, противоположности. Каждая несчастна по-своему.

ПЕРВАЯ. Внутри меня живёт та маленькая испуганная девочка, которая смотрит на других детей, у которых есть отцы, которая стыдится бедности своей матери, которая боится болезни своей матери, и я не знаю, как помочь этой девочке.

ВТОРАЯ. Внутри меня живёт эта девочка, которая стоит посреди дешевого гостиничного номера, которая за что-то себя наказывает, и не понимает сама, за что, которая не понимает, куда несёт её жизнь, и это её очень, очень пугает, и я не знаю, как помочь этой девочке. Я ничего не знаю.

ТРЕТЬЯ. Я не знаю, как помочь. Я только знаю, что нужно быть бойцом и сражаться дальше.

Первая, Вторая и Третья говорят одновременно, выкрикивая реплики в зал: «Не знаю, не знаю, не знаю!»

ВТОРАЯ. Без тебя я бы потерялась в этом огромном мире.

ПЕРВАЯ. Всегда была для меня примером для подражания...

ТРЕТЬЯ. Очень благодарна тебе...

ВТОРАЯ. Хочешь только лучшего для меня...

ПЕРВАЯ. Отдавала всю свою любовь и нежность...

ТРЕТЬЯ. Каждую минуту заботилась...

ВТОРАЯ. Всю любовь.

ПЕРВАЯ. Испытываю чувство бесконечной благодарности и любви.

ТРЕТЬЯ. Ты всегда умела найти слова...

ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ. Дорогая мамочка!

ПЕРВАЯ (*берёт в руки пустой стул и выходит вперед*). Дорогая мамочка! Ты всегда отдавала мне всё. Ты не жила сама, ты жила мной. Я не просила тебя об этом. Наверное, я виновата в том, что ты заболела. Забота обо мне вытянула из тебя все силы, всю жизнь. Жизнь ушла из тебя во имя любви к твоему ребёнку. Только что это за любовь? Это вообще любовь? Это жертва, вечная жертва, изо дня в день ты отрезала от себя по кусочку и отдавала мне. Дорогая мамочка, я не люблю тебя. Жертвы не научили меня любить. Видишь, я даже в своей эгоистичности виню тебя. Я не знаю, как любить. Неужели любить – значит отдавать себя до последней капли, доводить себя до смерти? Я понимаю, что так не может быть, но не знаю, как надо. Я не люблю тебя, но я к тебе привязана, я от тебя завишу. Это было тебе нужно, чтобы кто-то был настолько сильно привязан к тебе, что никогда

не смог бы уйти? Я завишу от тебя, и я не умею жить. Жизнь ужасно пугает меня, особенно материальные, бытовые стороны. Никто больше не станет отдавать мне так много, как отдавала ты. Ни у кого я не найду такой безоговорочной, слепой поддержки. Даже если бы я убила человека, ты бы стала на мою сторону. Такая связь возможна только между матерью и ребёнком. Дорогая мамочка, я не люблю тебя, но когда я слышу слово «дом», я сразу вспоминаю тебя. Не какое-то конкретное место, где мы жили, просто тебя. Мой дом рушится. Я ненавижу больницу, ненавижу приходить туда и сидеть в душной, вонючей палате, я ненавижу всё на свете, даже тебя. Мамочка, выйди оттуда, пожалуйста. Выберись оттуда. Мама, не умирай. Побудь ещё со мной здесь. Пожалуйста, мамочка, ты только не умирай!

ВТОРАЯ (*берёт в руки пустой стул и выходит вперед*). Дорогая мамочка! Слово «любовь» для меня исковеркано, испоганено, изъято из словарного запаса. Любовь исчезла в твоих осуждающих, настороженных взглядах, в твоих строгих, на все пуговицы застегнутых платьях. Любовь исчезла в смятых простынях и душных, прокуренных комнатах. Любовь исчезла и больше её не будет. Я думаю, это не так уж и страшно. Сейчас многие живут без любви. Это ничего. Но мне интересно... Ты ведь не всегда такой была? Когда ты ведь делала глупости, читала стихи, гуляла по городу допоздна? Ты была ведь живой, настоящей, правда? Если бы я могла поговорить с той, живой и влюбленной, которая была когда-то давно и далеко, которая исчезла навсегда, оставив вместо себя ту, которая всегда думает о практической стороне вещей.

Я не знаю, что я бы ей сказала, но мне кажется, что у нас бы получилось поговорить. Мы бы поговорили, и нам стало бы легче. Честно говоря, мне так странно и дико было жить с тобой столько лет бок о бок, каждый день встречаться на кухне, даже смотреть иногда вместе новости, и при этом совсем тебя не знать как человека, и совсем с тобой не разговаривать. Ну так, по-настоящему, искренне разговаривать. У меня так вообще ни с кем не получается, это ладно, это ведь другие, чужаки, но ты? С тобой всё ведь не так должно быть? Мне кажется, что мы с тобой – два самых чужих и далёких человека на планете. Когда я слышала, как ты дома, прямо за стеной щёлкаешь выключателем, ставишь на тумбочку стакан с водой, мне казалось, что нет на планете двух более далёких и чуждых друг другу человека, чем мы с тобой. Разве так должно быть? Мама, мама, разве должно?

ТРЕТЬЯ (*берёт в руки пустой стул и выходит вперед*). Дорогая мамочка! Меня давно мучает такой вопрос: почему ты не сделала аборт? Вот правда, почему? Это был бы самый логичный и правильный шаг. Неужели ты в самом деле поверила, что с помощью ребёнка сможешь привязать мужчину к себе? Неужели ты в самом деле думала, что он не оставит тебя? Если да, то ты полная дура. Верить мужикам нельзя вообще, а ты не только поверила, ты ещё и ребёнка ради него родила. А о ребёнке ты подумала? Хотя бы двадцать минут своего времени ты уделила на то, чтобы сесть и спокойно, трезво подумать о своём будущем ребёнке? Подумать, что с ним будет, если мужик твой тебя все-таки бросит, или даже если не бросит – как жить ребёнку, который сам по себе никому не

нужен? Ты-то уж знаешь, каково это быть никому не нужной. Ты ни одному из них не нужна, мама. Они просто трахают тебя и выбрасывают, трахают и выбрасывают. А ты каждый раз веришь, что пришла настоящая любовь. Да что ты можешь знать о любви? Тебя никто никогда не любил и не полюбит. Лучше бы ты реально была шлюхой, как про тебя говорят соседи. Это бы означало, что ты адекватно воспринимаешь реальность. Но ты только бухаешь и веришь в свою хренову любовь. Да нет никакой любви, мама, нет её там, где ты её видишь! Почему ты никогда не видела меня, я ведь правда, по-настоящему любила тебя? Почему ты всегда была за других, а не за меня? Я и сейчас люблю тебя, мамочка. Больше всего на свете я хочу тебя ненавидеть, но я тебя люблю. И всё-таки, несмотря на это – не пошла бы ты на хер, мама?

Первая, Вторая и Третья одновременно бросают стулья на пол. Раздаются телефонные звонки. Каждая достаёт свой мобильник и отвечает на звонок.

ВТОРАЯ. Мама?

ПЕРВАЯ. Мамочка?

ТРЕТЬЯ. Что тебе нужно?

Включается музыка, заглушая голоса героинь. Они продолжают говорить, кружа по сцене, но их слов уже не слышно.

КОНЕЦ

Павел Соколов ПОМИНКИ ПО ФИЛУ

Действующие лица:

ЛЕНА ФОЛЬКМАН – 27 лет.	}	выпускники элитной школы №**
ВИКТОР ПРИХОДЬКО – 28 лет.		
АНАТОЛИЙ КОНРАД – 28 лет.		
НАТАША, она же Наталья. Сергеевна Кристиан (Лихачева) – 27 лет.		
ВОЛОДЯ – 27 лет.		
САША ИВАНОВ – 27 лет, муж Лены Фолькман.	}	исполняет один актер
СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ.		
ХАЙНЕР ХРИСТИАН – за 40 лет, муж Наташи.	}	исполняет один актер
ИВАН НАУМОВИЧ – 60 лет, директор элитной школы №**		
ФРЕЙД.		
ФРАНКЛ.		

ПРОДАВЩИЦА.
МЕДСЕСТРА.
СТЮАРДЕССА – под 30 лет. } исполняет
одна актриса

ДИМОН – сотрудник отца Володи, под 60 лет.
ЖЕНЩИНА В ХИДЖАБЕ.
ГОЛОС ОТЦА Володи.
ДВА МОЛОДЫХ БРИТОГОЛОВЫХ АВСТРИЙЦА.

Действие происходит в августе 2016 года.

ПРОЛОГ

Сцена первая

Израиль. Дом Ивановых-Фолькман.

ЛЕНА (*пытается застегнуть чемодан на колесиках*). Блядь! Не застегивается!

САША. Не выражайся.

ЛЕНА. Помог бы, блин!

САША. Не могу, шаббат.

ЛЕНА. Иванов, хватит вести себя как еврей!

САША. Но я же еврей.

ЛЕНА. Наличие бабки-еврейки со стороны отца ещё не делает тебя евреем. Наличие бабок не делает...

САША (*резко перебивает*). Ещё как делает!

ЛЕНА. Ага, вижу! Сидит, вон. Ребе! Мы здесь из-за меня. И только из-за меня! Твоя бабка была немкой.

Запись в домовый книге была подделана. Твоя мать мне всё рассказала.

САША. Не смей!

ЛЕНА. Я так на самолет опоздаю... У меня всегда всё ломается и теряется.

САША. Ты и не доедешь до аэропорта, шаббат же.

ЛЕНА. Ничего, я арабское такси вызвала.

САША. Как арабское!?

ЛЕНА. Шучу я. Помоги же! Оно вот-вот приедет!

САША. И всё-таки я не пойму, зачем тебе лететь на поминки какого-то гоя?

ЛЕНА. Этот гой был моим одноклассником. Понял?!

САША. И почему же я узнал о нем только вчера?

ЛЕНА. Блин, да потому что! *(Застёгивает чемодан.)* Ура! Кто молодец? Я молодец! *(Встаёт, выдвигает ручку, тащит чемодан к выходу.)* Саша, пойми, я должна. Я сто лет не видела своих одноклассников. Они для меня... как семья. Ты не учился в нашей школе, тебе не понять. И вообще... я устала, устала от жары, от шаббатов, от тебя. Гребаная пустыня! Бляяя!

САША *(встаёт)*. Значит, «как семья»? Но это же была твоя идея переехать в этот район, в религиозный квартал?

ЛЕНА. Но я не предлагала быть религиозными. Ты даже интернет, интернет, сука, сделал кошерным!

САША. Как же меня бесит, когда ты материшься.

ЛЕНА. Кушай на здоровье. А вообще «сука» – это не мат. Если фамилия Иванов, значит, ты эксперт по мату?

САША. Лена, ты выносишь мне мозг! Почему мы не можем жить мирно?!

ЛЕНА. Здесь? Тебе напомнить про тот случай, а?!

САША. Только не начинай. Мы переехали, чтобы забыть. Здесь безопаснее.

ЛЕНА. Потому что соседи постоянно за нами приглядывают? Ну, чего молчишь? Я валяю!

САША. Ты не можешь меня бросить вот просто так. Тебя же соседи увидят!

ЛЕНА. Соседи, блядь. Вот про это я и говорю! Ещё как могу! Я уже это сделала!

Саша подходит к Лене и резко берёт ее за руку.

Отпусти! А не то я закричу, и все узнают, что в шаббат ты изнасиловал свою жену. Я заявление напишу в полицию.

Саша отпускает руку Лены.

Вот молодец. *(Пауза.)* Ты сильно изменился. Заигрался!

САША. Ты тоже. И мат ты использовать не умеешь. Совсем.

Раздаётся сигнал подъехавшего такси.

Паспорт не забыла?

ЛЕНА. Нет, и тот, и другой.

САША. Российский тебе ни к чему.

ЛЕНА. Вдруг пригодится.

САША. Давай хотя бы помогу донести чемодан до машины.

ЛЕНА. А как же шаббат, наши дорогие соседи?

САША. Да пошли они!

Саша берёт чемодан. Оба уходят. Слышен шум отъезжающей машины. Саша возвращается. Неожиданно в окно влетает камень, разбивая стекло.

Сцена вторая

Придорожный магазин на бензоколонке в Швейцарии недалеко от австрийской границы. Входит Володя в слегка упоротом состоянии.

ВОЛОДЯ. Мне бутылку колы.

ПРОДАВЩИЦА. Пол-литра или литр?

ВОЛОДЯ. Пол.

ПРОДАВЩИЦА (*достает бутылку*). Два франка.

ВОЛОДЯ. Чего?

ПРОДАВЩИЦА. Два швейцарских франка. Вы же в Швейцарии.

ВОЛОДЯ. Где? (*Пауза.*) А почему вы говорите по-русски?

ПРОДАВЩИЦА. У меня к вам тот же вопрос. Можем для приличия поболтать по-немецки. Ну, или там по-французски.

ВОЛОДЯ. Но я же ехал в Вену...

ПРОДАВЩИЦА. Вы ошиблись.

ВОЛОДЯ. Так мне повернуть обратно?

ПРОДАВЩИЦА. Только не вздумайте здесь за-

правляться. В 2014 году это ещё имело смысл. Но три франка за литр колы!

ВОЛОДЯ. Только что было два. Вы карточки принимаете?

ПРОДАВЩИЦА. Вы меня застали в конце смены. *(Пробивает покупку.)* А зачем вам в Вену?

ВОЛОДЯ. Так, встреча одноклассников. Один наш общий друг вскрыл себе вены, будем его вспоминать.

ПРОДАВЩИЦА *(смеется)*. Он вскрыл вены в Вене?

ВОЛОДЯ. В Праге. Сходил в музей Франца Кафки, вернулся домой и тыц. А вы здесь давно живёте?

ПРОДАВЩИЦА. Уже пять лет как. Я сюда вслед за мужем переехала. Я с ним на последнем курсе аспирантуры познакомилась. Потом мы развелись. В общем, ничего интересного. А у вас неплохая машина.

ВОЛОДЯ. Напрокат взял. Других не было. У вас интересная судьба.

ПРОДАВЩИЦА. А вы чем занимаетесь?

ВОЛОДЯ. Я не помню.

ПРОДАВЩИЦА. Это как так? Шутите, что ли?

ВОЛОДЯ. Сейчас я выпью колу и вспомню. Здесь она такая вкусная, как у нас в девяностые... *(Разворачивается к выходу.)*

ПРОДАВЩИЦА. Вы бутылку не взяли.

ВОЛОДЯ. А почему?

ПРОДАВЩИЦА. И карточку забыли.

ВОЛОДЯ. Иногда нужно спать.

ПРОДАВЩИЦА. Главное, с кем ты это делаешь. Знаете что, оставайтесь у меня на ночь. Завтра вы поедете в свою Австрию. А я вам лекцию про средневековые гобелены прочту.

ВОЛОДЯ. Лабутены?

ПРОДАВЩИЦА. Гобелены. Это тема моей диссертации.

ВОЛОДЯ. Но так я опоздаю.

ПРОДАВЩИЦА. На поминки трудно ведь опоздать.

ВОЛОДЯ. Ааа... давайте!

ПРОДАВЩИЦА. Так вас как зовут, ситуанен?

ВОЛОДЯ. Володя.

ПРОДАВЩИЦА. А меня Лера. В честь бабушки по материнской линии.

ВОЛОДЯ. А меня в честь дедушки по советской линии.

ПРОДАВЩИЦА. Ждите меня в машине. Скоро сменщица моя придёт.

ВОЛОДЯ. Хорошо. *(Выходит.)*

Слышен звук отъезжающего автомобиля.

ПРОДАВЩИЦА. Что со мной не так?!

Сцена третья

Разговор по скайпу.

АНАТОЛИЙ. Нет, объясните мне! Почему мой сын не может учиться в нашей школе? Её закончили я, мой отец.

ИВАН НАУМОВИЧ. Пойми, много заявлений было. Конкурс...

АНАТОЛИЙ. Отлично, просто замечательно! То есть, по-вашему, мой сын слишком туп для данного заведения?

ИВАН НАУМОВИЧ. Я ничего подобного не утверждал. Не в этом дело.

АНАТОЛИЙ. А в чём? В чём тогда? Объясните мне, дураку!

ИВАН НАУМОВИЧ. Пойми, Толенька, школа нуждается... Как бы тебе это объяснить... в дополнительных источниках финансирования. У школы сейчас нет такой... возможности. Возможностей нет. Понимаешь?

АНАТОЛИЙ. Поэтому вы берёте сынка чиновника! Или кого там ещё? А как же традиции?

ИВАН НАУМОВИЧ. Анатолий, ты копия своего отца. Как же мне было тяжело его учить... *(Пауза.)* Традиции как раз сохраняются. Вот тут не надо! Даже слишком хорошо. Скольким ребятам из простых семей мы были вынуждены отказать в советское время. Ко мне приходил твой дед и также качал права. Извини, что говорю с тобой так. Тогда здесь учились дети ученых. Элита. Но элита поменялась, Толя. Прости меня за нескромный вопрос. Сколько ты зарабатываешь в месяц?

АНАТОЛИЙ. Я преподаю в университете, скоро получу грант, поеду в Японию...

ИВАН НАУМОВИЧ. Ты разведен, ты платишь алименты. *(Пауза.)* Катя всегда была девушка с характером. Я её хорошо помню. Вы с восьмого класса сидели за одной партой.

АНАТОЛИЙ. То есть, ничего нельзя сделать?

ИВАН НАУМОВИЧ. Подумать надо, подумать.

АНАТОЛИЙ. Обидно мне, обидно. Да ещё смерть Филя...

ИВАН НАУМОВИЧ. Сегодня вылетаешь?

АНАТОЛИЙ. Я уже здесь.

ИВАН НАУМОВИЧ. Филипп, такая утрата для науки...

АНАТОЛИЙ *(слышит виброзвонок)*. Ой, это Катя, извините, я вам потом перезвоню.

Действие I

Сцена первая

300

Сад возле дома Хайнера Кристиана. Здесь и там посажены различные виды крыжовника. По газону разбросаны бутылки из-под пива и вина после вчерашней попойки. Круглый стол перевернут вверх ножками. В шезлонге загорает Лена в бикини, почитывая книгу. На краю шезлонга лежит её смартфон. Появляется Наташа с пластиковым пакетом в руке.

НАТАША. Сколько говна! *(Собирает мусор.)* Вот и поминки. Что читаешь, Лен?

ЛЕНА. Музиль. «Человек без свойств».

НАТАША. Музиль?

ЛЕНА. Ты спрашивала, что я читаю. По ходу, прижизненное издание. У твоего мужа офигенная библиотека! Иерусалимский универ обзавидуется.

НАТАША. Он тратит на книги больше, чем на меня.

ЛЕНА. Интеллигенты и хипстеры во всём мире одинаковые. Мой тоже помешался. Но не на книгах... *(Откладывает книгу в сторону.)* Святая земля меняет людей.

НАТАША. Другие страны вообще. *(Оставляет пакет с мусором, раскладывает другой шезлонг, садится рядом с Леной.)*

ЛЕНА. Какое здесь мягкое солнце. Как хорошо, когда лучи тебя не обжигают. В России солнце слишком холодное, в Израиле слишком жаркое. А здесь...

НАТАША. Как думаешь, может, он из-за того, что переехал не в ту страну?

ЛЕНА. Не хочу думать об этом сейчас. И так голова гудит после вчерашнего.

НАТАША. Ты никогда не умела пить.

ЛЕНА. Когда-то умела.

НАТАША. Помнишь квартирник у меня тогда?

ЛЕНА. Извини ещё раз, Ната, что заблевала тот ковер... Откуда он был?

НАТАША. Из Ливана, там дед работал ещё до войны. Мне больше диван было жалко. Его ребята прожгли, когда гаванские сигары курили. Нашли же! Он ещё с нашей старой арбатской квартиры.

ЛЕНА (*напевает*). Ах, Арбат, мой Арбат... Стену Цоя ещё не покрасили?

НАТАША. Не знаю, вроде нет. Я в Москве давно не была. Надо бы у Толи спросить. Но если бы они это сделали, мы бы узнали.

ЛЕНА. Я тоже давно. Не была. Надо бы слетать туда хотя бы на выходные. И собраться, как тогда.

НАТАША. Не получится, как тогда. Филя больше нет.

ЛЕНА. А ещё все разъехались... Паша в Штатах, Тёма в Англии.

НАТАША. И вот мы нашли повод. Фил снова оказался заводилой. Помнишь, тогда на даче у Толи. Класе в восьмом. Он предложил...

ЛЕНА. Не начинай опять. Мы вчера толком не поговорили о тебе. Фил, Фил, простофил... достал! И после смерти достаёт. Расскажи, как ты тут? Судя по Фейсбуку, всё у тебя замечательно. Венские кофейни, селфи в филармонии.

НАТАША. Ничего особенного, ты знаешь. Репетиторствую. В библиотеке подрабатываю. Четыреста евро в месяц выходит. Но у Кристиана квартира в центре. Он её сдает. А так получает мало.

ЛЕНА. А мы в религиозном квартале живём. Их черными называют. Кварталы. Там жизнь тоже не подарочек.

НАТАША. Это Александр так решил?

ЛЕНА. Сашка-какашка, да. Мы переехали туда после того случая. Не хочу об этом вспоминать.

Пауза. Из дома выходит заспанный Анатолий.

АНАТОЛИЙ. Загораете? (*Замечает пакет с мусором.*) Может, помочь?

ЛЕНА. Тебе самому помощь нужна.

НАТАША (*одергивая*). Ленкин! Спасибо, Толь, я почти закончила.

АНАТОЛИЙ. Всё-таки вы вчера были не правы насчёт Фила.

ЛЕНА. И ты туда же. Только не сегодня. Голова гудит.

НАТАША. Хорошо, предложи свою версию.

АНАТОЛИЙ. Я с ним давно не общался. Может, всё дело в его родителях. Они загоняли его с самого детства, вот он и начал верить, что у него способности выше средних. А были... ну, просто средние. А он не хотел быть средним человеком. Вы же помните, он был самым упорным среди нас.

ЛЕНА. Упоротым!

НАТАША. Лен!

ЛЕНА. Вот и сменил обстановку.

АНАТОЛИЙ. Он приехал в Европу, а здесь его упорства и знаний было мало. А он этого просто не смог выдержать. Ведь ему говорили, что он особенный, а выяснилось...

ЛЕНА. Толя, у него просто поехала крыша. Вот и всё. Такое случается.

НАТАША. Лена, как ты можешь?

АНАТОЛИЙ. Я не верю, что всё так просто. Слишком он был упорный человек.

ЛЕНА. Упорный, упорный, упорный! Ещё раз повтори, давай! Просто и тебе, Толенька, хочется верить,

что ты особенный. Что мы все такие замечательные. Нам это вбивали в голову с самого раннего детства в нашей ёбаной школе. Интеллектуальная элита, блядь.

НАТАША. Не выражайся, пожалуйста. У тебя же родители доктора наук.

ЛЕНА. Мат – это часть моего родного языка. Неприятная, но часть. И давайте закроем тему с Филом – о мертвых либо хорошо, либо ничего. А я вспоминаю сейчас только всякое говно. Можете обсуждать его – но без меня!

НАТАША. Зачем же тогда ты приехала?

Из дома выходит Виктор. Выглядит бодро.

ВИКТОР. Бонжур, мон шерс ами! Чё такие грустные? Опять о Филе? Всё докапываетесь до истины?

Тишина.

ВИКТОР. А вы видели, чё они еще понаписали в Фейсбуке?

НАТАША. Я же просила, без телефонов! Кристиан терпеть не может все эти гаджеты в доме!

ЛЕНА. Вообще-то, сейчас мы и не в доме.

ВИКТОР. А я не мог не зайти, мне по работе надо было. Блин, там такое! Скандал разгорается, там, по ходу, всё серьезно. Хана нашей школе!

ЛЕНА. Вить, не пиз... *(оглянувшись на Наташу)* не говори ерунды!

НАТАША. Кто написал-то?

ВИКТОР. Смотрите сами, я переслал.

Наташа, Лена, Анатолий достают свои смартфоны, читают. Виктор собирает мусор в мешок, наводит порядок.

ЛЕНА. Бляяя, это пиздец!

НАТАША. Полный, Лен. Это травля.

АНАТОЛИЙ. Как они могли?

ВИКТОР. Се доммаж!

Появляется Кристиан в спортивной форме после тренировки.

КРИСТИАН. Как дэла?

ВИКТОР. Нормально.

КРИСТИАН. Почему ви русские всэкта отвэчаэте «нормално»?

ЛЕНА. Я не русская. И Анатолий тоже!

КРИСТИАН. Проститэ...йеесли йя фас оскорбить. Што-то случилось?

НАТАША. Всё хорошо, дорогой.

КРИСТИАН. Токда йа пойту приму туш. Ви зафтракали?

ЛЕНА. Успеется.

КРИСТИАН. Што?

АНАТОЛИЙ. Потом.

КРИСТИАН. Ааа... Поняль. *(Уходит.)*

ВИКТОР. Славный он малый.

НАТАША. Какой есть.

ЛЕНА. Он в каком-то своём мире живёт.

НАТАША. Так он реально в своём мире.

АНАТОЛИЙ. Ты в Москве с ним познакомилась?

НАТАША. Нет. Здесь. Когда училась в Венском университете. Он меня сперва в кафе приглашал. Потом опера, театр, филармония. Кристиан постоянно твердил о Чехове, Толстом, Бердяеве. Меня называл Наташей Ростовской. А потом приехал ко мне в Москву и сделал предложение.

ВИКТОР (*саркастично*). Ком се романтик. Чехофф!

ЛЕНА. Витя, ты не меняешься.

НАТАША. У нас была любовь.

АНАТОЛИЙ. А почему была?

НАТАША. Да потому.

ЛЕНА. Вот и мне с Сашей не повезло.

АНАТОЛИЙ. А я промолчу.

ВИКТОР. Толь, все и так знают, как вы расставались. Весь Фейсбук за этим следил.

ЛЕНА. Фейсбук, блин... Народ, что делать-то будем? Они же хотят уничтожить нашу школу.

ВИКТОР. А чё мы можем сделать?

АНАТОЛИЙ. А если это правда?

НАТАША. Люди, а Володя так никому и не написал?

ЛЕНА. А он-то что? Думаю, опять въехал в дерево.

АНАТОЛИЙ. Да не меняйте вы тему!

ВИКТОР. Такие, как Володя, вечно въезжают не в те деревья.

ЛЕНА. Или выкуривают не те деревья. И вечно из всего выпутываются.

ВИКТОР. Или их отмазывают. Знаете, кто его настоящий отец? Он же не под своей фамилией учился.

Сигнал оповещения в смартфонах. Одноклассники хватаются за свои мобильники.

ВИКТОР. Они даже данные его с сайта удалили!

КРИСТИАН (*появляясь*). Кто сломал дверь в ванная?

Полная тишина.

Сцена вторая

Гостиная в доме Кристиана. В центре круглый низенький стол, вокруг него расставлена антикварная мебель: диван и два кресла. Вдоль стен стоят старинные книжные шкафы, забитые книгами. Слева от гостиной – дверь в коридор и к входной двери. Справа – кабинет Кристиана. Сзади лестница на второй этаж. Под лестницей дверь на кухню и в сад. Возле одного из шкафов стоит Анатолий, рассматривает книги, берёт заинтересовавший его том, листает. Раздаётся звонок в дверь. Анатолий не обращает внимания, погружен в чтение. Сверху спускается Наташа, быстро бежит к входной двери. Слышен её голос: «Найн! Данке!» Наташа возвращается в гостиную, садится в кресло.

НАТАША. Достали, опять спрашивали, нет ли работы...

АНАТОЛИЙ. Ты что-то сказала?

НАТАША. Да так, сама с собой разговаривала. Много мигрантов. Эти, кажется, из Боснии. Спрашивали, нужно ли помочь по саду.

АНАТОЛИЙ. Понятно. Отличная книга. Где Кристиан их достаёт?

НАТАША. Это лишь вершина айсберга. Большая часть его библиотеки в загородном доме. Там он обычно и работает.

АНАТОЛИЙ. Понятно.

НАТАША. Интересная?

АНАТОЛИЙ. Что?

НАТАША. Книга.

АНАТОЛИЙ. Да, удивительно. Но это советское издание. Издательство «Academia». 1937 год, год разгрома издательства. Откуда она у него?

НАТАША. Его дед работал в Советском Союзе долгое время. Интерес к России – это у него наследственное.

АНАТОЛИЙ. Здесь дарственная надпись от редактора. Большая часть сотрудников издательства была репрессирована. Думаю, и этот человек тоже. У меня тоже кто-то из предков там работал... но им повезло, их только сослали.

НАТАША. Страшное было время. Дед Кристиана погиб в сорок пятом году здесь в Вене во время бомбежки. Так глупо – в конце войны.

Пауза.

АНАТОЛИЙ (*ставит книгу на место, садится в кресло напротив Наташи*). А ещё я видел у него в кабинете книжки Дугина. Целая полка. Ты же знаешь, что это за человек?

НАТАША. Он его фанат! Когда был в Москве, то даже ходил на его лекцию и попросил автограф. А здесь читал доклады по евразийству.

АНАТОЛИЙ. Ты шутишь?

НАТАША. Если бы.

АНАТОЛИЙ. В этом беда всех этих европейских псевдо-интеллектуалов.

НАТАША. Кристиан не псевдо-интеллектуал!

ВИКТОР (*входит с макбуком под мышкой*). Что за шум, а драки нет?

НАТАША. Витя, ты меня напугал!

ВИКТОР (*садится на диван, открывает макбук*). Уж извини, в следующий раз пришлю фельдъегеря вперед себя.

НАТАША (*указывая на макбук*). Я же просила! Опять работа?

ВИКТОР. А как же.

АНАТОЛИЙ. Деловой ты наш человек.

НАТАША (*вставая*). Ладно, ребят, я пойду наверх, проведу Лену, что-то она долго в ванной, как бы чего не случилось. Она какая-то нервная. (*Уходит.*)

АНАТОЛИЙ. Ты сегодня куда-то ездил?

ВИКТОР (*печатая*). Так, с приятелем встречался. Работает в нашем посольстве в Вене. Не хочешь на дипломатический приём?

АНАТОЛИЙ. Опять шутки шутишь?

ВИКТОР. Пуркуа?

АНАТОЛИЙ. Витя, завязывай со своим французским. Мы все давно поняли, что ты его прекрасно выучил. Я же по-японски не говорю при всех?

ВИКТОР. Это старая добрая традиция нашей аристократии и интеллигенции. Так что, пуркуа па?

АНАТОЛИЙ. Кстати, ты так и не рассказал про свою работу.

ВИКТОР. Зайди в Фейсбук или Линкедин, посмотри в профиле. Там всё написано.

АНАТОЛИЙ. Блин, Витя. Не надо так реагировать!

ВИКТОР. Не надо тупые вопросы задавать! Мне надо курс биткоина ещё проверить.

АНАТОЛИЙ. Биткоина?

ВИКТОР. Забудь. Это мои дела, не все же деньги в банке хранить.

Пауза.

АНАТОЛИЙ. Был в кабинете у Кристиана?

ВИКТОР. Он сам мне его показывал.

АНАТОЛИЙ. Видел книжки этого Дугина?

ВИКТОР. А как же! Кристиан даже сунул мне одну с его автографом.

АНАТОЛИЙ. Что думаешь?

ВИКТОР. Насчёт Кристиана или этого идеолога?

АНАТОЛИЙ. Блин, Витя!

ВИКТОР. Один из них долбанутый.

АНАТОЛИЙ. Понятно.

ВИКТОР. А так библиотека у него отличная. По моей оценке тысяч двести-триста евро стоит.

АНАТОЛИЙ. Наташа сказала, что это лишь малая её часть.

ВИКТОР. Зато я примерно понимаю, что она в нём нашла. Кстати, я загуглил имя Кристиана. Смотри! *(Показывает на монитор.)* Я выключу звук, вдруг он услышит. Здесь есть субтитры.

Виктор и Анатолий смотрят запись.

АНАТОЛИЙ. Довольно! Что за бред!

ВИКТОР. Вот-вот. Се доммаж. Особенно хорош момент, где он говорит, что Путин – это модель лидерства для всей Европы. Человек и модель.

АНАТОЛИЙ. Как ему в голову это пришло?

ВИКТОР. А тебя не смущает, как ему аплодируют? Он не один. И таких, как он, всё больше.

АНАТОЛИЙ. Не хочу про это думать. И так своих проблем хватает.

Пауза.

ВИКТОР. Слушай, а чемпионаты по «Шляпе» ещё проводятся в нашей школе?

АНАТОЛИЙ. А как же!

ВИКТОР. Сто лет не играл.

АНАТОЛИЙ. Меняешь тему?

ВИКТОР. Уи, се врэ. Просто вспомнил вдруг, как раньше в неё резались. Я в прежние дни по четыре, а то и по пять слов за раз брал.

АНАТОЛИЙ. Но то были твои собственные слова.

ВИКТОР. Есть за мной грешок. Се мон абитьюд. Ну что, сегодня вечером устроим турнир?

АНАТОЛИЙ. Отличная идея!

Из кабинета выходит Кристиан.

КРИСТИАН. Ви нэ видэли Наташу?

ВИКТОР. Найн.

КРИСТИАН. Йэщо раз прощу вас, говоритэ со мной по-русски в моем доме. Йя учу язык.

ВИКТОР. Извини. Забываю постоянно. Она пошла наверх, посмотреть, как там Лена.

КРИСТИАН. Йа. Спасибо. И йя фсё нэ могу понять, кто сломаль двэр в ванной...

ВИКТОР. Если идёшь наверх, то скажи девчонкам, что сегодня играем в «Шляпу».

КРИСТИАН. Вас?

АНАТОЛИЙ. «Шляпа». Хэт. Игра такая интеллектуальная.

КРИСТИАН. Нэ понял.

ВИКТОР. Скажешь им про «Шляпу», и они поймут.

КРИСТИАН. Йа! Корошо. *(Поднимается на второй этаж.)*

ВИКТОР. Даже странно, что он и человек на видео — это одно и то же лицо.

АНАТОЛИЙ. От Володи никаких известий? В он-лайн не выходил, на звонки не отвечает.

ВИКТОР. Такие, как он, не пропадут.

АНАТОЛИЙ. Не надо так.

ВИКТОР. А что, я не прав? Он и Фил, двое из ларца. Из-за них вечно были одни проблемы. Ты же знаешь, они люди не нашего круга. А Фил так вообще из быдляцкой семьи.

АНАТОЛИЙ. Витя, блин!

ВИКТОР. Хорошо, заткнулся.

АНАТОЛИЙ. Ты прав, они с Филом в чём-то похожи.

ВИКТОР. Вот только нашему дорогому другу Володеньке с семьёй больше повезло. Вовочку постоянно спасают.

КРИСТИАН (*спускаясь по лестнице*). Йя в кабинэт работат. (*Раздаётся звонок в дверь*.) Вас ист дас? (*Уходит в коридор*.)

ВИКТОР. Дас ист Михайлов Стас.

АНАТОЛИЙ (*смеётся*). А если это Володя?

Слышен голос Кристиана: «Найн! Ферштейн зи мих? Найн!»

(*Отвечает на звонок смартфона*.) Иван Наумыч, здравствуйте! Да-да, это я вам звонил. Да, вас плохо слышно. Я сейчас включу громкую связь.

ИВАН НАУМОВИЧ (*слышен по громкой связи*). Ничего нельзя! Ничего! Это какой-то ужас. Я и не знал, что у нашей школы столько врагов. Столько врагов...

АНАТОЛИЙ. А как насчёт моего сына?

ИВАН НАУМОВИЧ (*продолжая*). Мне позвонили с самого верха, недавно пришли письма с угрозами...

АНАТОЛИЙ. Иван Наумыч, это очень важный для меня вопрос. Катя не простит мне, если...

ИВАН НАУМОВИЧ (*отвечая*). Толенька, я уже ничего не решаю. Ничего! Боюсь, тебе придётся договариваться с новым...

Связь резко обрывается.

АНАТОЛИЙ. Алло! Иван Наумыч! Чёрт! Не дозвониться!

ГОЛОС КРИСТИАНА. Можнó потишэ!

АНАТОЛИЙ. Извини.

Сцена третья

Ванная в доме Кристиана. Лена принимает ванну и читает книгу. Стук в дверь.

314

ЛЕНА. Открыто.

НАТАША (*входит, прикрывая дверь*). Ну, ты молодец. Написать на двери мелом «Здесь Лена»!

ЛЕНА. Шпингалет же кто-то сломал.

НАТАША. Всё читаешь?

ЛЕНА. Мы же народ книги. Что ещё делать?

НАТАША. Ты всё такая же.

Лена резко целует Наташу в губы. Та отталкивает её. Книга падает в воду.

ЛЕНА. Блядь!

Лена пытается спасти книгу, Наташа ей помогает.

НАТАША (*вытирает книгу полотенцем, кладёт рядом*). Кристиан меня убьёт!

ЛЕНА. Но мы же ему ничего не скажем?

НАТАША. Мы уже не подростки. Больше никаких экспериментов! Никаких!

ЛЕНА. Блядь! Ната, хоть ты не еби мне мозг!

Пауза.

ЛЕНА (*резко*). Сигареты есть?

НАТАША. Чего?! Но Кристиан не любит, когда в доме курят.

ЛЕНА. Но мы же ему не скажем?

НАТАША. Чёрт с тобой!

Наташа достаёт из кармана пачку сигарет. Обе закуривают. Используют раковину вместо пепельницы.

ЛЕНА. Кайф! Всё-таки ты права, раньше всё было иначе.

НАТАША. Мы были другими.

ЛЕНА. Такими же... (*Через паузу.*) Мне было пятнадцать лет. Наш учитель пригласил меня к себе на квартиру. Она вся была завалена книгами. Мы занимались, а потом мы занялись...

НАТАША. Я не хочу этого знать, Лен! Не хочу! Не хочу!

ЛЕНА. Нет, ты хотела всё знать! А правда ещё та сука. Она ранит. Калечит.

НАТАША. Хорошо. Продолжай.

ЛЕНА. Мы встречались ещё два года. Я поступила в МГУ. И... он завёл себе новую подружку. Ты её помнишь. Света Абраменко. Ты не представляешь, как хреново мне тогда было! Меня поимели!

НАТАША. Твой муж знает про это?

ЛЕНА. Я ему не рассказывала. Но он давно обо всём догадался. Мы с ним познакомились на четвертом курсе. Он изучал иудаику, все уши мне прожужжал про Израиль. Со своей-то фамилией.

НАТАША. Ну да – Иванов.

ЛЕНА. Мы быстро расписались, а затем репатриировались. Там у него окончательно крышу сорвало на теме религии. Его чёртики в голове отвлекли моих. Он хотел детей, я же пила противозачаточные. А потом произошёл тот случай.

НАТАША. Ты знаешь, что Фил был в тебя влюблён?

ЛЕНА. Знаю. Но против нашего историка у него не было шансов. Да и мне тогда нужен был мужчина, а не подросток. Подростки не нужны ни в каком возрасте.

НАТАША. Мы сами были подростками.

ЛЕНА. Ещё есть сигареты?

Наташа бросает пачку сигарет и зажигалку в воду. Подруги начинают громко смеяться. Раздаётся резкий стук в дверь. Наташа и Лена замолкают.

НАТАША. Да?

КРИСТИАН (*из-за двери*). Наташа, всё карашо?

НАТАША. Нормально, Кристиан.

КРИСТИАН. Йя слышаль шум.

ЛЕНА. Это мы так разговариваем.

КРИСТИАН. Йа, гут. Мнэ надо работат. Я в свой кабинет. (*Себе.*) Сигареттен...

НАТАША. Мы поняли тебя, спасибо!

КРИСТИАН (*так же из-за двери*). Та, и йещо. Ваши друзиа звали вас икрать в «шляпа».

ЛЕНА. В «шляпу»?

КРИСТИАН. Йа. «Шляпа».

НАТАША. Скажи, что мы скоро спустимся.

Раздаётся звонок во входную дверь. Слышно, как Кристиан быстро спускается по лестнице.

ЛЕНА. Он неплохой человек, Ната.

НАТАША. Не забудь вымыть ванную.

ЛЕНА. Разумеется, блядь.

Наташа выходит. Лена пытается закурить мокрую сигарету.

Сцена четвертая

На ступеньках у подножия памятника Советским воинам-освободителям в Вене сидит Володя.

ВОЛОДЯ. Ну я и уебок! Проебал всё, что можно... (*Закуривает.*)

Появляется Фрейд. Он замечает, что Володя пристально смотрит в его сторону.

ФРЕЙД (*Володе*). Я отказываюсь быть вашей галлюцинацией! (*Достаёт сигару и закуривает.*) Да, это просто сигара!

Володя и Фрейд затягиваются синхронно. Фрейд уходит.

ВОЛОДЯ. Ну и трава...

К нему подходит Советский солдат образца 1945-го года, словно списанный с плаката, но гимнастерка на груди изрешечена автоматной очередью.

СОЛДАТ. Дай закурить, браток!

Володя достаёт пачку сигарет.

(*Берёт одну, закуривает.*) Лендлизовские?

ВОЛОДЯ. Не знаю. Наверное.

Табачный дым начинает выходить из пулевых отверстий в груди Солдата.

СОЛДАТ. Вот, падла! На том свете покурить не дают! (*Кричит в небо.*) Ну, сколько ещё я тут должен хуем груши околачивать?

ВОЛОДЯ. Я умер?

СОЛДАТ. Ты жив, падла. Все вы живы. Формально. (*Садится рядом, бросает окурочек на землю.*) Как там, в Союзе?

ВОЛОДЯ. В каком Союзе? Европейском?

СОЛДАТ. Не будь мудаком, Союз может быть только один – Советский!

ВОЛОДЯ. Его нет. И уже давно.

Пауза.

СОЛДАТ. Бля! Тот-то я и смотрю, чё-то тут не так! Я давно уже подозревал. Цветов как-то меньше год от года. Не повезло мне погибнуть в самом конце войны...

ВОЛОДЯ. У меня дед воевал. Он генералом НКВД был.

СОЛДАТ. Значит, ты внучок красноперого?

ВОЛОДЯ. А отец в КГБ служил.

СОЛДАТ. Это чё за наркомат такой?

ВОЛОДЯ. Комитет госбезопасности.

СОЛДАТ. А-а-а, МГБ. Знаю, знаю. Там, где Абакумов.

ВОЛОДЯ. Его расстреляли.

СОЛДАТ. Давно пора было. Таких надо веером, от бедра.

ВОЛОДЯ. А ты не знаешь, где Запад, я потерялся.

СОЛДАТ. Тебе куда нужно?

ВОЛОДЯ. Ингельштрам, инбель, индостанштрассе... не помню ни фиги!

СОЛДАТ *(достает из своего кожаного планшета карту, показывает её Володе)*. Мы здесь. Запад там. Тебе куда?

ВОЛОДЯ. Куда-то в этот район.

СОЛДАТ. Смотри, браток. Тебе нужно сюда, сюда, затем налево. А опосля прямо. Запомнил?

ВОЛОДЯ. Не знаю. Как дойду, пойму.

Рядом слышится чья-то речь.

О, вон пацаны какие-то. У них спрошу.

СОЛДАТ. Но почему они в чёрном и одеты как полицаи?

ВОЛОДЯ. Да какая разница?! *(Встаёт и идёт к пацанам.)*

СОЛДАТ. Во дурак! Во дурак!

Слышны звуки драки. Солдат уходит.

Сцена пятая

*Ранний вечер. Гостиная в доме Кристиана. Наташа, Виктор, Анатолий и Лена сидят вокруг стола и играют в «Шляпу».**

Все листки со словами сложены в цилиндр. За временем следит Лена, у неё установлен секундомер на смартфоне.

НАТАША *(достаёт листки и объясняет слова Виктору)*. Это твое. Удорожание денег.

* Игра в «Шляпу». Участники пишут существительные в именительном падеже на листках, затем они должны за двадцать секунд объяснить партнеру как можно больше слов, не используя однокоренные и прямые переводы.

ВИКТОР. Дефляция. Дальше!

НАТАША. Последний придворный чин Пушкина.

ВИКТОР. Камер-юнкер.

НАТАША. Житель Тайваня по-старому.

ВИКТОР. Чего? По слогам.

НАТАША. Есть содержание, а есть, ну?

ВИКТОР. Форма... А-а-а... Формозец!

Пикает смартфон.

ЛЕНА. Время! *(Передаёт смартфон Виктору.)*

Наташа отдаёт цилиндр Лене.

АНАТОЛИЙ. Неплохо, три слова взяли.

ЛЕНА. Хоть бы мои попались!

НАТАША. Готовы? Начали!

ЛЕНА *(объясняет Анатолию)*. Израильский парламент.

АНАТОЛИЙ. Кнессет. Твоё.

ЛЕНА. Притча о добром...

АНАТОЛИЙ. По ассоциациям!

ЛЕНА. Есть Саратов, а есть?

АНАТОЛИЙ. Самаритянин!

ЛЕНА. Должность перед эдилом.

АНАТОЛИЙ. Квестор.

Пикает смартфон.

НАТАША. Время!

ВИКТОР. Все-таки сразу понятно, кто какие слова писал.

НАТАША (*берёт цилиндр, достаёт листки, обьясняет Лене*). Ну и слова. Готова, Ленкин?

АНАТОЛИЙ (*включает таймер*). Банзай!

НАТАША. Есть большевик, а есть...

ЛЕНА. Эсер, кадет.

НАТАША. Не-т, ну, больше-меньше...

ЛЕНА. А-а-х, меньшевик!

НАТАША (*немного в ступоре*). Мужской половой орган.

ЛЕНА. Это моё слово. Фалоимитатор.

НАТАША. Я же просила! (*Резко встаёт из-за стола.*)

АНАТОЛИЙ. Время!

ЛЕНА. Нормальное же слово. Это не мат даже.

АНАТОЛИЙ. Давайте соблюдать... этику.

ЛЕНА. Толя, ты мудака?

ВИКТОР. Баста! Давайте продолжим. Мы не маленькие. Кто кому?

НАТАША. Настроение пропало. (*Садится.*)

Пауза.

ЛЕНА. А в нашей школе всё ещё проводят чемпионаты по «Шляпе»?

АНАТОЛИЙ. Ты же знаешь. Я правда только на одном был. Кате раньше нравилась эта игра.

ВИКТОР (*Анатолию*). Мон ами! Опять ты за своё! Отпусти ситуацию!

НАТАША. Давайте играть дальше! Я отошла.

Лена передаёт цилиндр Виктору. Сама берёт смартфон, на него тут же приходит уведомление. Лена погружается в чтение.

АНАТОЛИЙ (*Виктору*). Сейчас ты мне объясняешь?

ВИКТОР. Вроде да.

АНАТОЛИЙ. У кого время?

НАТАША. Лена!

ЛЕНА. Блядь! Это невозможно! Такой срach подняли! Ещё посты. (*Разворачивает смартфон, быстро показывает посты*). Похоже вчерашние посты – это только начало. Сегодня новая порция.

АНАТОЛИЙ. Плохо дело.

НАТАША. Они реально хотят уничтожить нашу школу... Но за что?

АНАТОЛИЙ. Из-за одного мудака.

ВИКТОР. Из-за сложившейся системы. Ла коррупсьон. Можно подумать, мы не знали про всё это?

ЛЕНА. Витя, ты на чьей стороне?

ВИКТОР. Здесь могут быть стороны? Только жертвы. Я думал сегодня про это... и, предупреждаю, вы меня сейчас убьёте, но... Я рад, что она и другие люди написали это. Каждый год одно и то же. Меня это не касалось. Но вы сами знаете имена всех подружек нашего... (*Кивает в сторону Лены.*)

ЛЕНА (*в бешенстве*). Какое твоё собачье дело?

ВИКТОР. Лена?!

АНАТОЛИЙ (*Лене*). Успокойся!

ЛЕНА (*Анатолию*). А ты вообще заткнись, лузер! С кем хочу, с тем и трахаюсь! Мне было шестнадцать лет, я уже была взрослой. Моя личная жизнь – это моё личное дело!

ВИКТОР. Но ведь таких, как ты, было несколько!

ЛЕНА. Но это не дело школы! Просьба не лезть без спроса ко мне в трусы!

ВИКТОР. Ошибка системы. Директор молчал, учителя молчали, родители тоже. Про нас вообще молчу.

ЛЕНА. С кем спать – это личное дело каждого. Эти девочки всё прекрасно понимали! (*Резко встаёт и идёт вверх по лестнице.*)

НАТАША. Лена!

ВИКТОР. Ей надо побыть одной.

В гостиную входит Кристиан.

КРИСТИАН. Ви громка кричите. Што происходит? Што с фами нэ так?

324

АНАТОЛИЙ. В школе, которую мы закончили, сексуальный скандал. Учитель пятнадцать лет спал с ученицами, и...

Сверху раздаётся крик Лены.

НАТАША. Зачем? Зачем мы вообще об этом начали говорить? Вы же знаете, что у Лены слабые нервы.

ВИКТОР. Вообще-то она сама и начала.

НАТАША. Мы могли и не замечать этого.

АНАТОЛИЙ. И удалиться из Фейсбука? Не заходить в интернет?

НАТАША. Да, удалиться из Фейсбука! И не заходить в интернет!

ВИКТОР. Может, еще и Телеграм удалить?

НАТАША. Я поднимусь к ней. Сидите тут. *(Резко встаёт, бежит наверх к Лене.)*

КРИСТИАН. Почему вы такие? Мнэ нато работат. Скоро токклад. Если вазможно, могли бы пыть тихими?

АНАТОЛИЙ. Постараемся.

КРИСТИАН. Эта рапота очен фашна для мэня. Поймитэ!

ВИКТОР. Да дошло до нас!

КРИСТИАН. Вы кута-то идэте?

АНАТОЛИЙ. Ещѐ раз извини, мы поняли.

Кристиан возвращается к себе в кабинет.

ВИКТОР. Вот и встреча одноклассников.

АНАТОЛИЙ. И не говори...

Пауза.

ВИКТОР. Знаешь, какие мысли мне пришли в голову? Фил встречался с Таней из гумкласса, а потом её заметил наш географ. Они с историком очень дружили. Наверное, обсуждали свои победы. Об этом мало говорили, но Фил напал на географа посреди урока. Дело замяли тогда. Директор защищал честь школы. Может, Фил из-за этого... Отголоски юношеской травмы, так сказать. Это лишь моя гипотеза. Выдвини свою. Нас же учили докапываться до истины.

АНАТОЛИЙ. Мерзко как-то всё это. Может, и хорошо, что моего сына не взяли.

ВИКТОР. Как не взяли? У тебя же ещё отец там учился!

АНАТОЛИЙ. Ты всё сам слышал. Сейчас это уже ничего не значит.

ВИКТОР. Знаешь, что ещё обидно? У Филя был талант. А он его просрал.

АНАТОЛИЙ. Сам же сказал – травма.

ВИКТОР. Кто-то сильнее, кто-то слабее. Но его последние посты в Фейсбуке были откровенным бредом. Он спятил. Почему его все так любили?

АНАТОЛИЙ. Ты всё ещё завидуешь ему?

ВИКТОР. Мертвым не завидуют.

АНАТОЛИЙ. Когда ты успел стать таким?

ВИКТОР. Каким?

АНАТОЛИЙ. Даже не циником. Не знаю, как это обозвать...

ВИКТОР. Ты слишком интеллигентен, чтобы называть вещи своими именами. Нас так выдрессировала наша школа. Вернее вас, не меня. Я всегда жил своим умом. Ведь людям из плохих семей надеяться не на что, так ведь?

АНАТОЛИЙ *(отвечает на звонок смартфона)*. Катя! Как всегда вовремя. Да, алло! Да? *(Встаёт и выходит в сад.)*

ВИКТОР *(достаёт свой смартфон, что-то проверяет)*. Отлично!

По лестнице спускаются Лена и Наташа.

Девчонки, никто не хочет на сегодняшний концерт в Филармонию. Есть два места в ложе.

НАТАША. Я пас.

ЛЕНА. А кто будет играть? Какой дирижер?

ВИКТОР. Не знаю. Но исполнять будут пятую симфонию Малера.

ЛЕНА (*тут же*). Чёрт с тобой! Только переоденусь. (*Убегает.*)

ВИКТОР. Я пока такси вызову. (*«Тыкает» в смартфон.*)

Наташа собирает бумажки в цилиндр на столе, затем садится в кресло.

НАТАША. Как ты лихо всё провернул. Лена хоть развееется... Малер – её любимый композитор. Мы же вместе в музыкалку ходили. Она в двенадцать лет руку сломала и всё... А у меня способностей не было.

ВИКТОР. Чего нет, того нет.

НАТАША. Зря я тебя позвала.

ВИКТОР. Наташ, не обижайся! Ты знаешь, друзьям я всегда говорю только правду. Да, я циник. Но к тебе я всегда хорошо относился. Поэтому и приехал.

НАТАША. Ты был другим.

ВИКТОР. Кристиан и вправду хочет переехать в Россию?

НАТАША. Умеешь же ты менять тему. Он тебе успел всё рассказать?

ВИКТОР. Да, когда показывал библиотеку. Кстати, отличные у него лекции.

НАТАША. Он очарован Россией. Но не настоящей Россией. А той, что в книжках. Он не видел реальную Россию.

ВИКТОР. Можно подумать, мы видели? Нам лишь твердили, что мы лучшие люди страны. А что мы знали: Москва, Питер, дачи, Золотое кольцо – вот и всё.

НАТАША. А разве этого мало?

ВИКТОР. Но почему же тогда мы здесь? (*Отвлекаясь на смартфон.*) Такси приехало. (*Кричит.*) Лена!

Лена быстро спускается по лестнице в вечернем платье.

НАТАША. Впору?

ЛЕНА. Да! Спасибо, Ната!

Наташа встаёт, подходит к Лене. Подруги обнимаются.

ВИКТОР (*подходя к ним*). Пора идти. А то ещё опоздаем на концерт. Вит! Вит!

НАТАША. А твой пиджак?

ВИКТОР. Я его повесил при входе.

НАТАША. Удачно сходить!

ВИКТОР. Оревуар!

Виктор и Лена уходят. Появляется Анатолий. Он резко падает в кресло.

НАТАША. Что-то случилось?

АНАТОЛИЙ. Катя весь мозг вынесла. Давно так не ругались. (*Пауза.*) У вас отличный сад.

НАТАША. Наш садовник из Сербии. (*Через паузу.*) Толь, а разводится тяжело было?

АНАТОЛИЙ. Расставаться всегда тяжело. Особенно, когда знаешь человека с детства. Вернее, думаешь, что знаешь. Как общего ребёнка делить?

НАТАША. Хорошо, что у нас с Кристианом нет детей...

АНАТОЛИЙ. Вы собираетесь разводиться?

НАТАША. Я? Да. Он ещё не знает про моё решение. Что-то подозревает, но прячется за своей работой. Да и работа у него – сам видел всё.

АНАТОЛИЙ. Я не виню Катю. Новый муж даст ей больше. У него ещё есть американское гражданство.

НАТАША. Толя, ты о чём вообще? Живёшь с человеком, а не с паспортом!

АНАТОЛИЙ. А выходит, что с паспортом. Деньгами. Японистом быть не так уж приятно и выгодно. Когда только учил язык – романтика, а сейчас тупые будни и выбивание грантов.

Пауза.

НАТАША. Поехали в центр?

АНАТОЛИЙ. Давай. Хоть развеемся. Лена с Витей молодцы, надо было и нам с ними за компанию.

НАТАША. Нет. Я хочу побыть с тобой.

АНАТОЛИЙ. А как же Кристиан?

НАТАША. Он даже не заметит моего отсутствия.

АНАТОЛИЙ. Хорошо.

Наташа и Анатолий уходят. Некоторое время помещение остаётся пустым. Раздаётся звонок городского телефона.

КРИСТИАН (*выбегает из своего кабинета*). Наташа! Тэлэфон! (*Нервно берёт трубку*.) Йа! Вас? Елена Фолькман? Муж? Какой Ивянофф? Йа нэ знау гдэ она! Найн. Израэль? Алло! Алло! Нэ слышу! (*Бросает трубку. Замечает цилиндр на столе, подходит, достаёт первую попавшуюся бумажку, читает.*) Фало... имитатор. Вас???

Действие II

Сцена первая

Вагон венского метро. Пассажиров двое: Анатолий и Наташа.

АНАТОЛИЙ. Это была чудесная прогулка! Почти как Киото. Какие красивые места!

НАТАША. Мне их Кристиан показал.

АНАТОЛИЙ. Всё-таки ты всё ещё его любишь. И ты должна остаться с ним.

НАТАША. Я никому ничего не должна.

АНАТОЛИЙ. В России сейчас небезопасно. Лучше быть здесь, чем там. И поверь мне, разрушить семью легко, пара бумажек – и всё! Разводы – это бич нашего поколения.

НАТАША. Я читала твои посты в Фейсбуке. Расскажи, как всё было на самом деле?

АНАТОЛИЙ. Я уехал на стажировку в Японию. С Катей мы сначала долго разговаривали по Скайпу, но разница во времени... учебная нагрузка... В общем, разговоры стали чем-то дежурным. Её интонация начала меняться, она всё больше отдалялась от меня.

Я старался этого не замечать, ушёл с головой в свою тему. Когда вернулся в Москву, квартира была пустой. Она забрала Сашу и ушла к своему любовнику, я так и не понял, чем он занимается. Какие-то перевозки. Зато у него ещё есть американское гражданство. А я ей шёлковое кимоно привёз... оно так до сих пор и висит в шкафу. А потом... суд, нервы, делёж... как делить ребенка? Я же не царь Соломон. Меня коллеги утешали, как могли, но за моей спиной смеялись надо мной.

НАТАША. Как же мне тебя жаль, Толя!

АНАТОЛИЙ. Даже сына родного не смог в нашу школу устроить. Вся жизнь наперекосяк. Я подал заявление на ещё один грант. Но когда вернусь, сын будет называть отцом другого? Да ещё не по-русски.

Остановка. В вагон входит Женщина в хиджабе, громко говорит по телефону по-арабски, садится на сиденье напротив.

НАТАША. Их всё больше. Они даже не говорят по-немецки.

АНАТОЛИЙ. Мы тоже только что говорили не по-немецки.

Движение поезда.

НАТАША. Здесь другое.

АНАТОЛИЙ. Как бы я ни любил Японию, но они националисты. Я жил в этой среде. Поверь, национализм – это страшная сила. Я был для них гайдзином.

НАТАША. Но ты знаешь язык и культуру, ты учёный. А что делают они?

АНАТОЛИЙ. Ты говоришь как правые популисты.

НАТАША. В теории мы все леваки... но мне бывает страшно в общественном транспорте. Ты же слышал про изнасилования?

Остановка. В вагон входят двое подвыпивших молодых бритоголовых австрийцев в чёрных одеждах. Наташа и Анатолий молчат, Женщина в хиджабе продолжает о чём-то увлеченно говорить по телефону. Один из молодых людей отбирает у неё телефон и швыряет его об пол. Женщина в хиджабе начинает кричать. Другой со всей силы бьёт ногой по стеклу в паре сантиметров от её головы.

АНАТОЛИЙ. Я не могу на это смотреть! *(Резко встаёт и кричит.)* Хальт!

НАТАША. Толя!

Парни оборачиваются и смотрят на Анатолия.

332

Сцена вторая

У входа в Венскую филармонию. Виктор и Лена вышли подышать свежим воздухом. На Лене пиджак Виктора. Она закуривает. Вдалеке слышны раскаты грома.

ВИКТОР. Кажется, дождь будет.

ЛЕНА. И всё-таки, сколько стоят эти места?

ВИКТОР. Двести—триста евро. Дирижер какой-то крутой. Ты же слышала? Но мне-то они всё равно за

так достались. Европа – это бизнес, а бизнес – это связи. Один из клиентов живёт здесь. Когда я зачекинился в Вене, он тут же мне предложил халявные билеты.

ЛЕНА. А что за клиент?

ВИКТОР. Ты же знаешь, это коммерческая тайна. Так, ничего особенно, любитель русского авангарда. Но умеет быть благодарным.

ЛЕНА. Не нефтью единой живём!

Раздаётся первый звонок.

ЛЕНА. Долго ещё антракт продлится?

ВИКТОР. Минут пять.

ЛЕНА. Неужели Малер был такая сволочь?

ВИКТОР. Только как человек. Великие художники тоже люди. Вспомни Мережковского и Эзру Паунда.

ЛЕНА. Всё школа из головы не выходит.

ВИКТОР. М-да... Но учителем он был хорошим. Посмотри на меня. Не башка, а Википедия. Обучили же!

ЛЕНА. Но как ты мог говорить такое про своих?

ВИКТОР. Я слишком долго живу в Европе. А здесь выносят сор из избы.

ЛЕНА. А мне кажется, это всё поганое путинское поколение.

ВИКТОР. Да в Путине ли дело? На его месте мог быть, кто угодно! Мы бы так же прожили эти годы, слонялись бы между Берлином и Гоа. Писали бы срные посты в Фейсбуке, делали бы селфи, женились и разводились. Путин – Путин, это просто образ времени. Мы все ждём, когда он сгинет. И что дальше? Его

Величество Навальный? Навалион Бонапарт! Нет?! К власти придут худшие. Нам вот дали образование и что мы сделали? Начали срать в Фейсбуке! А эти митинги? Сходили пару раз и всё. Режим рухнет? Я свалил и горжусь этим. Я нужен здесь, и ко мне не относятся как к быдлу.

Раздаётся второй звонок.

ЛЕНА. Ой, вот не надо нести всякую чушь!

ВИКТОР. Самое страшное, что Европа соскучилась по железной руке. Вот почему Кристиан так фанатеет от Путина. И не он один. А он не самый глупый человек, хоть и придурок. Россия с ненавистным царем во главе больше нужна Европе, чем самой России. Но этот режим сам себя разрушит. Я никогда не вернусь назад. Помнишь, как у Стругацких... Зона проникла в наших детей. Излечиться от Зоны можно только за её пределами.

ЛЕНА. Остапа понесло... После таких слов всякое желание слушать музыку пропадает. Пойдём выпьем, что ли?

ВИКТОР. А что, давай, пока дождь не начался. Тут неподалеку есть неплохой ресторанчик.

ЛЕНА. А твой клиент нам и там выпивку купит?

ВИКТОР. Лена! *(Принимает вызов своего смартфона.)* Что? Говори медленнее, кто напал? На кого? Куда его отвезли? Скинь мне адрес в Вотсап.

ЛЕНА. Что случилось?

ВИКТОР *(быстро что-то набирает на смартфоне)*. На Нату с Толей напали хулиганы в метро. Толя избил их. И сейчас он в участке.

ЛЕНА. Блядь!

ВИКТОР. Он в своей Японии не только язык учил. Помнишь его фотки, где он с каким-то матёрым сенсеем рядом стоит?

ЛЕНА. Но почему так всегда? Почему?

ВИКТОР. Я вызвал нам такси.

Раздаётся третий звонок.

ЛЕНА. Как всё бесит. *(Скидывает пиджак, возвращается в Филармонию.)*

ВИКТОР *(в шоке, через паузу)*. Эх, Лена-Лена. *(Поднимает пиджак и быстро уходит.)*

Слышна музыка.

Сцена третья

Больничная палата в одной из венских больниц. На кровати с перевязанной головой лежит Володя. В палату заходит Медсестра. Меряет ему температуру. Володя приходит в сознание.

МЕДСЕСТРА. Очнулись.

ВОЛОДЯ. Где я?

МЕДСЕСТРА. В больнице.

ВОЛОДЯ. В каком городе?

МЕДСЕСТРА. В Вене. Вас привезли утром без сознания.

ВОЛОДЯ. На меня напали какие-то козлы. Я хотел у них спросить дорогу, а они меня избили...

МЕДСЕСТРА. Это запросто. Вот недавно двух парней доставили, какой-то каратист в метро на них набросился.

ВОЛОДЯ. Постойте, а почему вы говорите по-русски?

МЕДСЕСТРА. Потому что я из Питера. Вышла замуж, переехала к мужу.

ВОЛОДЯ. Мне кажется, я вас где-то видел. Вы не разведены?

МЕДСЕСТРА *(берёт градусник)*. Как-нибудь в другой раз вам отвечу. *(Выходит.)*

ВОЛОДЯ. А как же лекция про средневековые лабутены?

Из коридора слышна ругань и обрывки фраз: «К нему нельзя... постойте!» В палату врывается Димон, здоровенный амбал.

ДИМОН. Ну чё, бля, Владимир Владимирович? *(Подходит к кровати и бьёт Володю по щекам.)*

336

ВОЛОДЯ *(открывая глаза)*. Прекрати, сатрап.

ДИМОН *(садится на стул рядом)*. Ну чё, опять насрал, а мне подтирать? Знали бы вы, дорогой Владимир Владимирович, как вы меня заебали! Вытаскиваешь вас из полиции, из притонов, из больниц и дурдомов... Ты это – не вырубайся. С тобой отец поговорить хочет. *(Набирает номер на смартфоне, включает громкую связь.)*

ГОЛОС ОТЦА. Как он?

ДИМОН. В сознании. Может говорить. Врач сказал, что легкое сотрясение и пара синяков.

ГОЛОС ОТЦА. Он меня слышит?

ДИМОН. Я громкую связь врубил.

ГОЛОС ОТЦА. Значит так ты своего отца уважаешь? Из-за тебя может пострадать моя репутация!

ВОЛОДЯ. Отец, почему ты не хочешь оставить меня в покое?

ГОЛОС ОТЦА. Сколько денег я в тебя вбухал! А сколько ушло, чтобы замять тот скандал! Это-то ты понимаешь? Урод! Завтра жду тебя в Москве. Отберу твой паспорт, пару месяцев поживёшь в Ханты-Мансийске, а лучше в Норильске! Сразу поумнеешь!

ВОЛОДЯ. У тебя же куча детей от других жен и любовниц. На хуя я тебе сдался? Я не вернусь в Россию.

ГОЛОС ОТЦА. Да кому ты там нужен, Володя?

ДИМОН. Не беспокойтесь, доставим его в лучшем виде. Билеты уже забронированы.

ГОЛОС ОТЦА. Время тратить не хочу на это говно.

ВОЛОДЯ. Папа, иди на хуй!

Володя вырывает у Димона смартфон, хочет бросить его об стену, но Димон отбирает свой гаджет.

ДИМОН. Приказ ясен? Выдвигаемся. Летим в нашу Рашу. Лежи здесь, я сейчас одежду тебе органикую. *(Выходит из палаты.)*

Володя лежит на кровати. В палату входит Франкл. Садится на стул рядом с Володей.

ФРАНКЛ. Проблемы с отцом?

ВОЛОДЯ. Франкл?! Ты-то здесь каким лесом?

ФРАНКЛ. Вы читали мои книги на втором курсе. Что-то в вашем подсознании отложилось. Возможно, что-то не то. Быть вашим глюком – большое унижение для ученого с моим именем.

ВОЛОДЯ. Но ты же не настоящий!

ФРАНКЛ. Повторю ещё раз. Я проекция вашего подсознания. Володя, скажу вам честно, выглядите вы ужасно. Все мы в плену у наших отцов. Я так и не понял: он вас не хочет отпускать? Или же вы рады находиться под его опекой? Приятно же, когда вас спасают, да?

ВОЛОДЯ. На фига я всё это читал?

ФРАНКЛ. Мне некогда заниматься подростками. Ответьте себе честно на эти вопросы. И найдите смысл жить дальше. *(Выходит.)*

Володя встаёт, подходит к окну. Пытается его открыть. Входит Димон.

ВОЛОДЯ. Франкл, вызови полицию!

ДИМОН. Совсем спятил?

Сцена четвертая

Гостиная в доме Кристиана. Виктор с чемоданом-портпледом стоит в гостиной. Вокруг него собрались все – Анатолий, Кристиан, Наташа, Лена.

ВИКТОР. Ребят, всё-таки хорошо, что мы встретились. Мне и правда надо ехать.

АНАТОЛИЙ *(жмёт ему руку)*. Я так и не понял, как ты меня вытащил из полиции?

ВИКТОР. Потом расскажу.

КРИСТИАН. Бил ряд знакомиться! Скатэртью то-рошка! *(Жмёт руку.)*

Слышны нетерпеливые сигналы машины.

ВИКТОР. Таксист меня прям заждался.

Подходит Наташа и молча обнимает Виктора.

ЛЕНА *(подходит, сухо)*. Ну пока, Вить!

ВИКТОР. До машины я сам дойду. До скорой! В следующий раз встречаемся у меня в Париже! Ореву-ар мес ами! *(Выходит.)*

Звуки отъезжающей машины. Друзья рассаживаются вокруг круглого стола, на котором всё ещё лежит цилиндр.

АНАТОЛИЙ. Так и не доиграли... в «Шляпу».

КРИСТИАН. Как твой голова?

АНАТОЛИЙ. Нормально.

КРИСТИАН *(смеется)*. Опять нормально?

ЛЕНА. Я всё равно не понимаю, зачем было лезть на рожон из-за какой-то арабки. Её земляки за тебя бы точно не вступились!

НАТАША. Пойми, Толя не мог поступить иначе. При нём унижали женщину. А он настоящий русский интеллигент...

ЛЕНА. Да ладно? *(Обращается далее к Анатолию.)* Мой народ, Анатолий Иосифович, воевал с арабами в 56-м, в 67-ом, в 73-м, в 82-м. А мы сейчас с ними воюем!

АНАТОЛИЙ. Лен, я понимаю, что ты пережила тогда, но это не даёт тебе права...

ЛЕНА. Не даёт? Ещё как даёт! Ты видел, как машина размазывает человека по асфальту? Ты видел, как лопаются черепная коробка? Как яйцо! Мы с моим мужем видели, как смертник протаранил толпу на остановке в Иерусалиме через секунду после того, как мы сели в автобус! Ты думаешь, почему у Саши поехала крыша? Скоро они начнут нападать на вас. Ваши страдания станут их победой, наша кровь станет и вашей кровью. Этого хотите, да? Получите! Получите, блядь!

КРИСТИАН. Йа, йа! Если бы президент Аустрии бил би Путин, этого бы не било!

ЛЕНА. АНАТОЛИЙ. Что?

НАТАША. Кристиан шутит. Не слушайте его.

КРИСТИАН. Найн. Йа нэ шучу. Аустрии нужен такой, как он. Железний лидер. Кокта йа стану граждинин России, буту голосоват за нэго.

ЛЕНА. Вы, европейцы, ничему не учитесь.

АНАТОЛИЙ. Ты разве не понимаешь, что это за человек?

КРИСТИАН. Ви нэ понимаэте!

ЛЕНА. Во мударк!

КРИСТИАН. Вас?

НАТАША. Лена!

ЛЕНА. Как ты можешь жить с этим фашистом?

КРИСТИАН. Йа нэ фашист! Но мнэ нравится Путин.

ЛЕНА. Точно мудака!

НАТАША. Не смей оскорблять моего мужа в моём доме!

КРИСТИАН. Это ругательство?

ЛЕНА. Твоём? Ты же хотела его бросить?

КРИСТИАН. Вас?

АНАТОЛИЙ. Давайте помолчим.

ЛЕНА. Ещё как хотела!

КРИСТИАН. Это правда? Наташа?

ЛЕНА. Конечно, правда. Она хочет от тебя свалить. Она такая же, как я. Как мы все.

КРИСТИАН. Наташа?

НАТАША *(вскрикивает)*. Всё достало!

КРИСТИАН. Но почему?

НАТАША. Ты так ничего и не понял? Я так больше не могу! Не могу! Сука, блядь! Ебаная мразь!

Кристиан встаёт, хватается руками за голову, подходит к книжному шкафу и в ярости начинает скидывать книги на пол. Анатолий пытается его остановить. Наташа испугана.

КРИСТИАН. Уходите! Прочь! Раус! Ты никогда нэ називаля мэня по имени! Вон из майн хауз! Раус! Раус! Пока йа нэ позвонить в полицай. Варвари!

ЛЕНА. Как что, сразу полицаев зовут... Только возьмём свои вещи.

Лена и Анатолий выходят, Наташа в слезах бежит в сад. Звонит городской телефон. Кристиан резко останавливается.

Сцена пятая

Автобусная остановка. На лавке сидят Лена, Анатолий и Наташа. У Лены и Анатолия по чемодану-портпледу.

ЛЕНА. Кристиан псих.

НАТАША. А сама? Но... спасибо!

ЛЕНА. Нет, ты скажи мне, как ты смогла так долго прожить с ним под одной крышей? *(Звонит её смартфон.)* Неизвестный номер... *(Отходит в сторону.)* Ес? Уот? Ес?

АНАТОЛИЙ. Что Бог ни делает, всё к лучшему.

НАТАША. Но это сделал не Бог. И я в него не верю. Этот брак был ошибкой. А я старалась этого не замечать. Но это моя жизнь. Жизнь не должна быть ошибкой.

ЛЕНА *(кричит)*. Ноу!! Уот хи дид? Ноу! Ес. Окей. Ес. Ес, ай андерстуд. *(Сбрасывает вызов. Плачет.)*

Наташа и Анатолий подходят к ней.

НАТАША. Что случилось?

АНАТОЛИЙ. Лена, не молчи.

ЛЕНА. Саша поехал в аэропорт, собирался лететь сюда. Там у него произошёл нервный срыв при досмо-

тре и... его скрутили. Я же спрятала его израильский паспорт. Он хотел сесть на самолет по российскому. Без Шенгена.

АНАТОЛИЙ. Вот так номер!

ЛЕНА. Я вечно всё порчу! *(Пауза.)* Мне срочно нужно назад в Израиль! Я ему нужна.

НАТАША. Но ты же говорила, что он идиот.

ЛЕНА. Да. Но он мой идиот. И я ему нужна.

АНАТОЛИЙ. Я всё-таки вызову нам такси. *(Достает смартфон, делает вызов.)*

НАТАША. Его избили?

ЛЕНА. Возможно. В Бен-Гурионе серьезная система безопасности. Но я всё исправлю. Всё склею.

НАТАША. Но как?

ЛЕНА. Не знаю. Ничего не знаю. Я во всем виновата. Не надо было сюда приезжать. Не надо. Не надо.

АНАТОЛИЙ. Машина будет через три минуты.

Пауза.

НАТАША. Не переживай, уверена, что ничего серьезного.

ЛЕНА. Это служба безопасности. Ничего серьезного, да, блядь?

АНАТОЛИЙ. Вон, похоже, машина. Что-то быстро.

ЛЕНА *(встает, берет свой чемодан)*. Спасибо, Толя! Но я хочу одна поехать в аэропорт.

НАТАША. Но Лена?!

ЛЕНА. Я хочу побыть одной. Одной. Побыть одной. Дело не в вас. (*Анатолию.*) С тебя сколько спали?

АНАТОЛИЙ. Забудь про это. Дай хоть чемодан помогу...

ЛЕНА. Не надо. Я сама. Я всё сделаю сама. Сама. Мне никто больше не нужен.

Наташа, Лена, Анатолий обнимаются на прощанье. Лена уходит к машине. Анатолий и Наташа остаются на месте.

АНАТОЛИЙ. Вот и автобус.

НАТАША. Я тебя провожу

Сцена шестая

Поздний вечер. Сад возле дома Кристиана. Горит костер. Кристиан приносит в коробке личные вещи Наташи. Видно, что он нетрезв. Напевает про себя «Schreib es mir in den Sand». Роняет коробку. Одежда, фотографии, книги вываливаются на землю. Он с ожесточением бросает их в огонь.

КРИСТИАН. Инс фоер! (*Продолжает напевать.*)

В сад входит Володя.

ВОЛОДЯ. Гутен абенд! Ты Кристиан? Да? А где мои друзья?

КРИСТИАН. Ти кто?

ВОЛОДЯ. Володя, Наташин одноклассник. Я что, опоздал на встречу?

КРИСТИАН. Наташа... Убирайся! Раус! Шнель!

ВОЛОДЯ (*подбирает старое фото*). Наташа с Филом... Почему я не знал... Зачем ты сжигаешь эти вещи?

КРИСТИАН. Она от мэня ушла... Я хотэл стат русский. Хотэл пониать вас. Но ви варвари!

ВОЛОДЯ. Это ты «варвари!» Жечь-то зачем?

КРИСТИАН. Наташа... (*Напевает.*) «Schreib es mir in den Sand...»

Появляется Димон.

ДИМОН. Ну чё? Поехали в Москву, Володя. Не фиг время терять.

ВОЛОДЯ. В печь всё. В Москву.

Володя и Димон уходят. Кристиан продолжает петь и бросать вещи в огонь. У него звонит мобильник. Не глядя бросает и его в костер. Слышен вой полицейской сирены.

345

Сцена седьмая

Венский аэропорт. В зале ожидания сидит Наташа, уткнувшись в смартфон. Появляется Анатолий, садится рядом с ней.

АНАТОЛИЙ. Ф-у-х... Оформил билет, сдал багаж. Через сорок минут вылет. Прямой рейс до Москвы.

НАТАША. Директора нашей школы уволили.

АНАТОЛИЙ. Что?

НАТАША. Это конец. Конец нашей школе.

АНАТОЛИЙ. Как они могли?

НАТАША. Они могли. А мы? Что мы сделали? Перепостами делу не поможешь. И ещё... Лена написала пост на Фейсбуке – про свои отношения с историком. Совершила камин-аут. Молодец! Теперь сможет начать жить заново. *(Отвечает на звонок смартфона.)* Йя. Их бин фрау Кристиан. Йя. Йя. Вас??? Кристиан... *(Сбрасывает вызов. Роняет смартфон.)*

АНАТОЛИЙ *(поднимает смартфон)*. Что на этот раз?

НАТАША. Кристиан... он в полиции.

АНАТОЛИЙ. Что он натворил?

НАТАША. Нарушение общественного порядка.

АНАТОЛИЙ. Что?

НАТАША. Не знаю. Пока ничего не знаю.

346

Пауза.

АНАТОЛИЙ. Я могу на другом улететь.

НАТАША. Не глупи. Я справлюсь.

АНАТОЛИЙ. Точно?

НАТАША. Точно. Отступать ведь некуда, верно?

Наташа и Анатолий прощаются. Анатолий уходит.

(Самой себе.) Хватит всех этих постов! Нужно действовать.

Сцена восьмая

Салон бизнес-класса в самолете. На соседних креслах сидят Володя и Димон. Подходит Стюардесса с подносом и предлагает шампанское.

СТЮАРДЕСА (*подходя*). Шампанского?

ВОЛОДЯ. С удовольствием! (*Берёт бокал.*)

ДИМОН. Мы непьющие, спасибо. (*Резко выхватывает бокал, обливая Володю, и ставит обратно на поднос.*)

ВОЛОДЯ. Блин!

СТЮАРДЕССА. О-о-й, я принесу салфетки.

ВОЛОДЯ. Не надо, я в туалете всё смою. Пойдите, вы стюардесса?

СТЮАРДЕССА. Да.

ВОЛОДЯ. Переехали к мужу в Австрию, получили гражданство и развелись? А теперь летаете, птичка? Лабутены, блядь!

СТЮАРДЕССА. Хам! (*Резко уходит.*)

ДИМОН. Ну, ты дал! Не умеешь ты со слабым полом общаться. (*Смотрит на удаляющуюся Стюардессу.*) Пошла челядь обслуживать.

ВОЛОДЯ. А сам-то кто, бычара?

ДИМОН. Зря ты так, Володя. Мне тебя, говнюка, ещё в Норильск сопровождать. Я с твоим батей Афган прошёл.

ВОЛОДЯ. А теперь ты подтираешь жопу его сыну. Тебе самому-то не надоело?

ДИМОН. А я знаю, на кой хер ты ему сдался?

ВОЛОДЯ. Я в туалет. *(Встаёт и уходит.)*

*Димон натягивает маску для глаз. Затемнение.
К Димону подходит Стюардесса, будит его.*

СТЮАРДЕССА. Простите, ваш спутник не выходит из туалета.

ДИМОН. Понятно. *(Встаёт.)*

Димон и Стюардесса подходят к туалету.

(Стучась.) Ну, чё ты там замутил опять?

СТЮАРДЕССА. Я позову бортпроводника.

ДИМОН. Не надо. Фирма заплатит. *(Ломает дверь.)* Опять. Несите аптечку!

Вместо эпилога

*На сцену актового зала элитной школы №** выходит Наташа в строгом учительском костюме.*

348

НАТАША. Дорогие родители и ученики! Я – Наталья Сергеевна Лихачева, новый директор школы. Мне немного непривычно произносить торжественные речи. Наша школа, как всем известно, готовит будущую интеллектуальную элиту не только нашей страны, но и всего мира! И ничто не сможет помешать нам передавать те знания и те сложившиеся традиции, которыми она так сильна...

КОНЕЦ

Сюжет

Интересующую Вас информацию Вы можете
получить в Кабинете драматургии СТД РФ:
107031, Москва, Страстной бульвар, 10.
Тел./факс: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Playwrights Department, Theatre Union of Russia.
Address: Russia, 107031, Moscow, Strastnoy b-r, 10.
Tel./fax: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Литературно-художественное издание

«СЮЖЕТЫ»

№ 35

Редакционный совет
Художественное оформление *Е.М. Добровинский*
Компьютерная верстка *Е.П. Корсина*
Корректор *И.А. Седова*

ЛР №04776 от 08.05.2001 г.

Подписано в печать 03.12.2018
Формат 70x100/32. Тираж 500 экз.
Заказ № ...

Союз театральных деятелей Российской Федерации (ВТО)
107031, Москва, Страстной бульвар, д.10.

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д.6

